

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ДЕНЬГИ ДЛЯ СЧАСТЬЯ
(сборник повестей и рассказов)

2014

Оглавление

О книге.....	3
Повести	5
Не запретные откровения о запретном	5
Самоидентификация	23
Рассказы	34
Современные отношения	34
Солнышко	36
Правда.....	39
Жизнь в радость.....	40
Писатель	43
Случайная встреча	46
Сука	50
Удивление.....	55
Вдоль по Кирочной.....	57
Мечтатель.....	60
Границы реальности.....	65
Ребенок.....	69
Мой брат	72
Бывшая любовь	73
Вор.....	77
Одно из воспоминаний.....	81
Разговор с собой	87
Голос.....	90
Это жизнь.....	93
Удивление Степана	95
Неприкасаемая.....	98
Деньги для счастья.....	100
Сделка	105
Сельские будни.....	109
Принцип реальности	112
За все надо платить	115
Случай на гражданке	119
Стремление к красоте	123

С. А. Зелинский

Деньги для счастья. Сборник повестей и рассказов.

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

О книге.

«Я предпочитаю быть один, но рядом с кем-то...»

С. Довлатов

С.А.

Зелинский

Деньги для счастья

СБ.ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

2014

Деньги для счастья. Сборник повестей и рассказов.

Повести

Не запретные откровения о запретном

«Я предпочитаю быть один, но рядом с кем-то...»

С. Довлатов

Пролог

Не знаю, сколько на самом деле должно было пройти времени... Может год, может два... А может и не хватило бы десятилетия... Но в какой-то момент я просто-напросто поймал себя на мысли, что для того, чтобы заставить себя проанализировать случившееся – совсем незачем столько ждать.

Сразу замечу, что в данной ситуации, вероятней всего, анализ анализу рознь. И разнится он будет неизменно всякий раз с новой силой, так что в какой-то момент времени (если задан будет когда ему предел) все должно вернуться на круги своя; и тогда уже ничто не сможет омрачить (равно, как и изменить) того неземного состояния, в котором, иной раз, приходится нам находиться. И о которых хочется рассказать сейчас.

События, о которых пойдет речь (и которые можно было отнести к периоду... Впрочем, по всей видимости, не стоит излишне привязывать и себя и вас к какому-то конкретному времени и месту) произошли на самом деле.

В один из дней, Андрей Константинович Васильев проснулся в неожиданно худшем (чем он, должно быть, хотел сам) настроении, и выстроив в своем мозгу примерный план-схему дел на текущий день неожиданно понял, что, собственно, делать он сегодня ничего не может, как просто взять перо да бумагу, да – и это тоже он почувствовал, что надо сделать по возможно быстро – изложить то, что с ним когда-то произошло. Однако, стоило ему предаться своим воспоминаниям (а еще сложнее было проецировать их на бумагу), как Андрей Константинович внезапно понял, что сделать подобное он вовсе не может. И не от того, что не хочет. Нет. Он хотел этого. Очень хотел.

Но вот только почему-то в его мозгу вдруг начала пульсировать предательская мыслишка, что ничего у него не получится.

Неизвестно, сколько бы еще он просидел в подобных раздумьях, если бы его не отвлек брошенный в окно снежок (дело было зимой), который вдруг превратился в осколки оконных брызг, которые, к счастью, его не задели, но послужили причиной такого творческого вдохновения, что Андрей Константинович, больше ни о чем не задумываясь, стал писать.

Глава 1

«Все началось, вероятно, с моего первоначального страха по отношению к женщине. Причем женщина (и это было именно так) не была какой-то конкретной; а все, что я относил к понятию страха, и что являлось неременным следствием его (выражавшимся в каком-то загадочном сочетании моей затворнической жизни и жизни самой что ни на есть жизни «активной», когда я, окунаясь в пучину любовных приключений, только через энное количество суток возвращался домой – обессиленный и уставший, и, закрывшись ото всех, – не выходил несколько дней) касалось, по всей видимости, женщин всех без исключения. Женщин как таковых.

Дождавшись того состояния, когда я уже, казалось, и не мог больше ждать, я наспех накинул на себя то, что находил больше подходящим для этого времени года, и вышел на улицу. Сама улица не представляла из себя ничего интересного, как лишь только тех, кто по этой улице ходил. Вернее, кого я мог встретить. А интересовали меня женщины. Причем, не абы какие, а только те, у кого я мог вызвать хоть какой-то «интерес». Причем, совершенно не знаю, почему и когда так повелось. Конечно, внешне я не красавец. Среднего роста (быть может, чуть пониже среднего роста), худощавый (скорее даже худой), с жиденькими (какими-то уж слишком светлыми) волосами, чуть прихрамывающий на правую ногу (последствия перенесенного в детстве полиомиелита), и оттого всегда пользовавшийся тростью, придававшей, впрочем, мне даже какое-то загадочное изящество (ну, так я считал).

Бороды и усов я не носил. Хотя отпустить пробовал. Но уж слишком быстро становился похож на какого-нибудь дьяконька, с его редко и взлохмаченной бородачкой и такими же... впрочем, и так понятно, что вместо усов у меня выросло нечто неопределенное.

Да, ходил я всегда в неизменном костюме с галстуком. Причем, галстуков у меня было такое количество, что я легко вводил в заблуждение своих знакомых, считавших что у меня наоборот –

очень много костюмов. Что было совсем даже не так. Да и на улицу последний раз я выходил уже и не помню когда. А все больше сидел дома, забившись в угол, и мечтая совсем черт знает о чем.

Кто знает – хорошо это или плохо? Но другого выхода у меня не было. Ибо случились со мной все признаки депрессивных состояний (описанных скорее в учебниках психиатрии, чем реально встречаемых у простого обывателя), и я, признаться, совсем не мог от них избавиться.

В тот вечер (всего лишь один из вечеров) все происходило по единому (и уже почти неизменному) сценарию. И был еще он примечателен тем, что именно тогда я встретил женщину (одну из нескольких, относительно надолго задержавшихся в моей жизни), ставшую в некотором роде поворотным механизмом единой цепи жизненных обстоятельств, о которых можно было судить как о пришедших надолго (но уже тогда подсознательно мне казалось, что не навсегда; что вскоре и подтвердилось).

Звали женщину Варя. Была она по-русски красива, столь же высока и массивна, и носила русую косу (довольно длинную и всегда искусно и заботливо заплетаемую); и все это наряду с другими мельчайшими деталями (многие из которых становились заметны лишь при очень ближайшем рассмотрении) позволяло предположить, что являла она образ той русской красавицы, который и был распространен в народе.

Не знаю, в какой мере это было именно так. Тем более, что поначалу (уже совместной жизни) мне так и казалось; но потом видно что-то надломилось в душе (быть может и не только моей), что заставило на каком-то этапе сбежать мне от этой самой любви (оказавшейся не такой уж безобидной и наивной как то казалось поначалу. Правда, чтобы мне окончательно понять это, потребовался почти год совместной жизни); и когда на самом деле все закончилось, все пройденное мне показалось таким испытанием, что впору было серьезно задуматься – заслужил ли я подобного?

Второй была Вера. Случайно открывшееся имя, как оказалось, было даже и не совсем случайным, и должно быть подспудно я остановился на ней скорей всего и потому (понял это только сейчас, когда уже прошло достаточно времени, а главное – случилось серьезное переосмысление происходящего) что тогда еще (сразу после расставания) жил во мне некий комплекс вины (как, оказывается, это мало в сравнении с другими моими комплексами), изводивший меня самыми что ни на есть тягостными сомнениями в мной совершенном.

Вера была почти на десяток лет старше меня (удивительный виток, учитывая, что Варя была почти на столько же, но младше), и даже внешне чем-то напоминала мою предыдущую пассию.

Но не это было главное. В своих отношениях с женщинами (и, прежде всего, в выборе их) я ставил во главу одно обстоятельство, которое неизменным образом повторялось почти всегда: женщин я искал... ну, как бы это сказать... не тех, которые что-то представляли из себя внешне. Вернее, они обязательно должны были что-то и представлять; но вот только это ни в коем случае была не красота. И даже не сексуальная притягательность (хотя нечто подобное – как я считал – обязательно должно было присутствовать). Все мои женщины (и особенно те, с которыми я не только встречался, но и в отношении которых на каком-то этапе нашего общения начинал строить какие-то «планы») имели какой-то незначительный изъян (будь-то слабо различимый внешний, или же довлеющий над их подсознанием – внутренний), из-за которого чувствовали они (пусть и незначительно, но это неизменно должно было присутствовать) свою, так сказать, небольшую «ущербность», и быть может потому, когда видели в моем лице необычайно обходительного «кавалера» (а как только я чего-то хотел, то преображался до неузнаваемости), то почти наверняка уже попадали в расставленные мной сети (немного цинично, но это наиболее выражает результат проделанной мной работы), и пребывали в них до тех пор, пока или я того желал, или же все их взбесившееся внутреннее «Я» начинало восставать против, и тогда уже ничего мне не оставалось, как прекратить наши отношения, предпочитая расстаться по хорошему.

Собственно говоря, так получилось и с Верой.

А до нее и с Варей.

Что до меня, то еще долго после подобных «разлук», жил я кадрами воспоминаний, которых накопилась уже достаточная фильмотека в моей помнящей все до мельчайших деталей памяти.

Иной раз в моем нещадно эксплуатируемом мозгу случались какие-то (технические) «сбои», и тогда эти две женщины, словно очутившись в одно мгновение наедине со мной (хотя в жизни они, должно быть, даже и не знали о существовании друг друга) вступали в те удивительные «отношения», которые, впрочем, обрывалась так же внезапно, как и начинались...

--Ты считаешь, что я это должна делать?—глаза Вари сделались испуганно-удивленными, и она с трудом оторвалась от картинки эротического журнала, где с виду опытная женщина делала мужчине то, на что намекал Варе я.—Ну не знаю... Нет, нет... Я... я ведь совсем не о том... Просто я боюсь, что не получится у меня так, как того хочешь ты... Ну хорошо, хорошо, я же не отказываюсь... раз ты настаиваешь... Что? Мне это должно понравится?... хотя да, это должно

понравится...-- и Варя наконец решившись, немного скашивая глаза (словно сверяясь) на раскрытую страницу, стала применять на практике увиденные только что знания.

--Не так ты это делаешь, совсем не так...--внезапно откуда-то появившаяся Вера легко отстранила раскрасневшуюся соперницу, чтобы тут же продемонстрировать такой уровень мастерства, который можно было получить только самым что ни на есть опытным (в смысле, благодаря большому опыту) путем.

Во всем этом, должно быть, предусматривалось и мое какое-то участие. Но было так приятно смотреть, как женщины обо всем договорились между собой, распределив роли, что, признаться, вмешиваться мне и не хотелось.

И не было у нас ни ссор, ни распрей, ни сомнений в том, что делаем мы что-то не так. Да я и вовсе старался избегать каких-то конфликтов, предпочитая чтобы заканчивалось все (как и начиналось) в гармоничном единении со своим (и с их, разумеется) внутренним «Я».

И до сей поры, быть может, так бы выходило (и продолжалось бы и дальше), не познакомившись я с моей третьей «пассией», – надолго (а год-два уже срок) задержавшейся со мной, и которая на какое-то мгновение (показавшееся чуть ли не вечностью) завладела моим сердцем. Сердцем, но не разумом, ибо то, что находилось у меня в голове, предпочитал я никому не раскрывать (как ничто «лишнее» и не впускать туда; что, замечу, мне не всегда удавалось).

Глава 2

--Ну что же ты -- боишься меня?

--Боюсь?—удивился я, и на какой-то момент, пожалуй, уже и мог согласиться с этой блондинкой с удивительно развитыми формами, с которой опустился почти одновременно (сначала она, потом я) на тахту, и вынужден был подчиниться ее ладошкам, которые отбросив (вместе с той незначительной одеждой, что была на ней) ложную скромность, принялись делать свое дело.—Ну подожди же, подожди,--на миг было смутился я, но тут уж окончательно был вынужден смириться. И словно пелена запретной страсти окутала меня, а когда очнулся, то на миг даже задумался: а было ли это все на самом деле?

...С Лелей я познакомился даже не рассчитывая на это. Хотя, скорее, познакомилась со мной она. А я лишь был вынужден подчиниться, все равно не веря в реальность происходящего, и отчего-то полагая что все между нами очень быстро закончится. Значит ли это, что я ошибался уже тогда? Ибо на самом деле Леля задержалась в моей жизни значительно дольше. И даже когда – через полтора года – мы расстались, мне почему-то что-то мешало по настоящему поверить, что это так.

Но удивительное дело: сейчас, по прошествии вроде бы и того незначительного срока, что мы были вместе, я периодически ощущаю некоторую тревогу. И уж слишком навязчивая мыслишка всплывает во мне долгоиграющей пластинкой: а почему вышло так, что мы расстались?.. И мне кажется, что поведи я себя тогда иначе... Быть может тогда бы и не было всех этих бы испытываемых мною мучительных воспоминаний?!..

--Ты считаешь, что отмечаемые тобой раннее табу должны быть востребованы? -- уже удивительно, но, только спросив ее об этом, я уже сам считал, что это так. И уже раскаивался, что задал такой вопрос. Потому что на самом деле и не это хотел вовсе сказать. Но быть может я и мог что-то сказать другое, но как только собирался сделать это, невидимая пелена становилась передо мной. А мое затуманенное (или затуманившееся?!) сознание не отпускало меня обратно. А потом проходило еще всего лишь мгновение, и мне хотелось вернуть все на круги своя; и прижать эту вдруг ставшую недоступной женщину к себе. И не было уже у меня иного желания, как желать, что б это сейчас случилось именно так.

И когда мне удавалось это, радовался я как мальчишка. И готов был еще долго пребывать в таком состоянии, но проходило это вскоре. Потому как было это всего лишь самообманом. И как при любом заблуждении, когда-нибудь наступал тот период, когда приходилось одергивать себя; признавая, что было это только мечтой; но мечтой, впрочем, настолько желанной, что когда исчезала она, было нисколечко не жаль, что когда-то была. Потому что хватало мне и этого. Ну, в какой-то мере хватало...

Моя Леля – тогда еще моя – была слишком импульсивная женщина. Но это прощалось ей, потому как была ее красота столь несравненна, что и не только я (об этом узнал я уже позже) вынужден был ей прощать все, смиряясь со всем что происходит (происходило), и принимая ее исключительно такой, какой она есть. И даже если и ловил себя на мысли, что так и не должно было быть, все равно уже в следующее мгновение забывал о том. Стоило только ей ласково посмотреть на меня. И как только происходило такое, почти в ту же секунду забывались какие-то мои сомнения (уже казавшиеся мне такими мелочными и незначительными, что о них и говорить то не стоило; не то, что замечать их). И я уже не мог прожить без Лели. Хотя проходило еще какое-то время, и уже вроде как и не считал я так. Вернее, уже и считал совсем даже не так. И должна была пройти, наверное, вечность (а у влюбленных совсем другое исчисление времени), прежде чем действительно я изменял свое решение, и жаждал уже увидеть ее, чтобы вышептать ей в любовном пылу (подняв из самых глубин своего «Я») все, что способен был только в тот момент о ней

думать. И даже зная уже тогда, что будет такое состояние совсем недолговечным, и когда-то обязательно закончится, я все равно признавался ей в любви.

Я не помню, кто обычно становился инициатором каких-то выяснений отношений между нами. Но случалось так, что они происходили все чаще в последнее время. И, наверное, когда-нибудь и должны были привести (а в итоге и привели) к тому окончательному разрыву, когда говорят уже друг другу все что думают, и хлопают дверью; чтобы, впрочем, через какое-то время пожалеть о случившемся, и желать возвратить все обратно; а потом мучиться и страдать; и тихо выть от боли расставания, как будто инсценированного самим собой, но... Но потом уже приходило (как будто обоюдное) понимание, что ничего как вроде и возвратить уже нельзя. И тогда становилось по настоящему больно и обидно. И хотелось выть от душевной тоски. И заниматься элементарным самоедством. Понимая, что ничего уже не вернется. И никогда не будет как прежде.

Собираясь, было, задуматься (и непременно решить для себя): как не попадать в подобные ситуации (потому как тревога разлук отнимает много и времени и сил, и душевного спокойствия), я внезапно понял, что какой-то панацеи от этого и не существует. Не сейчас, так в другой раз (и, к сожалению, это случится непременно) я вновь попаду в похожую ситуацию. В ситуацию как будто бы совсем неразрешимую. И тогда мне ничего больше не останется, как вновь принять как есть то, что уже имеется.

А решение так и не решенной проблемы оставить как бы на потом. Хорошо зная, что никогда к ней уже вернуться и не удастся. Да и это, собственно, и не потребуется. Ибо вновь (как бы заново) возродятся те проблемы, от избавления от которых я совсем недавно праздновал победу. Все придет на круги своя.

.....

Алена, казалось, подходила мне полностью. В меру высокая, длинноногая, и при этом с такой лучезарной улыбкой (освещающей и в меру развитый бюст, и кудри пепельных волос, и на удивление кроткий характер), что сразу я подумал, что это видимо не мой типаж, потому как таким я не нравлюсь. Да я и до сих пор, если честно, удивляюсь, что во мне могли находить такие женщины?! Не красоту же? (ее просто не было). Но тогда что? Знали бы они о моих (жутких... необычайно жутких) страхах да кошмарах. От которых не знал я как избавиться. И уже так с ними свыкся, что почти не замечал их. А они случались с регулярной настойчивостью. Как будто затихая на время. А потом начинаясь вновь. И чаще – еще сильнее предыдущего раза. Хотя уже и думал я,-- куда же может быть еще сильнее. А вот нет...

И возникали они вновь. Силком выдергивая меня из начинавшейся уже было «нормальной» жизни (когда их не было -- я с детской наивностью начинал о них забывать), заставляя становиться на несколько дней настоящим «отшельником». А потом как будто вновь все проходило. И я возвращался (осторожно и недоверчиво, тайно ожидая повторения) к жизни. И тогда даже пробовал что-то писать; вспоминая и конспектируя свои недавние состояния. А иногда это случалось и во время душевного кризиса. Когда я внезапно успевал подкладывать бумагу под перо. Хотя и то, что получалось в результате этого – потом совсем невозможно было читать. И я или рвал, или сжигал свои записи. А потом плакал. Не в силах смириться с утратой...

Поначалу я чувствовал некоторое... нет, даже не отчуждение... А скорее... безразличие к Алене... Мне казалось, что с ее стороны это просто игра. Что не может такая внешне «неподступная» красавица увлечься маленьким и хромоногим (уродцем?).

Но уже потом, когда я серьезно анализировал то что между нами было (и, конечно же, в первую очередь задаваясь вопросом: как это произошло?), то ко мне стала напрашиваться удивительная мысль; которую я сразу и всерьез-то не воспринимал; а потом она неожиданно заняла главенствующее положение. А дело все в том, что Алена... страшилась своей красоты... И уже потому,-- нашла то (вернее – «того»), перед кем она как бы изначально чувствовала свое преимущество. И могла бы «подарить» ему свою любовь. Как бы компенсируя (в своей душе) внутреннее беспокойство от зависти, которое она замечала в глазах окружающих.

И я уже могу сказать, что она сделала правильно. И не только потому, что нормализовала таким образом свое душевное равновесие. Но и потому (уж извините меня), что подарила необычайное наслаждение мне. И хоть как-то, тем самым, повысила и мою собственную значимость. (Значимость в собственных глазах – самого себя).

И все же, я еще долго присматривался к Алене. «Присматривался» даже тогда, когда мы уже стали жить вместе, и она всецело находилась в моей власти (выполняя те многочисленные сексуальные фантазии, которые рождались в моем -- воспаленном? -- воображении). Причем, что удивительно, чем эти самые мои «фантазии» были абсурднее и противоестественнее, тем, казалось, Алена выполняет их с еще большим трепетом и какой-то невероятной «ответственностью». И это казалось мне удивительным. Но я совсем не мог заставить себя прекратить свои (сексуальные) эксперименты. Тем более что Алена,-- все равно беззаговорочно выполняла все, о чем просил ее я. И мне бы наслаждаться этим. Но я... Я с какой-то маниакальной настойчивостью вел наши отношения к разводу. И в конечном итоге я добился того, что (бессознательно!) хотел. И только потом вдруг понял – какой же я был негодяй и подлец. И, наверное, просто дурак.

Но совсем ничего не мог с собой поделаться.

Но вот что любопытно. После Алены я совсем перестал бояться красивых женщин. И даже более того – чем женщина была внешне изящнее,-- тем смелее я был по отношению к ней. Потому что... Потому что -- тем больше она мне казалась... беззащитнее...

А потом я и вовсе стал использовать почти всегда одну и ту же «тактику». Я понял, что «идеала» просто не существует. И потому моя задача состояла в том (при знакомстве с женщиной), чтобы найти в ней что-то, что вызывало бы в ее душе «внутреннюю тревожность». А потом успокоить ее. Убедив,-- что именно это, наоборот, ней самое прекрасное.

И у меня получалось.

(Хотя, конечно же, бывали случаи, когда какая-нибудь «красавица» не подчинялась реализованным в отношении ее «установкам», и выскальзывала из рук. Но со временем так случалось все реже. Да и то, зачастую, лишь только поначалу. А потом я просто стал осторожнее...).

И все же, из своего опыта общения с Аленой (хотя, точно также можно было «благодарить» и Лелю; а еще раньше, и Веру, Варю, да и всех тех многочисленных женщин, которые пронеслись по моей жизни, оставив лишь только память) я вынес одно: я мог быть любим. И мог дарить любовь. И быть может потому, мне совсем были не страшны те трудности, которые наверняка еще поджидали меня впереди.

Но вот в том то и дело, что они мне уже не казались таковыми...

Глава 3

В периоды глубочайшей (по получившемуся распространению) эмансипации женщин, я тем не менее не находил каких-либо ощутимых трудностей в общении с ними. (И это несмотря на мою не слишком представительную внешность!).

Однако, на каком-то этапе, видно, что-то надломилось (в душе или в сознании?). И я уже не мог похвастать той легкостью, которой оперировал прежде.

И не успел я еще в полной мере испугаться этому, как почти тот час же окружили меня те мои ужасы, страхи, кошмары (и все это наряду с жуткой неуверенностью в себе, сменяемой – если все же сделать хоть что-то удавалось – диким чувством вины), от которых доселе я как вроде и мог избавиться. А еще точнее,-- просто не замечать их.

Теперь же я остался один. И старался не думать о том, что мне следует делать в первую очередь. Потому как просто уверен... Да ни в чем, на самом деле, уверен я не был...

Вся причина была в моем состоянии...

В самые страшные минуты (когда мое подсознание, абсолютно не подчиняясь мне, выносило «наверх», из глубин, все то низменное, что я даже и не предполагал в себе), мне хотелось сбежать куда-нибудь. Но ведь невозможно, наверное, убежать от самого себя?

И все же я пытался. Хотя, что сейчас было говорить о том. Тем более что и сами попытки, по большому счету, почти всегда оказывались безуспешными. И мне уже ничего не оставалось, как просто смириться с происходящим...

Но ведь мне как-то нужно было жить дальше. Ведь я понимал, что все эти мои «странности»,-- не есть нечто на самом деле загадочное. Ведь это было как бы следствием той патологии, которая заключалась в моей психике. И от которой я если и хотел – то на самом деле совсем не собирался избавляться.

И это было по настоящему страшно. От этого было страшно. Но... но я совсем не мог изменить себя. Хотя иной раз и пытался...

.....

С Инессой я познакомился, по всей видимости, сам того не желая. Ибо являлась она для меня тем катализатором, который способен был уравновесить мою вконец расшатавшуюся психику. И понимая это, с первых же минут нашего случайного знакомства (довольно банального – на улице), я обрушил на нее все то, что считал, непременно должно было подействовать на такую женщину, каковою являлась она.

Инесса была среднего роста. С развитыми бедрами и грудью. Но прежде всего, она мне запомнилась своим удивительным ртом; который (помимо всех даримых ей и им наслаждений) являл собой внешне необычайно запоминающийся орган любви.

Был ее рот словно вырисован специально. Будто принадлежал он и не человеку вовсе. А какой-то кукле. Так он казался очерчен, и расходился своими уголками вроде как и до самих ушей, чем-то напоминая полураскрытую пасть кашалота (мне все время хотелось в него что-то положить; что я, признаться, периодически и делал; и чем доставлял необыкновенную радость его обладательнице).

Да и Инесса (могу с некоторым смущением признаться), часто сама меня о том просила.

Ее черные, собранные кверху волосы (так что, в иные мгновения, напоминали что-то наподобие средневековой башни) моментально становились растрепанными во время страсти. И это выглядело очень эротично (и как-то по особенному сексуально), потому что разбегались они разом по всему лицу (скрывая его). И приходилось раздвигать их в стороны (выискивая то, что они скрывали на тот момент). И когда получалось это, мне (да и, наверное, ей) было вдвойне приятно. Потому как дарило какие-то новые ощущения...

Инесса, как я уже сказал, была совсем не против того, что при нашей с ней близости ей приходилось «работать» зачастую только одной своей частью тела. Да и вообще (уже в последующем; вернее, в последующем это было более осозанным и целенаправленным, чем, то было раньше) в каждой женщине я с тех пор находил то место (для каждой – свое), при проникновении в которое эта женщина испытывала какую-то особенную радость.

Инессе было 27. И наша разница в возрасте предполагала некое подобие (быть может, что и было заметно только косвенно) моего «отеческого» участия. По крайней мере, когда касалось каких-то совершенных ей ошибок, я предпочитал совсем ничего такого и не замечать.

И видно в чем-то таком совершил ошибку. Потому как стала Инесса весьма пользоваться моим расположением. А отсюда недалеко и до адюльтера. Который, впрочем, вскоре и случился.

Причем, до того момента, когда это заметил я (предпочитающий всегда абсолютно снисходительно относиться ко всему), по всей видимости, число ее «измен» перевалило за добрый десяток (мне больно думать, что это было на самом деле намного больше). Что и послужило причиной нашего расставания.

Расставшись со своей очередной «красавицей», я какое-то время пребывал в состоянии легкой эйфории, которая, впрочем, вскоре улетучилась, так как вынужден был вновь (в который уж раз?) принимать существующую жизнь – такой, какой она есть. И в ситуации со мной это было весьма несладко.

Уже позже (быть может даже и много лет спустя), анализируя периодически обрушивающиеся на меня проблемы, я пришел к невеселым заключениям, свидетельствующим о моей полной неспособности к какому бы то ни было одиночеству. Потому как, когда случилось одиночество, мне приходилось испытывать муки намного большие, чем способен был испытывать какой другой человек. И как раз, когда подобных случаев (тех случаев, после которых я оставался

один) набралось уже достаточное количество, вероятно, только тогда я научился находить причину, из-за которой было возможно все это.

Но, забегаая вперед могу сказать, что все это, на самом деле, ни к чему не привело. И каждый раз продолжалось вновь и вновь... Но... как же я всегда укорял себя! Глупец!—говорил я.-- Как же ты ошибаешься!

И сейчас, когда я остался действительно один (и подобное одиночество продолжается последние три года), мне иной раз становится нестерпимо больно! Больно за все мной совершенное! Только сейчас я стал понимать (но что это «понимание» мое, когда уже все случилось?!), что почти во всех ситуациях прошлого можно было действовать иначе. А там, где как вроде бы и нельзя было, – то по всякому можно было что-то и не допустить...

Причинной всех моих конфликтов (даже тогда, когда они и не были явно выражены,-- они все равно являлись таковыми по своей сути) была собственная эгоистически настроенная натура, которая рождала в моей голове мысли, неизменно приводящие к полученному результату.

Но что мне оставалось делать? Изменить себя я не мог. (А хотел ли?). Но при этом понимал, что если не стану этого делать – все останется так, как прежде. И это был, наверное, еще один повод задуматься, чтобы постараться хоть как-то пресечь ситуацию.

Что я и сделал.

А результат известен.

Но это сейчас. А тогда, после Инессы, через мою жизнь прошла целая череда «любвий»; ни на одной из которых я не мог задержать свой взгляд более чем два раза; пока, наконец, я не встретил... Виолетту.

Виолетта была совсем молоденькой девушкой. 18-ть лет! Она приехала в город из какой-то глубинки (поступать в Университет), и с позиции своего роста (была она, как минимум, на голову выше меня), да необычайно красивой внешности, вероятно совсем незначительное время взирала на все окружающее, пока с ней не познакомился я (на какой-то художественной выставке).

Красота Виолетты была удивительна! Хотя, скорее, дело здесь не только в необычайно длинных (своих!) ресницах, да художественно-правильных чертах лица. А еще и в том внутреннем сиянии, которое через ее скромно-восторженную улыбку передавалось на окружающих.

Что до меня, то я уже не так переживал по поводу своей внешности, потому что совсем недавно испробовал на себе новейшие достижения нашей медицины, в результате которых на удивление легко смог избавиться от своей хромоты, и если и ходил до сих пор с тростью, то это было исключительно для придания внешней величественности (потому-то и саму трость я выбрал такую изящную, какая только встретилась мне чуть ли не в самом элитном магазине города).

Свой рост я тоже слегка увеличил. И теперь вполне дотягивал до роста среднестатистических мужчин.

А как только произошло это, то почти тот час же почувствовал такую необычайную уверенность в себе, что попутно решил несколько старых (и ужасно «залежавшихся») проблем, к которым уже и не думал когда-то вернуться.

Прежде всего, я смог обменять свою небольшую квартиру на большую. И к тому же прикупить еще небольшую дачку с садом, 2-х этажным домиком, да разбитым на территории водоемом.

Оставались, правда, деньги еще на более-менее приличный автомобиль; но к нему у меня душа никогда не лежала; тем более я как-то привык к такси.

Была и еще одна причина изменений, произошедших со мной.

А все дело в том, что я мне наконец-то удалось напечатать несколько своих романов на Западе (куда я, помнится, собирался когда-то эмигрировать; но потом как вроде бы передумал; а сами романы отложил «в стол» «до лучших времен»; почти и забыв про них).

Однако удивительно, чем больше узнавал я Виолетту (а что тебе нравится из живописи? Импрессионизм?! А из литературы? Экзистенциализм?! А из поэзии? Футуризм?! А из...), тем больше поражал ее внутренней необычайности, той, что уже никак нельзя было угадать внешне.

И я уже не пытался разгадать: от чего она увлеклась мной, мужчиной намного старше ее? Ибо перестал все давно уже понимать. Особенно когда узнал, что ее родители были почти моими ровесниками. И, при этом, деспотичный отец совсем не был похож на меня (потому что даже самую серьезную проблему старался я выставить в самом лучшем свете,-- а он нет).

Но я и не переживал от того, что что-то недопонимаю. А просто старался наслаждаться жизнью. Жизнью с Виолеттой.

И наверное оттого, она все больше мне казалась «родной и близкой». И всегда радовалась и улыбалась мне. А я ей.

Помимо наличия у Виолетты множества черт удивительно отличавших ее от сверстниц, она еще, как оказалось, и неплохо разбиралась в литературе (чего уже совсем, признаться, я не ожидал, учитывая ее совсем юный возраст).

Кстати, по своему складу ума Виолетта была ярко выраженным критиком. Она почти полностью отвергала литературу «до XIX века». А «из классиков» считала гениальным только Гоголя, Достоевского, да Толстого. (Остальных ставила несравненно ниже, с чем я, признаться, не мог с ней согласиться). Причем отвергала почти всю «советскую литературу» (кроме Булгакова, Пастернака, да совсем незначительного ряда писателей). Зато с точно таким же азартом превозносила эмигрантскую прозу (Набоков, Аксенов, Солженицын, Войнович, Марамзин...), и необычайно любила – вот уж для кого практически не делалось исключений -- западную прозу. Именно среди западных писателей Виолетта чувствовала себя «как рыба в воде», и могла часами говорить о Джойсе, Прусте, Кафке, Кундере, Борхесе, Каргасаре...

--Опасно сравнивать несравнимое,--как-то попытался вступить я с ней хоть в какую-то полемику, но тут же вынужден был ретироваться: говорить Виолетта любила только сама, и чье-нибудь мнение ее совершенно не интересовало.

Сказать, что мне просто нравилась Виолетта – значит не сказать ничего. Меня буквально вдохновляла эта девушка! И всего лишь через месяц общения с ней я поймал себя на мысли: как же мог жить без нее раньше?!

Удивительно, но в какой-то момент я почувствовал, что нахожусь под влиянием этой девушки. Хотя, должно быть, она считала то же самое про себя. По крайней мере, Виолетта – в отличие от меня – не стеснялась мне об этом сказать.

Да она вообще мало что стеснялась... Довольно быстро раскусив «столичную» жизнь – практически полностью обновила гардероб. И теперь дефилировала в узких джинсиках да куске какой-то короткой тряпки (что-то типа мини-топика, хотя куда уж мини?), вызывая в головах большинства мужиков-прохожих череду эротически сексуальных фантазий. «Ну это и хорошо»,-- шутила она.—Будут лучше выполнять свой супружеский долг,--добавляла задорно смеясь Виолетта, с каким-то особым восторгом (как бы «случайно») приоткрывая перед ними свои женские прелести.

Глава 4

--...Ты должен винить только себя! – пытаюсь я выхватить из бросаемых мне в лицо обвинений (а ракурс таков: светлая челка норовит сама прикрыть рот, и ее обладательница через каждые несколько секунд ожесточенно дует на нее, в запале делая какие-то хаотичные движения головой, пытаясь, должно быть, одновременно и отбросить уже намокшую от гнева челку – времени-то прошло, наверное, немало, – и указать выбрасываемым коротким словам какое-то подобие цели; потому как после каждого такого движения ее подбородок слегка меняет горизонтальную естественную плоскость; так что и глаза тоже слегка скашиваются; и хоть и смотрит эта странная женщина на меня, но вот только видит ли – не знаю?) хоть какую-то суть.

...С Люсей я познакомился еще «во время» Виолетты. Это была 40-ка летняя вдовушка; с большой грудью; копной огненно-рыжих волос; и с взглядом человека, истосковавшегося по любви.

На излете наших с Виолеттой отношений, довелось мне как-то возвращаться поездом из Москвы (одно столичное издательство заинтересовала моя рукопись). Как только я очутился в замкнутом пространстве купе с незнакомой женщиной (бросающей еще на перроне на меня какие-то загадочные взгляды), то почти тут же почувствовал такое исходящее от нее желание, что стоило будто случайно (...извините...) коснуться ее груди – как словно бы она только этого и ждала, и я совсем не заметил, как все у нас и произошло.

А еще через неделю, уже словно случайно (хотя, быть может, то и действительно была случайность) столкнулась она со мной в магазине; после чего переехала ко мне.

Удивительно, но я даже не знал – хотя шел тогда, помнится, третий год нашего «общения» -- ни ее вкусов, ни пристрастий, ни даже толком-то – и ее мыслей. Да это и немудрено. Ничего кроме секса, самого жестокого секса, с заранее отмечаемыми (даже заикнуться не допускается) табу, условностями и проч., я думаю, что ничего ей от меня было и не нужно; да и редко когда встретишь такую женщину, которая, казалось, только и рождена для того, чтобы «заниматься любовью»...

С Виолеттой, конечно, пришлось расстаться. Я даже думаю Люся сама способствовала тому. По крайней мере, я до сих пор сожалею, что пошел на поводу бабьей глупости; хотя как будто и специально старался сделать все так, чтобы никто никогда ни на что не был бы обижен.

А потом в Люсе открылась одна, скажем так, «вредная» деталь характера. Поднимала она – и в том то и дело, что без какой-то особой причины (это был даже не тот случай, когда вам кажется что причины, вроде как, и не было, а «негодующая» женщина сможет до мельчайших тонкостей указать все ваши промахи и просчеты – в моем случае причины действительно не было) – такой грандиозный скандал (со всей сопутствующей атрибутикой, как-то: закатывание в истерике рук, неперенных слез, а случилось – и с площадной бранью), что я почти тот час же понимал: почти два десятка лет Люсиного стажа маляршой – не прошли бесследно.

Правда, через какое-то время (первоначального недоумения) нашел – необычайно, кстати, быстрый – способ сводить на нет все эти ее глупые женские напасти. Причем пришел к этому случайно-опытным путем. Перед тем, как уйти в другую комнату (традиционно хлопнув дверью), что-то заставило меня (может крик ее к этот раз был необычайно громким) обхватить Люсю руками, и вполне обычной подножкой свалить на стоящий рядом лежак (дело было, помнится, в кухне, на которой я часто засиживался ночами, перечитывая прессу да посматривая краем глаза телевизор). И вот когда произошло это, вдруг я почувствовал, что вместо того чтобы «отбрыкиваться» (что, в общем-то, учитывая ее телосложение, ей не доставило бы большого труда), она наоборот, теснее прижалась ко мне. Причем, ее руки (словно бы случайно, а что еще верней, «по привычке») стали ласкать меня там, где, в общем-то, было как-то по особенному приятно.

В итоге, скандал как-то быстро сошел на нет. И хотя по прежнему из нашей квартиры были слышны крики, – теперь это уже были крики совсем иной направленности.

А потом стал я замечать, что Люся все больше специально инсценировала все эти скандалы. Уж очень ей, видимо, нравилось «примирение».

...После того как я расстался с Люсей (это все равно пришлось сделать), я решил жить совсем без женщин.

И что самое интересное, проходило время, а я только корил себя за то, что не сделал этого раньше.

Раскрывшийся передо мной мир наполнился совсем новыми красками. Теперь я обращал внимание на то, чего совсем не замечал раньше.

И только сейчас я понял, что все женщины, по сути, ужасно эгоистичны. И впервые за долгое время освободившись от подобного груза, я на самом деле необычайно обрадовался. Обрадовался настолько, что неожиданно для себя был счастлив каждый день.

Я стремился насладиться новыми ощущениями. Представляете, когда вас никто не ругает, не корит, вам не надо ни под кого подстраиваться, вы живете в своем, а не выдуманном мире, в мире, в котором вынужден жить каждый мужчина, подстраиваясь под женские «причуды».

Мне даже открылось сейчас то, что приходилось (почему?) упускать раньше. Хотя и это пока еще ускользающая истина, как оказалось, не была для меня откровением только сейчас. О чем-то догадывался раньше (правда, прежде чем была она способна сформироваться в какие-то решения – проходило время). Что-то просто желал, сожалея, что никак такое желание не способно трансформироваться во что-то стоящее (то есть с заранее известным результатом).

...Однако, проходили дни, недели, месяцы, и окружающая меня тишина начинала пугать. Из всех щелей полезли те ужасы, половину которых я ранее просто старался не замечать; а от другой половины думал что избавился.

Теперь мне уже было не так весело.

Я неожиданно стал ощущать себя постоянно подавленным. Приходилось чураться всех и каждого. Создавалось впечатление, что в квартире все время находится кто-то еще.

Каждый шорох, скрипнувшая половица, пошатнувшийся дверной косяк, шаги соседей за стеной – начинали иметь для меня какое-то новое – и особое – значение.

И еще страшнее становилось от осознания того, что они будут нести в себе продолжение. Так что я уже не мог спать (если пытался, то никогда не выключал ни телевизор, ни свет). У меня пропал аппетит (ел вынужденно, забрасывая что-нибудь в свой рот, потому что не мог заставить себя долго находиться за этим занятием). Совсем перестал писать. Да и вообще, могу заметить, что у меня пропали любые желания.

И если в самом начале я еще понимал, что стоит мне спуститься вниз, к людям, и у меня могут исчезнуть многие симптомы,-- то сейчас, когда неожиданно заметил, что прошло уже полгода моего нахождения в таком состоянии, я понял, что на самом деле ничего не изменится. Не изменится в лучшую сторону. А худшая... худшая наступит и сама...

Глава 5

Несравненно худшей из ситуаций я считал ту, когда человек один. Быть может в ином другом случае это и выглядит неким «подарком». Но в моем,-- череда обрушившихся на меня несчастий позволяет мне считать совсем иначе.

Конечно, еще, наверное, можно было все изменить. Ведь найти такую же как я одинокую женщину не представлялось такого уж большого труда. Но хуже всего было то, что я был уверен в том, что пройдет какое-то время, и все повторится. Вновь закрутится колесо встреч, размолвок, и расставаний. А этого, – после какой-никакой, но свободы, – мне этого не хотелось. (Я просто не верил, что все будет хорошо!).

Но и дальше погружаться в пучину мрачных мыслей не хотелось тоже. Надо было искать какой-то выход. К сожалению, это было бы самым простым из того, что хотелось.

Простым, -- в одночасье для меня ставшим необычайно сложным.

И не было уже той силы, которая еще недавно сдерживала меня, выискивая на тот момент единственно возможный сдерживающий путь. Все сейчас пришло в проникнутую леностью негодность; и мне в один момент показалось, что я не могу уже больше выносить подобных мук (а к ним прибавлялись уколы совести. Ведь только я был виновен во всех произошедших со мной «расставаниях». И, быть может, это было и не совсем так, – но я не находил компромисса). Вмиг и разом пришли в упадок строенные всю жизнь замки будущего. Я ощутил беспросветную пустоту, которая втягивала меня вглубь, и уже ничего не мог, не был способен замечать дальше. И, конечно же, это не результат именно последнего расставания. Это незапланированный итог жизни. И мне показалось – судьба (есть ли она?) дает предостережение – не стоит и дальше сопротивляться тому, что должно было свершиться все равно. И быть может только остановился бы я раньше – не изломаны бы были десятки других судеб. А так...».

Понимая, что на самом деле попал в тупик, из которого не возможен выход (а если и возможен, то лишь кратковременный, с конечным точно таким же результатом), с какой-то жалостью и болью в глазах (и словно о чем-то сожалая) в который уж раз посмотрев на разложенные (в некотором хаотичном порядке; детские фото перемешивались с фотографиями любовниц, жен и подруг) на столе фотографии, и еще раз выхватив глазами каждую из них – остановившись немного дольше на родителях и себе, когда был еще малышом, -- Андрей Константинович Васильев, 44-х летний сочинитель так и не принесших ему прижизненную славу повестей, рассказов, да нескольких небольших романов, закончив писать свое последнее произведение слегка откинулся в кресле, немного оттолкнувшись ногами от письменного стола, потом словно «соглашаясь» с самим собой, вздохнул, осторожно вставил дуло извлеченного из ящика стола револьвера себе в рот, и зажав его зубами – выстрелил...

23 февраля 2004 год.

повесть
Самоидентификация

«Ужас – это не высшая степень страха, это особое состояние»

Лимонов

Глава 1

--Ни при каких обстоятельствах ты не должен сдаваться,-- в который раз выговаривал Ираклий Вахтангович, уставясь в глаза своему сыну, Матвею Ираклиевичу.

43-летний сын стоял перед ним, перетаптывался с ноги на ногу, вздыхал, посапывал, и что-то бубнил под нос. В его взгляде заинтересованность в отеческих нравоучениях чередовалась с желанием продемонстрировать собственную самостоятельность. Ему и на самом деле надоели эти нравоучения. Но он не мог совсем отмахнуться от них. Потому как и на самом деле вся его жизнь словно была подчинена какой-то ошибке. А неудачи не только сопровождали его жизнь, но и встречались намного чаще, чем, быть может, ему бы самому и хотелось.

И Матвей ничего не мог с собой поделать. Ему может и хотелось бы выглядеть умным да уверенным в себе. Но еще чаще – он смахивал на какого-то дурочка. И ему трудно было изгнать от себя ощущение, что и вся жизнь вследствие этого была какой-то дурашливой. И несчастной.

Матвею было сорок три. Ему действительно было сорок три. Но глядя на него достаточно трудно было определить его возраст. Потому что с тем же успехом Матвею можно было дать тридцать пять. А если совсем уж махнуть на него рукой – то и пятьдесят. Да он и сам знал что в пятьдесят будет таким же, как и в тридцать пять. Он не менялся. Это раньше он думал, что все изменится как бы само собой. Ну, может, например, что-то произойдет такое, что он изменится. И тогда станет проще. Проще он будет смотреть на мир.

Как бы не так. Проходили годы, а Матвей оставался таким же неудачником как и был десять лет назад. Да и пятнадцать. И если вспомнить школу – там он казался таким же. Станным и забитым. И ходил насупленным и задумчивым. Словно бы его жизнь была подчинена чему-то удивительно-прекрасному, что остальные не понимали. А самому Матвею было как-то не досуг объяснять.

Вернее, поначалу было не досуг. А потом он решил что уже поздно. Да и зачем. Все равно не поймут.

«Они не поняли»,-- приходило иной раз в голову Матвею.

А может и поняли бы. Если бы объяснил.

Но вот обременять себя какими-то разъяснениями не хотелось. И постепенно он и вовсе отдалился от всех. А потом как-то случайно узнал, что считали его в классе дурачком. А в институте и на последующей работе чертежником в конструкторском бюро – человеком со странностями.

Он и на самом деле был человеком со странностями. Причем со временем стал таким казаться и себе.

Но вот что могло бы показаться удивительным – Матвей Ираклиевич наслаждался подобным мнением о себе. И даже если поначалу он от него открещивался, то со временем как-то ненавязчиво принял подобное мнение окружающих о себе. «Ну а почему бы и нет»? – говорил он себе. И в такие минуты ему становилось абсолютно безразлично, что считают его придурком. Его ведь и на самом деле считали придурком. И Матвей это знал. Но прощал обиды. И даже совсем как-то быстро перестал обижаться. Словно бы свыкся с подобным. Ну, не свыкся может. Иногда он и восставал против подобной несправедливости во взглядах на него. Но чаще всего не обращал внимания. Свыкся?

.....

Периодически на Матвея накатывала волна протеста.

В такие мгновения (мгновения, впрочем, иной раз переходили в часы, и даже порой сутки) Матвей Ираклиевич Бомбидянц крушил все вокруг. Хватал какой-нибудь тяжелый предмет и начинал им разбивать мебель.

Мебель в его квартире обновлялась каждые полгода. Если бы его папа, Ираклий Вахтангович не имел бы собственную мебельную фабрику, то возможности с такой частотой обновлять мебель не было бы. Но каких-то попытках объяснения Матвея кому-либо – старая мебель (условно, старая) приходила в негодность. И Матвей ее разбивал. А у папы на фабрике всегда был заготовлен (специально для сына) отдельный комплект. И, собственно, ничего такого уж страшного не происходило. Мебель меняли. Матвея на месяц положили в больницу. В неврологическое отделение психиатрической клинике. Зав.отделением, Лидия Викторовна, была знакомая Ираклия Вахтанговича. И даже ходили слухи, что в юности между ними была любовь. Ну а теперь им уже было по шестьдесят пять лет. И какая-либо любовь уже была условна. Тем более у Ираклия Вахтанговича была жена. И хоть жена его была на пенсии,-- но на пенсию женщина ушла с

должности зам.прокурора области. И при случае могла с легкостью ликвидировать любую соперницу, воспользовавшись старыми связями.

Правда кто-то говорил что когда-то, лет сорок-сорок пять назад, супруга его, Раиса Карловна и Лидия Викторовна были подругами. И не только дружили между собой, но и занимались любовью с молодым доцентом Ираклием Вахтанговичем. Причем вдвоем -- с ним одним. И подобные отношения продолжались в течении нескольких лет. Пока Ираклий Вахтангович не сделал предложение Раисе Карловне (в молодости блондинке с пышными формами). А Лидия Викторовна (в молодости – маленькая ебливая брюнетка) после этого вышла замуж за инженера, и поступила в ординатуру при мед. институте, который закончила с отличием.

На время их пути разошлись. А потом как-то незаметно они вновь стали встречаться. Но уже по отдельности. Жена Ираклия Вахтанговича занималась любовью с Лидией Викторовной не подозревая, что ее подруга точно также спит с ее мужем. Уже в тайне от нее. Потому как, если бы предложила она вновь устроить трио – еще неизвестно как бы отреагировала законная супруга. А так всех все устраивало.

Да и со временем в своих встречах с любовником врач Лидия Викторовна стала ограничиваться только минетом. Вполне отрываясь с квартетом знакомых музыкантов. Один из четырех был, правда, импотентом. Но трое остальных вполне откровенно трахали ее. Причем часто одновременно.

Глава 2

Матвей недоумевал. Почему ему в голову иной раз приходит откровенная хуйня? И он вроде как и стремился этого поначалу не замечать. Но потом как-то ненавязчиво смирился.

Нет, каких-то кошмаров с Матвеем не было. Они даже ему практически не снились. Все-таки он фактически сидел на постоянных, сменяемых друг друга курсах химиотерапии. Но вот когда лекарства заканчивались... Или же когда он по каким-то причинам игнорировал их – тогда и начинало в голову его приходить откровенное безобразие. А сновидения случались такие, что после них у Матвея еще долго стоял член. А от воспоминаний того, что он вытворял во сне с многочисленными девицами – член подскакивал вновь. И если ладошка Матвея не обхватывала раскаленный от желания ствол пениса, сжимая его и совершая нехитрые движения вверх-вниз, Матвей должно быть и вовсе бы сошел с ума. А так,-- кончал и успокаивался.

.....

Я знал Матвея почти двадцать лет. И все эти годы как-то ненавязчиво старался подкладывать под него девиц. Своих знакомых девиц. У меня было много знакомых девушек. Среди них я находил тех, кто бы согласился переспать с Матвеем. Ну или хотя бы сделать ему «приятное». Отсосать, в общем. Или лечь на спину, развести ноги, и втащить Матвея на себя. Мол, пусть ебет, наслаждается.

Случалось, Матвей желал только анальный секс. На него подобное иной раз находило. И тогда я ему подыскивал соответствующих девиц; любительниц чтобы их трахали исключительно в попу. Причем, стоило заметить, девицы были отменные. Я и сам не раз забавлялся с ними. Хотя речь сейчас не обо мне. И для меня было главное, что Матвею нравилось. Ведь Матвей был моим сводным братом. И нашел я его, когда ему уже было за двадцать. А мне тогда только исполнилось восемнадцать. И я готовился к службе в Вооруженных Силах. А вот когда уже отслужил и вернулся, тогда и взял под контроль сексуальную жизнь моего нашедшегося брата. Хотя с девушками я его знакомил и когда Матвей приезжал ко мне в часть. Служил я в спорт.роте. А девушки всегда любили спортсменов.

.....

Поначалу мне приходилось преодолевать сопротивление Матвея. Могло показаться, что он действительно не хотел секса. Но считать так было ошибкой. Вожделение читалось у него в глазах. И то что он хотел секса было также понятно, как то что о сексе он мечтал не совсем обычном. Извращенным, можно сказать. Хотя и до сих пор для меня достаточно спорен вопрос что же считать извращением.

Я уже знал, что в предстоящем сексе Матвей будет несдержан. Правда, это были только мои предположения. Но мои предположения подтвердились уже совсем скоро. Когда моя знакомая, которую я уговорил трахнуть с Матвеем, удивленно рассказывала, как он набросился на нее, не дав даже раздеться. И не успел раздеться сам. Спустив содержимое яиц в трусы.

«Бывает»,-- постарался утешить я девушку. Но судя по ее взгляду уже понял, что за брата придется отдуваться мне. Поэтому желая побыстрее с этим покончить, я велел девушке раздеться, и более чем хорошо, как мне казалось, оттрахал ее. А потом еще и еще.

Девушка успокоилась. В ее голосе больше не было пренебрежения к мужчинам. Ну а чтобы это пренебрежение исчезло и по отношению к Матвею, я уговорил девушку попробовать с ним еще раз. В крайнем случае,-- как заверил,-- буду неподалеку.

.....

Моя помощь не потребовалась. Матвей отъебал красотку по полной программе. Она потом сама призналась, что через нее словно прошла рота солдат. Девушка была оригиналка. И я даже иногда задумывался, чего же в ней было больше. Оригинальности или блядства. А потом я вообще подумал, что было бы неплохо женить Матвея на ней. Она ему вроде как приглянулась. Да и по большому счету это была красивая опытная женщина. Тогда ей уже исполнилось тридцать. И она вполне способна была, как мне казалось, из бляди превратится в домохозяйку и счастливую жену.

И мне уже как вроде бы удалось уговорить и ее и Матвея. Но вот в самый день бракосочетания Матвей застал девушку за совсем уж непонятным занятием. Она сидела посреди комнаты. Была обнажена. И занималась любовью с фаллоимитатором.

И быть может это была бы еще совсем ничего (по крайней мере я бы смог убедить брата что в этом нет ничего страшного), если бы в комнате не находилось еще с десятков мужчин. Которые смотрели на то, как девушка всовывает искусственный фаллос между своих широко разведенных ног, мечется, стонет, периодически переворачиваясь на живот, становясь на четвереньки и пытаясь засунуть этот же фаллос между своих ягодиц – и занимались онанизмом.

Матвей охуел. А потом хлопнул дверью и закрылся в ванной. Где не смог удержаться, чтобы не начать дрочить, вспоминая увиденное. А потом какая-то неведомая сила потянула его взглянуть на зрелище еще. Но как только проходил он мимо одной из дверей (у девушки была 11-комнатная квартира. Подарок ее папы, который расселял питерские коммуналки), сильные мужские руки обхватили Матвея, втащили в комнату, и...

Матвей не любил вспоминать что с ним вытворяли. Да я, в общем-то, особо и не спрашивал. Догадываясь.

.....

А через какое-то время я узнал, что мои предположения оказались с точностью наоборот. И не Матвея насиловали, а это он насиловал нескольких мужчин. А всего в комнате было семь мужчин, дрочивших до этого на его голую невесту. Трое из них в итоге невесту стали ебать. Еще двое продолжали дрочить уже смотря на это. А еще двоих мужчин ебал Матвей. Причем как я узнал, со всей жестокостью. Как говорится, и в хвост и в гриву.

.....

Как ни странно, но после этого Матвей пидарасом не стал. Как он меня уверил, это был его первый и последний опыт с мужчинами. Как говорится, исключительно в целях ознакомления. (По типу чтобы попробовать все.) И я, как ни странно, ему верил. Пока не узнал, что после этого он стал

регулярно заниматься мужеложством, находя партнеров в Катькином саду. Есть в Санкт-Петербурге такое знаменитое место на Невском проспекте. Неподалеку Дом творчества юных (бывший Дом пионеров). Неподалеку Пушкинский театр. Неподалеку знаменитое Агентство журналистских расследований. А между ними -- Катькин сад. А в Катькином саду – Слава Ларин. Ну, или, Татьяна Ларина. Своего рода культовая фигура. Под таким именем он известен в узких кругах питерских гомосексуалистов и лесбиянок. Именно Слава (Татьяна Ларина) и поставлял Матвею проститутов. По дружбе. Они, оказывается, давно друг с другом дружили.

Глава 3

Гомосексуализм Матвея меня поначалу и удивлял и шокировал. Я просто как-то не мог представить, что мой сводный брат пидарас. Но в конце концов это многое и объясняло. Объясняло, например, его застенчивость. И даже должно быть хватку. Особенно когда я узнал, что он переспал с любовником Славы – Юрой.

Юра (не помню сейчас его фамилию) когда-то был хоккеистом. Даже играл в молодежной сборной города.

Потом подсел на наркотики.

Потом бросил наркотики и стал пидарасом. И любовником Славы – Татьяны Лариной. Причем мне почему-то казалось, что это Ларина совратила его. Но потом я с удивлением узнал, что Юра как-то напоил Славу и взял у него в рот. У пьяного.

.....

Матвей был скромный мужчина. С каких-либо работ (а он все время пытался где-нибудь работать) его увольняли... Увольняли, как мне казалось, за его скромность и застенчивость. Выполнив порученную ему работу, Матвей стеснялся сказать об этом начальнику. Тот или иной начальник обычно старался не беспокоить столь застенчивого работника. И терпеливо ждал, пока Матвей принесет какой-либо отчет ему сам.

А потом, когда выходили все сроки, Матвея обвиняли в том, что он лодырь и бездельник. А ему было неловко признаться, что работу он на самом деле давно выполнил. Да просто стеснялся об этом сказать.

Матвея увольняли.

Через какое-то время он находил новую работу. Но еще через время – увольняли. И он вновь искал работу. И так могло бы продолжаться до бесконечности. Пока вместе с очередным в жизни Матвея увольнения начальник не стал грозиться, что его отпиздит.

И после этого Матвей уже никуда не устраивался. И окончательно повис на шее у родителя. Притом что на удивление Ираклий Вахтангович не корил нерадивого великовозрастного сыночка. И лишь периодически ему что-то выговаривал. Да и то, большей частью, когда был пьян.

.....

Мне хотелось помочь Матвею. Ко мне в голову периодически приходили варианты, как я это мог сделать. Иногда эти варианты казались более чем реальными.

А, случалось, я даже порывался послать Матвея. Хотя, конечно же, подобного никогда бы себе не позволил. Брат все-таки...

Глава 4

Ираклий Вахтангович давно уже хотел махнуть на сына рукой. Мол, вырос. Пусть теперь сам обустроивает жизнь.

Но всякий раз что-то удерживало Ираклия Вахтанговича против принятия подобного решения. Каждый раз словно что-то находилось такое, после чего Ираклий Вахтангович понимал, что предпринимать какие-то меры против сына рано. Надо дать ему еще шанс. Чтобы тот стал на ноги, закрепился, хотя как-то закрепился в этой жизни.

И уже вынужденно откладывая репрессивные меры, Ираклий Вахтангович в душе ругал себя. Пытался убедить, что это в последний раз.

Но «последний раз» все время сдвигался. И через какое-то время Ираклий Вахтангович уже и вовсе вынужден был признать, что какого-либо окончательного решения принять он не в силах. А значит вновь и вновь вынужден будет оставлять все как есть. Без каких-либо санкций со стороны его. Как он считал «строгую родителя».

.....

Ираклий Вахтангович на самом деле никогда строгим родителем не был. Он любил своего сына, Матвея. И Матвей был его единственным сыном. Что до меня, то все это сводное родство было нами выдуманно. Просто Ираклий Вахтангович почувствовал, что он как-то перестал находить с сыном язык. И вроде как что-то и выговаривал Матвею, но Матвей словно находился в каком-то коконе. И совсем не обращал внимания на уговоры родителя. Притом что мать он вообще давно не смущал. Друзей у него не было. Ни с кем знакомиться он не хотел. Если спал с девушками, то это часто действительно ограничивалось только сном. Даже о сексе Матвей иной раз забывал. Ну, скорей всего намеренно забывал. Потому и стремился напиться, чтобы уже как вроде бы и оставили

его в покое. Своеобразный он был человек, конечно. Тогда то Ираклий Вахтангович и выдумал сводного брата Матвея. А на роль того пригласил меня. Вернее – предложил, признавшись, что совсем не знает, как выйти из положения.

Я всегда был против какого-то обмана. Мне легче человеку признаться в лицо что я о нем думаю, или не общаться с ним вовсе, чем играть в шпионов-разведчиков.

И поначалу я и высказал Ираклию Вахтанговичу все что об этом думаю. Ну а потом неожиданно согласился. Неожиданно для себя. Уж очень мне было жаль смотреть на поникшего Бомбидянца. И я подал ему руку, улыбнувшись и сказав, что согласен. А он расплакался по-стариковски. Хотя в то время был совсем еще и не старым. Сорок пять лет, какой же старик. Хотя, признаться, Ираклий Вахтангович и в сорок пять выглядел как минимум на шестьдесят. Пил он сильно. И много курил. Хотя и рано пришедшая старость была скорей всего следствием неврастения. Потому как беспокоился часто Ираклий Вахтангович уж совсем из-за ерунды. И возводил эту ерунду до масштабов стихийного бедствия.

Как мог – я его утешал. И даже со временем придумал одну форму утешения, которая наиболее нравилась Ираклию Вахтанговичу. Ибо утешали его, в этом случае, восемь обнаженных длинноногих девиц. Худенькие и красивые, они достаточно любопытно смотрелись на фоне грузной волосатой фигуры Бомбидянца. Но на удивление он и действительно после этого успокаивался. Да и начинал, видимо, радоваться жизни. А я уже радовался за него.

.....

То, что я его сводный брат, Матвей поначалу принял с подозрением. Мне даже показалось, что он сдерживался, чтобы не расплакаться от обмана.

Но потом как-то смирился, и даже проникся уважением. Правда, как я понимал, уважение зиждилось почти исключительно на сексе. Ибо каждый раз я подкладывал под Матвея все новых девиц. Которые отдавались ему порой настолько искренне, что он после этого приходил ко мне и признавался, что хотел бы жениться на девушке, с которой только что переспал.

Мне удавалось убедить Матвея, что пока этого делать не стоит. Не мог же я ему сказать, что все его потенциальные невесты бляди. Ну а то, что произошло, после того как Матвей меня уговорил, чтобы я убедил одну из этих девушек выйти за него замуж, вы уже знаете. У Матвея до сих пор стояла перед глазами картинка, как усевшиеся в кружок мужчины драчили на занимающуюся онанизмом его обнаженную невесту. А потом трахали ее. А ему пришлось трахнуть двоих из них.

--Я не думаю что именно после этого ты стал пидарасом,-- признался ему я.—Скорей всего какие-то задатки у тебя были раньше. То есть, другими словами, ты уже был предрасположен к занятиям сексом с мужчинами. Ну и тот случай просто стал первым...

--Не первым,-- посмотрел на меня Матвей.

Я, вскинув брови, удивленно взглянул на «сводного» брата.

--Не первый,-- повторил Матвей.—Первый был когда я смотрел порнофильм, где любовью занимались друг с другом мужчины, и у меня встал член. И я непроизвольно кончил. Ну («взгляд на меня») помог себе кончить. Рукой.

--Ну, это не считается,-- зачем-то утешил его я, понимая, что это-то как раз вполне можно было и считать первым разом. По крайней мере именно тогда, пожалуй, Матвей понял, что мужчины ему нравятся. Ну, или – мужчины уже не барьер перед ним. И при случае он вполне даст какому-нибудь мужчине позабавляться со своим пенисом. Или начнет играть с его. В зависимости как сложится ситуация. (Пидарасы они такие,-- подумал я.)

Для меня, конечно, были дики все эти гомосексуальные пристрастия Матвея. И по возможности я старался почаще подкладывать под него девиц. В надежде что когда-нибудь ему это понравится больше.

И можно даже сказать, что мы вели друг с другом что-то навроде безмолвной и необъяснимой войны за его сексуальные интересы. Хотя мне пока и приходилось признавать, что побеждал все же он. Но я не сдавался. И верил, что когда-нибудь Матвей перестанет быть гомосексом. И будет ебать исключительно баб.

Глава 5

Пытался переубедить Матвея и его отец. Ираклий Вахтангович правда не догадывался, что его сын весьма разнообразен в сексуальных предпочтениях, периодически меняя своих половых партнерш на партнеров. Но и того что Бомбидянц старший знал, хватало, чтобы иной раз сидеть ему, обхватив голову руками, и переживать что его сын пошел совсем хуй знает в кого. В черта какого-то рогатого. Если предположить что черт когда-то переспал с его женой.

Мама-прокурор тоже ни о чем не догадывалась. А ей как-то стеснялись сказать, что ее сын гей. И периодически делая облавы на пидорастические тусовки, Матвея всякий раз отпускали. Да им и самим было как-то совестно, что сын их бывшей начальницы – пидор. Но что они могли поделать?

.....

Как-то я подговорил двух знакомых трансвеститов переспать с Матвеем. Оделись они в женскую одежду. И нашли двоих подруг, которых одели в мужскую.

Когда Матвей обнаружил, что у мужчин нет хуя, а у женщин пизды, он охуел. И чуть не сошел с ума.

Я вовремя сообщил его отцу, и он снова определил Матвея в дурдом, к своей знакомой.

.....

Как я понял, Лидия Викторовна, заведующая отделением, Матвея не лечила. Как-то так выходило, что она не считала, что Матвей Бомбидянц болен. И выписывая ему лекарства, как-то невзначай намекнула, что пить их необязательно. Причем выписывала она ему известные таблетки от депрессии «циклодол». Зная, что Матвей всегда сможет «циклодол» обменять на что угодно. Циклодол (или «цикла» - на языке психов) оказывал наркотическое воздействие. И несколько небольших белых таблеток равносильны стакану водки на пустой желудок. А уж если вы выпивали штук десять, то у вас на какое-то время напрочь слетала крыша. И вам казалось совсем уж несуществующая реальность.

Циклодол Матвей обменивал на деньги. А деньгами расплачивался с санитарями. И те по ночам отпускали его. Главное было уйти после последней поверки (когда заступившая ночная смена всех пересчитывала) и придти до прихода врачей.

Куда Матвей уходил? Да как ни странно практически никуда. Он просто гулял по городу. А когда было холодно -- и вовсе никуда не уходил. Тем более что срок содержания его в клинике был всегда условен. И обычно не превышал месяца.

И все же, как бы то ни было, я не мог согласиться с Лидией Викторовной в диагнозе Матвея. Даже более того. На мой взгляд, Матвей не только нуждался в принудительном лечении, но и по прошествии какого-то времени я уже стал убеждать Ираклия Вахтанговича в том, чтобы он более чем внимательно отнесся к судьбе собственного сына. Пусть на его взгляд тот и не был таким странными (ну то есть странными казались его поступки). Но ведь Ираклий Вахтангович всегда был большей частью занят самим собой. В то время как Матвей Ираклиевич действительно нуждался в заботе.

Так считал я. Пока не догадался, что все-то как раз дурачили именно меня. И я вообще оказался в центре какой-то хитропродуманной комбинации. Причем все было так, что я и действительно поначалу мало что понимал. И о каком-то розыгрыше догадался случайно.

А я, вдруг неожиданно понял, что с того момента как я познакомился с этими людьми – они повели себя таким образом чтобы убедить меня что они – это именно они. Ираклий Вахтангович – директор фабрики и муж прокурорши-пенсионерки Раисы Карловны. Лидия Викторовна – знакомая Ираклия Вахтанговича и подруга Раисы Карловны. А Матвей – сын Ираклия Вахтанговича и Раисы Карловны. А я?.. Кто же тогда я?..

Да вот в том-то и дело, что никого из них никогда не было. А кто был – так только лишь я. Я, зачем-то накурившийся какой-то дряни (дрянь-то еще ерунда, если бы не психотропные таблетки запитые вином), и от того убравшийся в какой-то нереальный мир. Где и проходили вокруг меня все эти образы. От которых я бы в конце конов сошел с ума, если бы действие препаратов не начало отпускать. И я постепенно не возвращался в мир самой, что ни на есть, реальности.

И по мере того, как происходило мое возвращение, я также начинал понимать, что скоро начнется совсем обратный эффект. И мне необходимо будет выбирать между уже начинавшимся чувством вины и беспокойством, или же... Или же необходимостью удержать сознание в границах бессознательного. Что наверняка было возможно только новой дозой. А мне не хотелось новой дозы. Так же как и не хотелось мучиться приступами страха. И совсем непонятных сомнений. Непонятных, потому что реального повода возникновения их не было. Все больше выдуманные предлоги. И я знал, что очень-очень сложно будет мне от всего этого избавиться. Разве что рубануть лезвием по венам. Или броситься под поезд. Но ведь и то и другое глупо. Да и неинтересно. Во мне видимо все же достаточно существенно были развиты мазохистские позиции. Потому что нравилось как-то пребывать в тех мучительнейших состояниях, во власти которых я так внезапно оказался. И быть может ничего на самом деле не было этого хуже, но вот в том-то и дело, что мне это все и действительно нравилось. Нравилось настолько, что я совсем не мог от чего-то подобного отказаться. И единственно что мне хотелось, чтобы все продолжалось. И чтобы мне никто не мешал.

И уже это по всему могло показаться самым что ни на есть ужасным и по-своему загадочным. Но ведь и ничего иного как будто не дано. Так что же мне оставалось? Терпеть? Свыкнуться с подобным положением, и совсем не стремиться ни к чему иному? Или все же начать предпринимать какие-то варианты к спасению.

И самое важное, наверное, было попытаться разобраться, от чего же я должен был спасаться? От кого сбегать. От себя?

.....

Как ни странно, от себя убегать не хотелось.

Но почти точно так же я не мог использовать и ничего непонятного для меня. Просто потому что в таком случае я просто бы через время загнал сам себя в западню. Из которой наверняка бы уже и не выбрался. Ну или на это пришлось бы положить слишком много не нужных усилий. Совсем не нужных. Притом что я вполне мог признаться... что не хотел.

Глава 6

Матвей Ираклиевич Бомбидянец был я. Почему-то подобное я осознал как-то внезапно, и ужаснулся этому. А потом заставил себя в это поверить. Но как-то не хотелось в это верить.

А еще чуть позже, я понял, что стал заложником самоидентификации.

И после этого разом обрел себе родных. Ибо с полным правом мог считать (это было следствием логической цепочки) что Ираклий Вахтангович Бомбидянец мой отец. А Раиса Карловна – мать. И я как-то быстро признал это. А признав, точно также быстро отдалился о них.

У меня была своя жизнь. У меня была новая жизнь. И что могла принести мне она – я совсем не догадывался. Да и, наверное, предпочитал об этом и не думать.

30. 10. 2006

Рассказы

Современные отношения

Ему казалось, что весь мир должен быть у его ног.

--Расхожее мнение, свойственное таким людям как ты,-- опустила его на землю Земфира.

Земфира жила уже пять лет в Москве, было ей 24 года, и она считала себя вполне современной девушкой с такими же современными взглядами. Правда, Влад находил ее взгляды слишком циничными, чтобы разделять их, но, по сути, это ничего не меняло в отношениях между ними. Весьма надо сказать дружескими отношениями; и ни он, ни она не выходили за пределы этой дружбы.

Владу недавно исполнился 31 год. Считал он себя успешным бизнесменом, владел несколькими кафе, придорожной закусочной, и пару рюмочными. «Спаивал народ»,-- как считала Земфира, которая не очень одобряла род занятий Влада, но охотно тратила его деньги. К деньгам Земфира имела несколько странное отношение. С одной стороны, своей жизни без них она не представляла, с другой, презирала деньги, богатство, и все, что было с этим связано. При этом напрашивавшийся, было, парадокс (как считал Влад) Земфира разрешала очень просто, рассказав

историю о своем отце, который у себя в Алма-Ате последовательно был секретарем райкома, кооператором, предпринимателем, депутатом, и снова стал секретарем райкома, уже в наши дни. И на всех своих постах презирал деньги, и якобы передал эту привычку Земфире.

Впрочем, Влад этой истории не верил. Он вообще не верил Земфире. Считал ее никчемной и малограмотной девицей. Но у этой девицы было стройное тело и красивое лицо. А Влад любил красоту. И считал, что должен пользоваться красотой, тем более что подобное пользование он довольно щедро оплачивал.

-- Ты мало мне даешь денег,-- сказала Земфира. Она всегда говорила напрямую о том, о чем думала. Тем самым Владу не надо было гадать об ее мыслях, хотя и те казались ему иной раз уж слишком нелепыми. «Странными и нелепыми»,-- добавил бы он, если бы узнал что мы сейчас говорим о том, о чем он иной раз серьезно задумывался.

Он действительно в последнее время серьезно думал об этом. Ему казалось, что он обязательно должен находить время, чтобы подумать о каком-то наболевшем вопросе. Так выходило, что все чаще таким «вопросом» была Земфира.

Кто она была для Влада? Она не была ни его женой (Влад был не женат), ни девушкой (у Влада не было постоянной девушки), ни любовницей (для этих целей Влад пользовался элитными путанами); она вообще непонятно кем была для Влада. Подругой? Так он ни с кем не дружил. Знакомой? Влад предпочитал не завязывать знакомств. Кем же тогда?

--Да никем,--ответил бы он, и в чем-то был бы прав. Или точнее, на какую-то часть был бы близок к истине. И что наверняка, правильный ответ не знал и сам. Потому и рассуждал, бывало, часами над подобной проблемой.

Эту проблему Земфира считала надуманной. Влад сам как-то поделился с девушкой своими мыслями, но заметив ее настороженный взгляд он тут же смолк, но Земфир попросила его досказать цепочку размышлений до конца. Ей хотелось узнать, что Влад о ней думает. Вернее, это Влад так решил, в чем после и раскаивался. Земфира же тогда задала какой-то ничего не значащий вопрос, который Влад расценил как проявление интереса, и охотно стал делиться с девушкой своими мыслями. Причем начав, он не сразу смог остановиться. По настоящему остановившись, лишь когда понял, что Земфира спит крепким сном невинной девушки.

Впрочем, в невинности Земфиры Влад был не уверен. А Земфира его не пыталась разубедить. Ей было все равно. Так думал Влад. И по мнению Земфиры, был прав.

.....

В один из дней Влад и Земфира решили пожениться. Сейчас трудно было сказать, кто первый предложил, но факт остается фактом. Они решили пожениться. А вскоре и сыграли свадьбу.

Свадьба была скромная и только «для своих». Как-то так вышло, что «своих» никого не оказалось. Поэтому молодожены посидели в одном из кафе Влада (из скромности Влад не сказал персоналу о своей свадьбе), а после разъехались по домам. Чтобы на следующий день встретиться вновь и уже не расставаться.

Почему они не поехали после кафе вместе? В какой-то мере это была загадка. Или же – общее объяснение характера и Влада и Земфиры. Тем более Земфира вдруг оказалась Ириной. С папой прорабом на стройке и мамой уборщицей. Ирина родилась и выросла в Москве. А все ее выдуманные истории о собственной жизни стали рассыпаться после свадьбы, когда Влад схватился за голову, осознав что его облапошили. Но и осознав это Влад еще какое-то время сомневался, правильно ли он все понял. Но он понял правильно. Отец Влада (который когда-то помог сыну начать бизнес) сказал ему что он лох, после чего хотел было забрать бизнес обратно, да махнул рукой, и уехал за границу. А Влад... Да что там Влад. Через время оказалось что у Земфиры-Ирины был муж (даже два), что на самом деле ей не 24 а 37, и что вообще, Влад «чистой воды лох»,-- как сама призналась она ему, оформляя развод с разделом имущества, и переезжая в оставшуюся после этого раздела отдельную квартиру в центре Москвы (Владу осталась дача в Переделкино).

А Влад... Влад считал что все случившееся с ним вполне закономерность. И вообще, в какой-то мере наказание ему. Хотя и постаравшись забыть приключившуюся историю, продолжал жить. И если бы как-то не поделился с нами, можно было бы сказать что и не вспоминал об этом. И даже было неизвестно, учился ли он в чем-то на своих ошибках, но что точно – больше с девушками Влад не знакомился, а полностью погрузился в дела. Работал, в общем.

20 июня 2009 г.

рассказ

Солнышко

1

Ему всегда было несколько сложнее, чем другим, понимать как будто простые вещи.

И пусть подобно было только вначале. Сигизмунд с детства и с юности не привык разделять то, что было, в сравнении с тем, что могло быть. Могло произойти. Могло случиться уже как бы и не по его вине.

И выходило так, что стремился он всегда к какой-то неведомой цели. Неведомой - потому как заметно различалась эта цель от тех, которые были у других, у сверстников Сигизмунда, например. Кстати, еще в школе имя Сигизмунд одноклассники сократили до Сиги. С тех пор он и был - Сиги.

Прошло 20 лет после школы, а Сиги так и остался - Сиги. И даже представлялся давно он так. А когда переспрашивали (непонятное имя всегда вопрос), Сигизмунд с каким-то особым внутренним воодушевлением рассказывал о том, что он сам думает по этому поводу. И скорей всего большинство общавшихся с ним считали его как минимум странным. Но верно - не подавало какого знака своего понимания. А то и даже пытались как-то воодушевить этого человека.

Притом что хмурым и загадочным Сиги был уже по жизни. И видимо совсем не стоило (да и не могло) что-либо выбить его из привычного ритма жизни. Разве что, если бы случилось нечто непоправимо загадочное. Да оно, впрочем, и случилось.

А получилось так, что Сиги ехал в загородной электричке (выбирался он периодически подышать свежим воздухом в курортный район), вышел на не слишком заметном полустанке, да и побрел куда глаза глядят.

Как после он объяснял...

Впрочем, нашли Сиги в каком-то загадочном месте. Там ничего не было, что способно было бы хоть как-то заинтересовать молодого человека, за исключением девушки, в которую невозможно было не влюбиться. Да и при этом влюбиться так, что разом (достаточно быстро) пересмотреть всю свою жизнь. После чего признать (тут же), что в жизни не встречались и не встретятся ("рассудил Сиги") девушки даже похожей на эту. Причем и внешние и внутренние качества вступали в какой-то необъяснимый коррелят. После чего достаточно глупо было бы хотеть что-нибудь еще, кроме заполучения навсегда этой красавицы. И он приложил максимум усилий, чтобы свершилось то, что он тайно возжелал. Причем, о каком-то сексе речь, вроде как, и не шла. С недавних пор Сиги достаточно загадочно относился к этому естественному отношению между мужчиной и женщиной. В том плане, что он никогда не шел против природы, но умел умирять свой пыл. Тайно разгружаясь самостоятельно. А на людях выглядел совсем иным, непреклонным, например. Причем, можно было заметить, что подобную модель поведения Сиги выработал уже давно. Тогда когда понял, что сила многих людей заключается в их своеобразной игре перед обществом. Потому как обществу совсем были безразличны вы; ему нравились люди, подпадающие под определенную модель жизнеустройства. А Сиги, к слову сказать, как раз весьма подпадал под эту модель. После того, конечно, как начал работать над собой. И работая - он шел к одному ему известной цели. Причем до поры до времени не озвучивал эту цель, потому как понял, что не все люди готовы к подобному. Да и вообще Сигизмунд (про себя он называл себя полным именем) понял, что только по совсем общему и усредненному порядку все люди принадлежат к классу людей. Тогда как внутри класса они весьма различаются друг от друга. И даже если предположить, совсем не мог он какое-то время определиться. Пока не понял, что он заметно отличается от тех, и других, и третьих (таких классов в его представлении было великое множество). А потому должен

пока пребывать действительно один. Хотя бы потому, что должен был задумываться об элементарном выживании. И о том, что когда-то наступит момент, когда он сможет максимально раскрыться и быть (стать) самим собой. А до этого времени должен (обязан!) он попросту ждать. Причем уже как бы совсем не обращая внимание на то, сколько потребуется для этого времени. А равно и не обращая внимание на то, что подобный период вполне может растянуться на годы. И при этом, все эти годы для него важно сохранить в себе то начало, которое столь откровенно открылось ему. А значит, как минимум, он должен не сдаваться сейчас. И если возникало на его пути нечто, что, как он угадывал, сможет максимально раскрыться и быть самим собой. И не оставляя в стороне - забирать с собой. Как, например, девушку Катерину, которую он встретил в глуши, в которую влюбился, и которая в его представлении являла пример женщины, необходимой ему для его жизни. Притом что еще раньше он как будто решил, что как раз для его жизни женщины вообще не особо нужны. Но сейчас признавал, что стал считать так, просто не встретив ту женщину, которая действительно была бы ему необходима. Не встретив - да и, наверное, отчаявшись встретить.

Но теперь было все наоборот. Теперь девушка Катя (двадцати семи лет, стройная, высокая, с высокой грудью, красивой попой, красивыми бедрами, правильным взглядом на жизнь) как бы и действительно являла пример чего-то другого. Того, к чему раньше, как он понял сейчас, он только подбирался. Тогда как на самом деле все было совсем даже иначе. А он... А ему вдруг понравился его новый взгляд на жизнь. И как раз теперь он стал придерживаться этого взгляда. Чтобы не мешало ему более ничего. Чтобы все у него впредь получалось. Чтобы он хотел и добивался только победы.

2

Понимание жизни для Сигизмунда явилось каким-то чудодейственным откровением. Он даже хотел, было, и вовсе изменить свою жизнь. То есть перекроить ее в соответствие с новыми требованиями времени. Да пока решил вводить изменения постепенно.

.....

Вернувшись в Москву, Сигизмунд, тем не менее, начал новую жизнь.

Причем, началась она скорее без его какого-то введения. Когда хотелось ему достигнуть большего, чем он, наверное, мог.

И даже так вышло, что может и хотел бы он сдержаться, да все стало происходить без его ведома. А действительность словно бы уже не подчинялась ему. Стала даже одно время какой-то

размывчатой. После, правда, мобилизовалась (или мобилизовался он), и уже все вдруг начало быть совсем другим. Да он и сам заметил эти жизненные преобразования.

Катя, правда, их не замечала. Для нее, выросшей в сельской глубинке, он и так казался королем или принцем. Поэтому даже если бы он стал еще круче (Сигизмунд был инвестором в ряде компаний, ставших вдруг крупными и успешными), она бы отнеслась к этому как к само собой разумеющемуся факту. Потому как, быть может в первый раз в жизни к девятнадцатилетней девушке пришла любовь. И она старательно оберегала это чувство. Понимая (пусть большей частью и бессознательно), что там, где жила она - потенциальным женихам уготована судьба пьяниц или наркоманов (распространенный факт в постперестроечной России), а Сигизмунд был ее солнышком.

Она его так и называла: "мое солнышко".

А он шурился от удовольствия как мартовский кот. И возвышался от этих слов любимого человека в собственных глазах до невероятных размеров. Да и вообще, можно сказать, радовался жизни. Ибо как-то разом понял, что, быть может, жизнь как раз и состоит из таких мгновений.

И что уж точно - ему все нравилось.

А какие-то сомнения он отгонял, да от подобных и избавлялся.

Они были ему не нужны.

Он полюбил жизнь.

И полюбил тех, кто находился в этой жизни с ним рядом.

25.11.2007 год.

рассказ

Правда

Они встретились почти случайно. Он шел по улице, она шла ему на встречу. Поравнявшись друг с другом - внезапно остановились. Он посмотрел на нее, она на него. Вроде как пошли дальше. Оглянулись. И... с тех пор уже не расставались.

.....

Прошло три года. Она говорила, что ей по-прежнему 27. Ему на днях исполнилось 34. Он сменил имя и вместо Влада стал зваться Виктором. Ее все также звали Викторией. Она была красива. Он обаятелен. Она иногда ругала его последними словами, он улыбался и любил ее как прежде. И она его любила. Любила, иногда быть может опасаясь признаться в этом себе. Любила, сожалея о своей холодности, но не решаясь изменить себя. "Чтобы не потерять индивидуальность",-- говорила она. Он улыбался, и ничего не отвечал. А она боялась спросить. Боялась услышать правду.

В чем заключалась эта правда, и в чем она вообще могла заключаться (если допустить что правда была, конечно) Виктория не знала. Виктор тоже не знал. Он лишь иногда задумывался о том, что мир почти также несовершенен как и его женщина. И может потому он любил Викторию еще сильнее. У него был выбор. За день до знакомства с Викторией он познакомился с Олесей и Юлей. Обе девушки были рослые, красивые, почти сразу допустили в их отношениях сексуальную близость, и вообще, по всему было заметно, что им нравилось внимание к себе со стороны Влада. Тогда он был еще Владом. Это потом он сменил имя. После встречи с Викторией.

У них с Викторией была странная любовь. Схожие лишь на первый взгляд, они действительно казались очень похожи, стоило понаблюдать за ними чуть дольше. А если получалось провести с этой парой сутки, ни у кого не оставалось сомнений что эти люди специально родились, чтобы встретиться.

Так это было. И это было правда. Та правда, что иногда до слез щемит глаза, и которую невозможно не признать, потому что... потому что это была правда.

.....

Почему они расстались?

Были на этот счет разные мнения. По одному, все сходилось на том, что их отношения попросту не могли закончиться браком, потому что не готова была к браку она. По-другому - не был готов он. Наверное надо было спросить у них. Но после расставания, ни Влада (он вернул себе прежнее имя) ни Викторию никто не видел вместе, а спрашивать мнение по отдельности означало внести сумятицу в мысли и погрешности в правду. Ту правду, к которой каждый из них стремился, но так получалось, что у каждого из них правда была своя. Отдельная от другого. И никто из них не считал, что прав был кто-то другой. Допускали, да. Но не верили в это сами. А потому сама правда казалась какой-то ненастоящей. Слишком вымученной, что ли.

А может этой правды никогда и не было. Но тогда получалась, они и правда ее выдумали? Выдумали, чтобы на каком-то этапе собственной жизни сойтись, чтобы после расстаться навсегда. Хотя, кто его знает?..

25.11.2009.

рассказ

Жизнь в радость

Насколько он, конечно, мог быть уверен в словах. В своих словах. Причем, сказанным только что.

Вроде как конкретный вопрос неожиданно привел Олега Дмитриевича в некоторый тупик. Он вроде как и верил в то, о чем говорил недавно. Да вот теперь – отчего-то стал сомневаться.

--Сомневаться не надо,--доброжелательно произнес доцент Чепурной.—Главное, чтобы вы были уверены в том, что все это действительно так. Согласны?

Олег Дмитриевич замешкался. Он вдруг поймал себя на мысли, что на самом деле не знает, уверен ли он? Вроде как уверен. Но ведь могло выйти, что и не так. И тогда...

.....

Олег Шмелев уже вышел из аудитории (где он только что сдал очередной экзамен, входящий в кандидатский минимум), а вопрос по-прежнему, все тем же пронзившим его невольным сомнением, жег грудь. Хотелось выпить воды. Ледяной.

--Лучше взять минералку,--решил Олег, направляясь в бар, находящийся неподалеку от учебного заведения.

В баре минералки не было. Зато был коньяк и хорошее вино.

Олег взял кофе с коньяком, и уютно усевшись за столиком, задумался.

По всему выходило, что те сомнения, от которых он уже думал что избавился – вновь захватывали его. И пока вроде как не было от них беды (а вред на начальном этапе еще был незаметен), но Олег отдавал себе отчет, что это был только начальный этап. А значит то, что могло случиться с ним позже, может привести к не очень желательным последствиям.

От последних последствий, помнится, Олег избавлялся год. И то, в итоге ему пришлось сменить место работы (раньше Олег работал преподавателем географии в школе – теперь поступил в аспирантуру и стал подрабатывать ночным сторожем), потерять семью (жена ушла, гордо хлопнув дверью, и обозвав его неудачником), отношения некоторых знакомых (ряд бывших знакомых стал вдруг от него прятаться), да и вообще наверное – многое поменять в жизни. Если не все.

С тех пор прошел год. Олег за этот год пересмотрел жизненные ценности, и был уверен, что ничего подобного произошедшему, когда он неделю стоял перед воротами школы прося милостыню, не случится. Еще хорошо, что школу он тогда выбрал соседнюю. Где его никто не знал. И лишь только случайно проходивший мимо директор уже его школы, обратил внимание на удивительную схожесть нищего со своим худосочным и угловатым подчиненным.

--Это Вы?—удивленно спросил директор, внезапно растерявшись, и не зная как реагировать.

--Я...--обескуражено произнес Олег Дмитриевич.

Потом последовал серьезный разговор в кабинете директора. И увольнение. За действия, порочащее имя учителя.

Правда, в трудовую директор ничего не написал. Пожалел.

--Действительно неудачник,--вспомнил Шмелев слова жены, которые сейчас оказались невероятно схожими как со словами директора, так и с собственными мыслями Олега. Он ведь и на самом деле был неудачник.

.....

--Это смотря с какой стороны повернуть,--задумчиво сказал доцент Чепурной (из памяти Олега все не выходил разговор с ним в аудитории, когда, быстро приняв ответ Олега, Чепурной неожиданно разговорился с ним о жизни).—Ведь так может случиться, что судьба наоборот – благосклонна к Вам.

--Благосклонна?..—не понимаяще повторил Олег.

--Вот-вот,--для надежности еще и кивнул доцент Чепурной.—Жена ушла – так значит она своим уходом решила сподвигнуть вас на какие-то жизненные свершения. С работы уволили – так значит судьба решила, чтобы Вы повысили квалификацию. Защитили кандидатскую. Что еще у Вас произошло?—Чепурной с любопытством уставился на аспиранта, будучи готовым тут же на месте разрешить любую его трудность.

И Олег понял это. И действительно почувствовал силу, мощь, и трезвость мысли доцента. Почему же он тогда не ответил Чепурнову, на вопрос, что он об этом думает? Ведь он действительно прав,--понял сейчас Олег.

По сути, все в его жизни было так. Сумбурно и неправильно. А иной раз – и до смешного нелепо. Он стремился к каким-то целям. Даже, иной раз, достигал те.

А потом все в одночасье рушилось. И приходилось начинать или сначала, или заходить с другого края.

Ну а фактически -- стоять на месте. Потому как периодически Олег ведь возвращался к некогда уже завоеванным позициям.

Олег вспомнил слова Чепурнова. Выходило, все же прав был доцент. Ошибался Олежек Дмитриевич (как ласково называл его уже немолодой доцент Чепурнов, Станислав Аркадиевич). Не с той плоскости смотрел он на поступки и ситуации в своей жизни. Не так. Все на самом деле было хорошо, правильно, и закономерно. А он же видел только негатив. Тогда как через отрицание ведь совсем не всегда можно придти к истине,--вспомнил Олег слова Чепурнова на одной из лекций. И в разговоре с ним Станислав Аркадиевич тоже высказал схожие соображения. Причем выходило так, что Олег Шмелев просто проводил неправильное тестирование реальности. И в итоге выходил у

него неверный отчет. Ошибочный. Необходимо было пересматривать всю методологию исследования,--сказал тогда Чепурной.—Иначе вы молодой человек (Олегу было двадцать семь) наворотите бед. Сломаете жизнь себе, и здорово испортите ее остальным. Окружающим,--уточнил Чепурной, видя несколько озадаченное лицо Олега.

А Олег тогда и действительно растерялся. Он уже начал все понимать. Понимать всю ошибочность собственных размышлений.

А сейчас, сидя в баре и уже допив кофе и коньяк (и докуривая сигарету, собираясь после уходить) понял, что ему необходимо делать. Причем уже практически не надо было что-то пересматривать. Все было хорошо и правильно. Имена такая должна теперь быть у него установка. И тогда жизнь станет в радость.

С этими словами Олег Дмитриевич Шмелев и вышел из темного мрака полуподвального помещения, где располагалось кафе, на свежий апрельский воздух. Термометр показывал восемнадцать градусов тепла. Светило солнце. Вокруг стайкой прошли стройные и улыбающиеся девушки-студентки с укорачивающимися к лету юбками. Олег тоже улыбнулся.

--Жизнь в радость?—на всякий случай переспросил он себя.

--В радость,--ответил, и улыбнулся.

Жизнь была действительно в радость. И незачем было это скрывать,--подумал Олег, и пошел, улыбаясь прохожим и окружающему миру.

23 июль 2007 год.

рассказ

Писатель

1

В художественную литературу Аристарх Рафаэлович Ремезов вошел внезапно. Так входят в холодную воду, когда на улице стоит жара, и искупаться вроде, как и надо, но, представив себе «холод волн» – не хочется. Так прыгают в прорубь, когда разгоряченные после бани, и уже вроде сделав, те обязательные несколько метров до воды – на миг задумываются: а надо ли это?

На фоне той размеренной жизни, которая как вроде бы и окружала его, поначалу ни о какой литературе он не думал. Была работа чиновника средней руки, со всеми «положенными» его должности преимуществами. Была любимая жена; сын-школьник; родители – пенсионеры (которых он регулярно навещал каждые выходные). Был небольшой круг старых друзей; обязательно запланированные встречи с ними, (с неизменными мужскими интересами: спортивные мероприятия, сауна, ну и все тому «сопутствующее», о котором особо не принято распространяться, но которое присутствовало всегда). Аристарху Рафаэловичу было 37 лет. Был он высок, быть

может, – даже красив; очков – усов – бороды – не носил; его волосы всегда были аккуратно подстрижены, виски подбриты; одеваться любил – изысканно; помимо жены – имел любовницу, периодически встречался с любовником, раз в полгода ездил на какой-нибудь заграничный курорт, и кроме служебной машины – имел неплохую и собственную, хорошую дачу в престижном месте (хвойный воздух на Финском заливе под Петербургом весной особенно хорош), ну и, в общем, действительно жил той самодостаточной жизнью, которую и сам он считал таковой, и менять которую – совсем даже не собирался.

И вот в какое-то время Аристарх Рафаэлович почувствовал, что все это – «не его». Уже не радовала работа (в одночасье стали безразличны все ее преимущества). Надоела жена; «достала» всевозможными капризами любовница; (любовник вообще заявил о «смене ориентации»); стала раздражать глупость друзей; перестали интересовать курорты; «зажравшиеся» соседи по даче; сама дача; вечно холодный воздух с Финского залива... Даже консьержка в подъезде начала вызывать отвращение.

Почти неделю, Аристарх Рафаэлович ходил понурый, сосредоточенный в себе, мучительно пытавшийся в таком своем состоянии разобраться. Все время какое-то неосознанное решение вертелось в голове, но никак не могло материализоваться.

Тогда Ремезов решил помочь себе сам. В один из дней он набрал полный багажник различного «алкоголя», набил пару сумок снедью, постарался не забыть еще кое-какие мелочи – сейчас, вроде как, и не нужные, но, – кто его знает, – быть может, и необходимые в последующем, и, предупредив всех, что ему требуется срочно уехать на неделю – уже вскоре переступил порог небольшого домика в деревне (бывшая вотчина родителей, теперь стоявшая «наполовину заколоченной»: полтора-два километра от Петербурга вроде и немного, – но приезжали в эту деревеньку, кто даст сил вспомнить, – раз в два, в три года).

Никого видеть не хотелось; соседке-старушке, посматривавшей за домом (...ой, а я и не узнала тебя, совсем изменился...), Аристарх Рафаэлович отдал специально привезенные «гостинцы» (к подаркам «из города» в деревне традиционно относились с благоговением); и, наконец, вырвавшись от затянувшегося было гостеприимства (...ну что, совсем забыл друзей детства?...хоть помнишь, – как зовут-то нас?... да помню я все... Сергей, Андрей... Влад?... что ж не помнить: вроде как, все школьные каникулы проводил с вами?..), затопил печь (зима играла на руку общей атмосфере уюта и комфортности), и, оставшись один – начал жить...

2

Удивительно... Спроси кто его, – так вряд ли и смог бы ответить, что представлял себя, когда раннее, живущим такой жизнью. Но уже сейчас, наоборот, для него казалось загадкой:

почему он медлил раньше?.. А теперь вот, и трудно предположить, что интересовали его когда – земные блага... И тогда уже быть может и взаправду – душе положено довольствоваться малым...

Прошел год как Аристарх Рафаэлович Ремезов буквально ворвался на авансцену отечественной литературы. Каждые несколько месяцев выходили его новые книги; редко выпуск литературного журнала – не проходил без помещенного туда рассказа Ремезова; и чуть ли не с интервалом раз в неделю – одна из газет обязательно печатала с ним интервью... Он работал на износ. Каждый новый день делился на два обязательных отрезка: в первом писал он; во втором, обложившись различной литературой, – он был «читателем». Так, где впервые, где заново, были прочитаны: Кафка, Борхес, Сарамбо, Довлатов, Кортасар, Маркес, Гари, Пруст, Джойс, Грасс, Стриндберг, Гофман, Зюскинд, Фробениус, Эмис, Аксенов, Солженицын, Набоков... (И еще чуть ли не с сотню писателей). В интернете выискивались литературные и филологические сайты; в распоряжении Ремезова оказались электронные библиотеки мира (благо, что и английский и французский знал в совершенстве, а за это время научился читать – почти без словаря – и на немецком)... Сон был сокращен до минимально-необходимых: трех-четырёх часов; на приемы пищи и прочие «обязательные» процедуры – в день отводилось не более получаса; все остальное время – он работал... Тем более, что никто теперь ему не мешал: с работы ушел, с женой развелся, любовница ушла сама, родители неожиданно эмигрировали в Израиль (мол, хоть под конец жизни, проживем спокойно...).

И не зная даже, когда случилось это, (и, видимо, это было лишь следствием произошедших с Ремезовым изменений) – Аристарх Рафаэлович вдруг почувствовал, что попал в какую-то жуткую зависимость. Ведь он теперь не мог остановиться! Да и стоило ему лишь замедлить шаг, как тотчас же грозил напасть на него маниакально-депрессивный психоз... (А то и что «похлеще», о чем Ремезов и упоминать боялся).

Теперь, чуть ли не ежеминутно, Аристарх Рафаэлович должен был «вкачивать» в себя все новую и новую информацию; пропускать ее через себя (трансформировав, быть может, в какой-то мере через собственное литературное творчество); часами он просиживал за компьютером, книгами, журналами; белыми – становившимися вскоре исписанными – листами бумаги; рылся в энциклопедиях, разгадывал кроссворды, решал шахматные задачи... Его мозг должен был работать на максимальных скоростях; иначе, чуть замедлялся ход, – и наступала апатия к жизни, хандрическое нежелание вообще жить, откуда-то выползавшие страхи, незаметно заполнявшая его затуманенное сознание неуверенность, ну и все то остальное, – отрицательно-нежелательное, – от которого Ремезов мог избавиться только одним – разогнав свой мозг на предельные обороты, заставив его (себя) все время запоминать, думать, анализировать...

Вскоре Аристарху Рафаэловичу стало скучно жить. Те нечастые окружающие, «успевавшие» в специально отведенное для этого время пообщаться с Ремезом по телефону, или – что уже случилось весьма редко, и поистине считалось для них большой удачей – переговорить в «живую» – казались Аристарху Рафаэловичу необычайно глупыми, а то и просто: дураками, да занудами. Телевизор он не смотрел (ничего «умного» оттуда не слышал), радио отключил (трудно подстроиться под интеллектуальные передачи), телефон включал всего раз в день на час... И в один прекрасный момент – который, учитывая то состояние, в котором Ремезов теперь находился, наступил достаточно внезапно – Аристарх Рафаэлович почувствовал, что сходит с ума...

3

Длинная кавалькада – медленно, с какой-то особой осторожностью – движущихся легковых машин да автобусов, подождав пока традиционно заспанный и полупьяный сторож, откроет шлагбаум, въехала на территорию кладбища.

Люди разного возраста, среди которых (как это всегда угадывалось, быть может, даже и не по лицам, а по какому-то «особому» чутью) были родственники, просто знакомые, как, впрочем, и не лично знакомые, а лишь по ставшему близким – творчеству, (бродили какие-то дети, понуро курили хмурые мужчины, обречено озирались заплаканные женщины), постояв «необходимое» время возле свежей могилы, и, дождавшись пока сначала опустят, а потом и забросают землей, гроб, перешептываясь и вспоминая (может быть, как принято – только с хорошей стороны) покойника, стали постепенно разбредаться, большинство, о чем-то сожалея, и уж точно вряд ли кто, понимая, – почему тот так рано ушел из жизни (...убийство... да нет, – сам... револьвер нашли зажатым в руке... как аристократ... в висок...).

А через год, кто-то зашедший на кладбище (по вынужденной необходимости, ведь мало кто заходит туда случайно), мог прочитать на небольшом гранитном монументе: Аристарх Рафаэлович Ремезов, писатель...

09. 03. 2004 г.

рассказ

Случайная встреча

Всю свою жизнь, – а она была относительно коротка, всего каких-то двадцать с небольшим, – мне удавалось избегать того чувства, что зовется любовью.

Ну, конечно, совсем «избегать» не удавалось. Однако теперь, по прошествии определенных лет, когда накоплен (пусть небольшой, но позволяющий уже делать более-менее правильные выводы) жизненный опыт, могу сказать, что если что и случилось (когда, где и с кем – не суть важно), – то это все скорее напоминало влюбленность. Да что там, именно влюбленностью это и было. Иначе, не оказался бы я сейчас в подобном унылом (а это оказалось для меня столь ново, что первое слово, хоть как-то характеризующее нынешние чувства было именно синонимом того

грустного, печального и невеселого, что охватило меня) состояния, которое раньше если и случалось, то совсем по иной причине.

Началось все с того, что мне выпало поехать в командировку в Москву (тому предшествовал перевод – в фирме, где я работал уже несколько лет – на новую должность: теперь я курировал что-то вроде «связей с общественностью»).

Ну, в общем, поездка как поездка, всего какая-то там ночь пути; да, собственно, она и вышла бы такой, не повстречайся мне (уже на обратном пути – все вопросы были разрешены, и я возвращался, предвкушая вполне заслуженную похвалу от начальства) одна девушка.

Ну, скажете вы, девушка и девушка и, в принципе, будете правы. Да так бы и вышло, если бы... если бы в час моего возвращения домой в Петербург (а мне всегда казалось, что ночь для этого самое милое дело) кроме нас в купе никого не оказалось. Но, пожалуй, и этому можно было бы не придать никакого значения, как если бы (случайно, на самом деле – случайно) я не заметил того влюбленно-застенчивого взгляда, которым моя спутница (изредка) поглядывала на меня.

Однако и это все еще могло показаться чем-то обыденно-тривиальным, по крайней мере, для меня (обладая вполне сносной – а кто-то отыскал бы и некоторые признаки красоты – внешностью, мне порой приходилось ловить на себе схожие взгляды), если бы (поезд тронулся, белье застелено, чай принесен...) я не обратил внимание, что состояние девушки почти исключительно поменяло свою направленность. И теперь его не иначе как грустным да подавленным и назвать-то было нельзя. А, кроме того, вскоре девушка как-то незаметно начала всхлипывать, и опасаясь, что все это может перерасти во что-то для меня ужасное (женский плач, – в солидарности со многими мужчинами, – я не выносил), я поспешил выскочить в тамбур. Покурить, там, да выждать время!

Однако, когда вернулся, – обнаружил, что состояние моей спутницы ничуть не изменилось. А то и наоборот – и всхлипы стали громче, и все признаки начинавшейся истерики были, как говорится, налицо.

Попытавшись, было, выждать некую паузу (где-то в подсознании уже промелькнула мысль об ее абсолютной бесполезности), я понял, что мне следовало начинать что-то предпринимать, иначе моя (излишняя) «галантность», – вскоре приведет к какой-нибудь (знал бы я какой?!) катастрофе. И тогда я легонько дотронулся ладонями до плеч сидевшей ко мне спиной (забравшись на нижнюю, как и у меня, полку) девушки. Когда она обернулась, я увидел на редкость правильные черты лица, чуть вздернутый носик, тут же (спохватилась) надетые очки, непослушную, – сбивавшуюся на глаза, – челку, и внимательный (не сказать, что он был такой уж удивленный!?) взгляд молоденькой девушки, лет 20-22-х.

– Простите, мне кажется, – я должен Вам помочь. Если не возражаете, я могу хотя бы попытаться... – с не раз подкупавших других людей простодушной доверчивостью, произнес я, улыбаясь, пришедший в голову монолог.

– Вы уверены? – чуть помедлив, ответила девушка. Как мне показалось, – она готова была принять «правила игры».

Сейчас даже не вспомню, что я ответил. Но это было и не так важно, потому как творческая фантазия (при должном настрое, который обеспечивался наличием иной внимательной и благодарной слушательницы) способна была унести меня в такие дебри, что я, иной раз, и сам опасался (и вполне оправданно) не вернуться обратно.

В общем, с отведенной мне ролью я справился и на этот раз. И не успел поезд остановиться около первой попутной станции – я уже знал, что мою соседку зовут Анастасия, что ей 19 (почти не ошибся) лет, а что до той ее грусти... Так, ведь, сейчас от нее не осталось и следа. А раз так, то, в какой-то мере, со своей задачей я справился. Тем более, что моя новая знакомая теперь не только весело хохотала, но и, как мне показалось, – готова была «увлечься» мной.

К слову сказать, никакого особого желания «располагать» кого к себе, – у меня никогда не было. В большинстве случаев это происходило само собой. И, видимо, нечто схожее случилось и сейчас, потому как девушка как-то незаметно (и для себя, и для меня) оказалась во власти той информации, которой я окутывал ее сознание, и слегка приоткрыв рот (что, как я догадывался, хоть и было следствием ее заинтересованности, – но, – сколько в этом жесте было сексуального!..) слушала меня. Присовокуплю к этому – еще блеск ее глаз, выступивший румянец, да то смущение, которое периодически охватывало и ее и меня.

И тогда я действительно «разошелся». Меня все больше и больше уносило в бессознательную даль (которой я так опасался), и я уже готов был совсем отпустить поводья, как в дверь купе сначала кто-то постучался, а потом через (сразу ставший узким) проход, начала протискиваться громоздкая фигура какой-то тетki, достаточно неопределенного возраста – можно было дать и пятьдесят и все семьдесят. Неуверенно поздоровавшись, она тотчас же стала за собой втаскивать множество каких-то сумок, тюков, котомок, потом все это зачем-то развязывать, перекладывать, ну а когда она принялась делать то же самое с многочисленными платками, в которые была повязана словно капустный лист, – я предпочел куда-нибудь скрыться. В тамбур, разумеется.

Однако, не успел я толком прикурить сигарету – как рядом со мной оказалась моя попутчица.

Не знаю, хорошо это или нет, но иногда у меня проявляется удивительная привычка говорить с теми людьми, с которыми почти только что познакомился так, как будто мы знали друг друга

уже много лет. Вопрос – что подумала Анастасия, но обратно в купе мы вернулись... влюбленной парой.

В ту ночь мы уже не спали. Под размеренный перестук колес, иногда заглушаемый лишь храпом, вероятно, с трудом уместившейся на верхней полке гражданки, мы делились друг с другом всем, что произошло с нами в той, другой жизни, стремясь использовать любое мгновение, этой уходящей с каждым пройденным километром ночи.

Однако чем быстрее приближалось утро, – тем все более я начинал осознавать, что вскоре мне предстоит делать выбор. И независимо от того, какое бы решение я принял, – каждое из них могло привести ко всем тем нежелательным последствиям, от которых я все время стремился убежать. А следует заметить, что, несмотря на еще достаточно юные годы, я уже считал себя чем-то вроде «специалиста по одиночеству». Причем, большей частью, эта моя «специальность» – была вынужденной мерой. Ведь «привяжись» я к кому – и в случае расставания... в общем, я боялся даже подумать, чем это могло закончиться для меня... С моей-то психикой!? А потому и приходилось –

Но вот с Тасей, мне, отчего-то, расставаться не хотелось.

Может быть, я действительно почувствовал то знаменитое «родство душ», столь любимое некоторыми романистами? И раньше, – в той, другой жизни, – мне не хватало именно Анастасии? А все встречаемые дамы – были лишь отдаленной копией ее (потому и...)? А может, мне сейчас трудно сделать выбор – потому как, между нами уже произошло – «это»... Причем инициатива исходила целиком от меня, а девушка лишь поддалась «искушению»... Да и то, вероятно, боясь меня потерять. (Влюбленный человек с расшатанной психикой способен себе «накрутить» и не такое). Но уже как бы то ни было, – видя ее глаза, преданно ловящие мой взгляд, я начинал выглядеть в своих глазах абсолютным мерзавцем. Ведь я уже знал, что мы не будем вместе. Знал. И боялся себе же (что говорить о ней?!) в этом признаться. Неужели я так привык к одиночеству?... Но даже если это и так, – то уже то, как я должен был «поступить» – было ужасно. И вероятно оттого – я все больше и больше боялся конца «путешествия».

– Что-то случилось? – спросила девушка, и я понял, что, конечно же, она не может не заметить мое состояние.

Я уже был не так весел, – хотя еще по привычке улыбался; не столь разговорчив, – хотя что-то, должно быть, отвечал; но главное – и это, по всей видимости, достаточно явственно бросалось в глаза, – стал какой-то, излишне, скованный и напряженный. Но ведь я действительно боялся нашего возвращения!

Анастасия, должно быть, все поняла. И уже реже (словно пока еще по привычке) улыбалась; уже почти ничего не рассказывала; и лишь только однажды я (случайно) поймал на себе ее взгляд. Но это был уже другой взгляд. (Помню, мне он показался... странным). Это был (отчаянный?) взгляд обреченного (и узнавшего о том) на гибель животного...

– Мы... не увидимся больше? – нашла в себе силы, – и я видел, что это ей дается с большим трудом, – спросить она.

– ...Да... – тихо ответил я, и, взяв свою сумку, вышел из купе.

Приближалась станция. И я знал, что теперь никакая сила не заставит меня вернуться обратно. Я выглянул в окно. По перрону спешили люди. Надо и мне спешить. День начинался. И так много еще предстоит успеть...

26. 02. 2004 г.

рассказ

Сука

«Нет, ну ты настоящая сука! – изумился я, выслушав рассказ своей, только что встреченной, бывшей знакомой. – И, наверное, даже сука и блядь», – добавил я.

Ксюша на меня не обиделась. Да она вообще никогда не обижалась. Мы знали друг друга лет двадцать. Через семь-восемь лет после знакомства стали вместе спать. Нам было тогда по двадцать. Она разругалась с мужем и пришла ко мне. А утром осталась. Года четыре мы прожили вместе. Потом она ушла. Через год после этого случайно встретились. Стали встречаться. Два года. Потом она исчезла. Внезапно. И вот теперь я встретил ее в ночном клубе, куда заехал выпить чашечку кофе с коньяком, и посмотреть на танцующих герлз.

Ксюша совсем не изменилась. По крайней мере, внешне. Высокая, красивая, худая, стройная, в обтягивающих фигуру джинсах и блузке, она по-прежнему притягивала взоры мужиков. Когда-то я с ней поделился случайным открытием: чуть ли не каждый мужик хочет с ней переспать. Ксюша тогда томно улыбнулась, мол, если бы – говорил ее взгляд. Но она ведь и на самом деле была похожа на блядь! А уж так, как она вела себя в постели?.. металась, кричала, звала кого-то на помощь и тут же отдавалась вам, раздвигая руками свои щели и жадно хватая член, всовывала его в себя!.. Что тут было говорить... Надо было или принимать Ксюшу такой какой она была, или же расставаться с ней, постаравшись не грустить о прошлом.

Не грустить не удавалось. Пизда Ксении манила к себе. Да и девушка не могла так просто отпустить вас. Вы, как бы случайно, сталкивались с ней в магазине, лифте, кафе... Она всегда была вам искренне рада. И при этом у нее был такой вид, словно девушка просилась в койку. «Выеби меня, – говорили ее глаза. – Дай мне твой пенис», – беззвучно шептали ее губы.

Когда вас так просят – надо ебать. И ее ебали. Ксюшу многие ебали. Но при этом она очень хорошо выглядела. Другая бы от стольких мужиков и водки давно бы превратилась в подзаборную шлюху, а Ксюша по-прежнему была свежа и хороша. И притягивала мужские взоры. И рождала в мужиках необъяснимое желание трахнуть ее. Хотя почему необъяснимое? За телом и фигурой Ксюша следила и в свои тридцать семь. Она по-прежнему регулярно посещала тренажерный зал. Раз в неделю обязательно плавала в бассейне. И, конечно же, косметические салоны. Вернее, это раньше ей приходилось куда-то ходить. Последний ее любовник подарил Ксюше как раз косметический салон (другие любовники дарили ей машины, шубы, бриллианты). Так что...

«Ну ты же блядь», – выдохнул я сигаретный дым, но при этом мои глаза говорили что мне как раз такая вот блядь и нравится, и нужна, и...

Ксюша все поняла. Она вообще всегда все понимала. А мне действительно тогда была нужна как раз такая женщина. Красивая и стервозная. И жадная до моего хуя.

И я мог с этой женщиной вновь, как и в старые времена, загулять; и не появляться дома неделями, переходя из одного бара-ресторана в другой, ночуя в случайных ночных клубах или в случайных местах, у случайных знакомых. Тут же забывая этих знакомых, кому еще недавно, пьяный, клялся в вечной дружбе. «Ничего не бывает вечного», – понимал я. «Ксюша нагуляется, наебется, и уйдет», – тоже понимал я. «А ты снова будешь один и вернешься в свою скучную жизнь...», – ухмыльнулось мое подсознание.

Без Ксюши жизнь действительно была строгой и размеренной. Я почти не пил. Ночевал дома. Почти перестал слушать музыку. Не смотрел телевизор. Жил затворником в загородном доме и писал роман. По роману мой герой был как раз таким. И я был просто обязан войти в его образ. Для лучшего восприятия действительности и восприятия мира с позиции его внутреннего мира.

За явным каламбуром скрывалась суровая правда. Мне, во что бы то ни стало, нужно было дописать роман. Пока писал, я несколько раз разочаровывался в героя. У меня рождались задумки новых произведений, и я спешно набрасывал их на первый попавшийся лист, после чего возвращался к роману. Большею частью вымышленному. Но иногда я забывал, где правда, а где вымысел. И писал... Продолжал писать... Мне нельзя было останавливаться. В минуты создания произведения я жил только этим произведением. Словно бы бессознательно примеряя на себя беды

и напасти главного героя. Радуюсь его победам. Улыбаясь и сердясь вместе с ним. Он это я – и я это он. Так повелось с давних пор. Еще когда я писал первый роман, уже чувствовал, что мой вымышленный образ начинает неожиданно подчинять меня. Это оказывалось возможным еще и потому (ну, помимо банальной впечатлительности), что я наделял героев чертами присущими мне. Отдельными чертами. В чем еще больше сливался с ними. А потом не замечал, как начинал растворяться в них. И жил уже их жизнью. Своей жизнью, но так, как будто вместо меня жили они. Внезапно оказавшись в таких условиях...

Ксения была из тех женщин, которые вас всегда понимают. Настоящий друг. И это было вдвойне приятно, потому что этого друга еще можно было и ебать.

В постели Ксения действительно вела себя как изголодавшаяся фурия. Когда вы переходили за порог спальни, с девушки слетало то последнее, что связывало ее с внешним миром. И она вдруг переставала подчиняться любым законам, кроме зова плоти. Вы могли и ебать и не ебать ее. В последнем случае она сама бы выебала вас. При этом вы бы никогда не сказали, что вам подобное не понравилось. Трахаться с Ксюшей нравилось даже педикам. Один раз Ксюша случайно подцепила пидараса, не зная, конечно, что он пидарас. И привезла его домой, в надежде, что он отъебет ее. А он не захотел. И признался, что является геем.

Как потом рассказывала Ксюша (она всегда обо всем мне рассказывала), у этого гея был не хуй, а отбойный молоток. И когда он ее ебал, то совсем не походил на представителя сексуального меньшинства. «А может, он таким и не был, – подумал я. – А только выебывался, окончательно не решив с кем ему спать: с мальчиками или девочками». Хотя с другой стороны, если бы все девочки были такие, как Ксюша – то пидарасам было бы трудно. Мало того, что им бы приходилось ебать ее, так Ксения переманила бы и часть тех, кто еще не определился. А я был уверен: кто хоть раз отъебет Ксюшу – захочет повторить этот безумный трах.

«Сука, сука, сука, блядь!» – выкрикивал я, врываясь членом в Ксюшу, и замечая ее чуть скособоченный взгляд из-под опущенной головы, следящий за тем, как я вколачиваю сваи в ее зад.

Попа у Ксении была отменная. И как-то так сложилась, что даже если вы трахали ее в пизду, Ксюша поворачивалась так, чтобы вы были сзади. «Должно быть для того, чтобы могли лицезреть ее попу», – предполагал я. Но у самой Ксении никогда не переспрашивал. Да и зачем? Тем более, меня это всегда устраивало. И зная о тайной страсти Ксюши к анальному сексу, занимался с ней почти только им. Тем более, если ей нравилось...

Сейчас, когда мы встретились после достаточно долго разлуки, я открыл, что Ксения стала необычайно искусно делать минет. Раньше она только брала у вас в рот, а вы уже готовы были кончить от благодарности. Совсем не обращая внимания на то, как она сосет.

Сейчас же она сосала, словно виртуозно играла на каком-то сложном и в то же время удивительно простом музыкальном инструменте. От минета в ее исполнении по вашему телу пробегала дрожь. В предвкушении оргазма сотрясалось ваше тело. Вас пробирало от кончиков пальцев до макушки.

Ксюша не стремилась быстро довести мужчину до семяизвержения. Она могла себе позволить доставить ему длительное удовольствие. И когда подобное случалось, с вас словно снимали шелуху, и вы рождались заново. Как же она сосала!..

«У тебя был неплохой учитель, – то ли предположил, то ли сделал ей комплимент я.

– Французский влюбленный юноша, – сказала Ксюша. И я узнал, что Ксюша два года прожила в Париже. И у нее там было несколько постоянных любовников и два временных. Временными, как я знал, Ксения называла тех, с кем могла переспать, а потом переспать еще раз, но через время. Иной раз достаточно продолжительное. Временные... «И два временных», – повторила она. «Одним из них и был тот несчастный мальчик», – вздохнула миледи. Миледи было под сорок. «Мальчику» двадцать один. «С ним был только оральный секс», – мечтательно произнесла Ксюша. – Но если бы ты знал, как он это делал?!..

Я знал. Я знал, что доставляет Ксюше удовольствие. И тоже делал ей это. Причем как мне казалось, ничуть не хуже того «мальчика». По крайней мере, стонала и извивалась от моих губ и языка она точно также. И, вцепившись в волосы, стремилась вогнать мою голову в лузу. Еще шире раздвигая ноги и распахивая пизду.

Ксении доставляло удовольствие изгаляться над мужиками. Находясь в ночном клубе, она могла спровоцировать конфликт между двумя представителями сильного пола за право обладания собой. А сама в это время трахаться в мужском туалете с третьим.

Ксюша любила сильных мужчин. Причем вам не обязательно в действительности быть таковым. Достаточно только чтобы Ксения положила на вас глаз. А она могла переспать с любым понравившимся ей мужиком. Независимо от его возраста, положения, наплевав даже на финансовую привлекательность. Это только считалось, что в любовниках у Ксюши ходили миллионеры. На самом деле ее запросто мог отъебать любой безработный. Достаточно чтобы этот безработный в прошлом или настоящем принадлежал к деятелям искусства, литературы, кино, в

общем, к творческой интеллигенции. Потому как она спала или с богатыми, или с интеллигентами. Почему-то предусматривалась, что интеллигенция всегда нищая.

Хотя мне казалось, что Ксения вообще могла переспать с кем угодно. Главное, как говорится, чтобы у него был хуй. И чтобы этот хуй стоял. И совсем невозможно было просчитать, чем она при этом руководствовалась. Видимо, она просто любила секс. Во всех его проявлениях. И любила тех, кто был способен ей этот секс обеспечить.

А случалось, ее пизда способна была поглотить вас, и его, и кого-то еще, третьего. Ксения любила устраивать иногда исключительно групповой секс. Чтобы вас было много, а она одна. И чтобы она ебала вас всех...

.....

Мне нравилась эта девушка. В свои тридцать семь она выглядела на двадцать пять, двадцать четыре... Длинные светлые волосы. Губы... Когда вы видели ее губы, вы уже мало чего замечали. Вы начинали думать о том, что эти губы способны засосать в себя ваш член. Способны ласкать ваш член. Способны целовать ваш член. Губы и член – больше для вас ничего не существовало. И вы стремились как можно быстрее воплотить ваши мысли в действительность. Потому что не могли жить с подобной навязчивостью. Ее губы начинали вас преследовать. И вы уже знали: избавиться от этого сможете только одним способом – действительно вложив свой пенис в эти губы. Отдать им его на съедение. Пусть наслаждаются! Бессознательно понимая, какое в этом случае наслаждение ждет вас.

.....

Я никогда не ревновал Ксюшу. Я почему-то сразу свыкся с тем, что Ксения принадлежит не только мне. И не потому, что она была слишком шикарна для меня, нет. Спал я с дамами и не хуже. Но просто как-то так получилось, что как только после долгих лет разлуки я встретил Ксению, то сразу понял, что не могу один претендовать на нее. Ну не могу и все! И я смирился. Да и недолго думал об этом. Стало не до этого. Ксения убегала, возвращалась, вновь сбегала с каким-нибудь... или к кому-нибудь... А потом опять возвращалась. Я ее не гнал. Я ее никогда не гнал. И не потому, что тогда жил один. Даже если бы и с кем-то, мы бы наверняка решили жить втроем. Или бы я прогнал ту, с кем жил. Но никак не Ксению. Эту блядь я любил. Эту суку я боготворил. Эту ебанную потаскушку я готов был носить на руках. И ебать, ебать, ебать... Не переставая и не отвлекаясь на других. Я, который по природе исключительно полигамен и любящий множество баб (иногда одновременно), в то время, как был с Ксюшей трахал только ее. И мне никто был не нужен. Парадокс...

И все же Ксюша была сукой. «Настоящая сука!» – восторженно подумал я.

И я знал, что эту суку любил. И знал, что был любим ею.

А еще, общаясь с этой женщиной, я чувствовал себя настоящим мужиком. Не только я, конечно. Подобное чувствовали и другие. И, быть может, в этом-то как раз и крылось какое-то объяснение. С Ксенией вы чувствовали себя настоящими мужиками. А она была сука. И вам это нравилось!..

13. 10. 2006 г.

рассказ

Удивление

Почему-то, когда Самуил Маркович начинал рассматривать на своих уроках по психологии такую сущность психики индивида как удивление, ему никогда не удавалось продвинуться дальше заглавия темы.

Поначалу это Самуила Маркович не беспокоило. Не в этот раз, так в следующий, считал он, и переходил к другой теме. Но прошло еще какое-то время, и Самуил Маркович Игнатъев, преподаватель психологии в среднем учебном заведении профессиональной направленности, озадачился подобным фактом. А прошло еще как будто совсем незначительное время, и сей факт стал Игнатъева удивлять.

Причем удивление по поводу «удивления» его со временем стало настораживать.

--Не может быть,--сокрушался Игнатъев, когда ему совсем становилось худо от собственных мыслей.— Должна же в этом во всем проследиваться какая-то закономерность?

Но сколько Игнатъев не раздумывал, пытавшись докопаться до истории вопроса (первопричины произошедшего, так сказать, как говорил он), у него ничего не выходило. А то и даже начинало казаться, что он, Самуил Маркович Игнатъев, никак не может выйти из замкнутого круга. И если разобраться, думал Самуил Маркович, так это и было.

Но Игнатъев не привык склонять голову перед трудностями. Но сколько он не пытался вновь и вновь начать заданную тему, у него не только ничего не получалось, но и со временем он начинал казаться себе откровенной сволочью, и, прекращая все попытки, напивался.

Когда Игнатъев выпивал, у него все становилось на свои места. Да и сама реальность, как замечал Самуил Маркович, вдруг начинала поворачиваться к нему исключительно своим лицом. Отчего на душе Игнатъева становилось хорошо и спокойно. А еще очень весело. И в такие минуты

он (быстро, легко, на память) повторял про себя конспективное изложение лекционного материала по теме «удивление». И радовался, что так все происходит.

Но когда Игнатъев трезвел, по теме «удивление» он не мог сказать ни слова.

--Парадокс,--в который раз повторил Игнатъев. На этот раз он наткнулся на протест психики произнести даже первые строчки выученной им на зубок темы во время министерской проверки. Причем на удивление, Самуил Маркович думал сейчас о чем угодно, только не о проверяющем, который, было, привычно задремав при первых словах Самуила Марковича, и теперь в недоумении вертел головой, словно бы пытаясь в лицах окружающих прочесть, что он пропустил.

И вдруг Самуила Марковича прорвало. Разом, в одночасье, тема «удивление» хлынула из его подсознания. Игнатъев рассказывал весело, даже задористо, с юморком приводя появившиеся вдруг откуда ни возьмись цитаты и случаи из жизни, и совсем как будто не думая о том, почему так все произошло. Почему вдруг получилось все, что раньше уже в течении почти полугодия превращалось для Самуила Марковича в настоящую пытку. Почему, почему, почему... Почему.

А он и не думал почему. Это уже потом, когда на следующий день он придет на работу, и заметит, как коллеги-преподаватели с подозрительным любопытством (а кто и с удивлением) смотрят на него. Это завтра он в конце-концов узнает, что говорил на своем занятии на самом деле черт знает о чем, и отчего-то через предложение вставляя один и тот же пример, выставляя в качестве главного героя этого примера проверяющего из Москвы, который, по словам Самуила Марковича (эти слова ему передал директор, с каким-то глубинным – и пока непонятным для Игнатъева – смыслом смакуя фразу Самуила Марковича про сравнение проверяющего из московской комиссии с удивленным гусем)... Игнатъев вдруг все понял. Понял разом и бесповоротно.

И он также понял, что потерял работу. А потому поспешно попрощавшись с теми, кого встретил в учительской, Игнатъев поспешил домой, чтобы напиться. Почему-то ощущение того, что тема ему все-таки удалась, пока перевешивала все остальное. Это уже после, знал Игнатъев, придет мучительное раскаяние за произошедшее. И это после, как помнил Игнатъев, не раз попадавший в подобные передряги, чувство вины будет отплясывать свой смертельный танец на нервах его совести. Это будет все после. А пока...

А пока Самуил Маркович Игнатъев спешил напиться, чтобы хотя бы еще на какой-то миг продлить то удовольствие, которое он получил от вчерашнего занятия. И он мог бы еще чему-нибудь удивиться, удивиться словно в дополнение ко всему, но уже не хотел.

Тема удивления была им пройдена. И он не хотел ее возвращения.

20 мая 2008 год.

рассказ

Вдоль по Кирочной

1

Он не думал о том, что должно было получиться.

И прежде всего Владимир Девяткин был нацелен на движение вперед и как бы уже сопутствующий этому движению успех. Причем, совсем пока рано было говорить, к какому успеху Девяткин стремился. Можно было предположить, что у него и вовсе было какое-то свое (и непременно особое, как сказал бы кто из знакомых его) видение такого успеха. И уже словно совсем не важно, что это было на самом деле. Для Девяткина важно: 1) иметь всегда свое видение мира; 2) уловить размещение подобного в собственной психике (закрепление подобного), дабы после...

...построить жизнь по-другому, например.

Но если бы вы спросили его, действительно ли он желает, чтобы произошло так, Девяткин бы не согласился. Хотя и тоже верно, что раздумывал бы он недолго. И даже после первого несогласия признался бы, вскоре, что осознает вину. Потому как правду узнать он всегда хотел. А то, что не согласился сразу... Ну, так мало ли что в его жизни происходило по глупости, или по пьянке.

.....

Но на самом деле, с недавних пор все это было не главное.

Виктор Девяткин сам не представлял, до каких высот будет стремиться еще его сознание. И явно было заметно, что он не стремился ограничивать себя ни в чем. При том что от природы был человеком скромным. Работал экономистом в плановом отделе одного из небольших коммерческих предприятий города. Жизнь вел большей частью замкнутую. Разве что иногда на него находило - и тогда он кутил.

В такие моменты Девяткин заказывал экипаж, и заплатив предварительно всем и вся, несся во весь опор по Кирочной (причем, когда у этой улицы было имя русского классика - Девяткин подобного себе не позволял), что-то выкрикивая проходим, да и по всему - вел себя, по его словам, как последняя свинья. Притом что и пьян обычно бывал в такие моменты как свинья. А если и выпивал немного - вскоре догонялся соответствующим образом. После чего уже совсем невозможно было представить, что он выкинет в следующий момент. А Девяткин подобного как будто и дожидался. И кутил, и шалил, и вел себя таким безобразнейшим образом, что на утро (проспав, впрочем, до обеда) стыдился самого себя столь жутким образом, что вынужден был напиваться вновь. Уже чтобы забыть недавнее безобразие...

2

Когда Девяткин был еще юн, он пил, конечно, но как-то старался проделать подобную процедуру дома, один, и при этом - после протрезвления - очень стеснялся того, что произошло.

Теперь он стеснялся тоже. Но время между самим фактом употребления алкоголесодержащих жидкостей, опохмеления, и частичного отрезвления - весьма отдалялось. Что означало, что в само это время он позволял себе многое, а то и даже все. И только когда случаи безрассудного поведения повторялись очень-очень часто и продолжались долго - он останавливался. Ему становилось стыдно. А когда становилось стыдно для таких как Девяткин, это могло означать лишь одно: они хотели измениться к лучшему.

К лучшему, впрочем, Девяткин не менялся. А то и наоборот - все чаще вырывалось из его души откровенное свинство. Что, впрочем, не мешало по-прошествии времени повторить пьянку.

Но не в пьянке было дело. Если бы так для него это было плохо, бросил бы Девяткин пить, не задумываясь. Тут было нечто иное. Когда Владимир пил, он тот час же попадал в другой мир. В этом мире он был главным. В этом мире он не чувствовал никаких упреков со стороны окружающих. В этом мире перед ним уже не было никаких проблем. И лишь одно только благо излучало ароматы счастья. А ему становилось очень даже легко и свободно. Причем совсем нельзя было сказать, что что-то в такие моменты было действительно плохо. Нет, ничего плохого не было. А было наоборот - только хорошо...

3

Понимая, что характером своих действий он запутывает себя, Владимир решил выработать определенную точку зрения, согласно которой мог одновременно казаться (для себя) и очень хорошим, и наоборот - плохим, а то и даже отвратительным человеком.

И трудно было сказать, что ему больше нравилось. Нет, конечно, Девяткин был, как и все мы, за исключением маргиналов, ориентирован на счастье, и стремился совершать поступки, приносящие ему исключительно удачу. Вернее, он стремился к таким поступкам.

Но это еще совсем не значило, что он мог позволить себе забыть себя другого. Потому как тот другой - это был он же, но как бы из прошлого. И этот шлейф, тянувшийся из прошлого - был на самом деле чем-то до боли близким и необходимым ему. И даже можно сказать (факт, между прочим, весьма примечательный) - это состояние являлось неким передаточным звеном между ним - настоящим, и им же - но уже в прошлом.

А от прошлого, по его мнению, совсем глупо было бы отказываться.

Так же как и невозможно было, потому как вошло оно уже в архетип его психики, подпитываясь коллективным бессознательным, фактически направлявшим его дела да поступки. Ну, или дела - являющиеся продолжением поступков.

.....

И все бы вскоре стало хорошо, если бы Девяткин вдруг не почувствовал, что ему и так хорошо. Что ему совсем не надо страдать и за что-то корить себя. Что все, что происходит, имело свою удивительную закономерность и даже можно сказать, простор для дальнейших действий. А эти самые дальнейшие действия уже не вводили его в заблуждение. Одновременно помогая ему добиться всего того, чего он желал, к чему стремился, разделяя происходящие с ним события на главные и второстепенные. Причем, как бы выходило, что пока второстепенных было больше. Ну, или он не мог расчленил их, выделив главное.

.....

Прошло еще какое-то время (на протяжении всего времени Девяткин испытывал необычайный подъем в душе) и Владимир уже понимал, что нет у него иных забот, кроме как необходимости обычного наслаждения жизнью. И даже можно было сказать, что он жил этой жизнью, улавливая ту ее суть, которая была ему весьма нужна, да оправданно необходима. А если можно было задуматься над всем происходящим, то он этого уже не делал. Позволяя себе с недавних пор и вовсе весьма мало. Тогда как он уже знал, что мог себе позволить и большее.

4

Вскоре Владимир возобновил свои поездки по Кирочной.

Теперь все было обставлено таким образом, что он испытывал не прекращавшийся душевный подъем от такого движения. А вся его недавняя тревога (ну или тревожность - Владимир не стал разделять подобных понятий) уходила прочь.

И уже совсем не возникало чего-то волнующего в его жизни, как только желания получения постоянного удовольствия. И удовольствие это не выходило за рамки какого-то непотребства, а лишь зиждилось в плоскости чего-то поистине доброго и положительного. И быть может даже - необходимого самому Владимиру.

.....

Владимир кутил как заправский барин начала прошлого века.

У него даже привычки выработались соответствующие. И он изменился внешне (стал расплывчив, улыбчив, вальяжен).

А потом у него кончились деньги. Потому как кутил Девяткин с продажи собственной квартиры. И как только денег не стало, он собрал вещи и уехал в деревню. Там жили его бабка и дед. Которые не сказать, что весьма обрадовались приезду заплутавшего внука (о своих похождениях, впрочем, Владимир умалчивал, решив, что его не поймут, а скорее, поймут неправильно), но вскоре увидели в этом свою выгоду. Потому как Владимир вдруг показал себя весьма рачительным хозяином, и трудясь с утра до зари быстро завоевал расположение стариков.

А вскоре ему нашлась и невеста.

И зажил Владимир Девяткин совсем другой жизнью.

И только иногда, выходя к завалинке, он вздыхал, и думал одному ему известную думу. И в такие минуты такая грусть стояла в глазах Владимира, что казалось...

Впрочем, никто его в таких состояниях не видел. А то, что происходило в его душе, на людях было спрятано за семью печатями да замками. Да и ведь не у него одного...

22.11.2007 год.

рассказ

Мечтатель

Киндинов разрывался от страсти.

Такое с ним уже бывало. И даже периодически повторялось.

Хотя и не настолько часто, чтобы он к этому привык.

И потому каждый новый раз - был как первый.

Владика Киндинову было тридцать четыре. Очень высокий и красивый. Да вот с женщинами было у него не все так просто. То есть, они его любили, конечно. Но не всех, кто его любил - любил он. И даже можно сказать больше: некоторые ему были безразличны.

По профессии Владик был дизайнер. И можно было сказать, что профессия накладывала определенный отпечаток на жизнь Владика. Хотя и не так чтобы очень.

Владик всегда стремился к прекрасному. К своим годам частично собственные потребности он удовлетворил. Собирался даже купить яхту. Владик был модный дизайнер. И кое что действительно способен был себе позволить.

Хотя и на самом деле, главным для него было совсем не это. Какие-либо материальные блага были лишь приложением. И по-прежнему (как и в юности) основным для Владика была душа.

Он был мечтатель.

Мечты Владика со временем обладали удивительной способностью реализовываться. Можно даже сказать, что и не мечты это были вовсе. А некое планирование будущего успеха.

И многие кто знали его - могли сказать, что этого самого успеха Владик достиг.

Но вот для него-то это было не важным. И оставалось не важным, несмотря на рост благосостояния. Да и причем здесь благосостояние. Самым главным для Владика Киндинова была гармония с собой. Чтобы без всяких там иллюзий и сантиментов добиваться выполнения жизненных целей и задач. То есть, можно было сказать, что в нем присутствовал и своеобразный практицизм. Хотя и сам Владик не очень охотно в этом признавался. Ведь он был мечтатель. А мечта предусматривает наличие души. А если у вас есть душа - то вы и должны стремиться к прекрасному, доброму и светлому. Это должно быть для вас главным. А все что касается материального составляющего жизни - второстепенным. И даже в отдельные минуты жизни - ненавистным.

.....

Владик никогда не стремился, чтобы все в жизни у него получалось. Зачем? Хотя, все равно ведь все получалось,--мог бы сказать сторонний наблюдатель. Но что он знает, этот сторонний наблюдатель. Владик ведь никогда и никому не открывал свою душу. Уберегая, быть может, других от предательства.

Но это было в какой-то мере правильным. Учитывая среду, в которой Владик вынужден был общаться. Среду потенциальных коррупционеров-чиновников (расплачивающиеся с Владиком недавно полученными взятками), да горе-предпринимателей (ищущих успокоение души - в алкоголе и шлюхах).

Владик не любил своих клиентов. И по возможности старался от них дистанцироваться.

Хотя сами клиенты Владика видимо любили. По крайней мере, заказы у него были расписаны на год вперед. И финансово Владик давно уже не нуждался. (Хотя и свойство денег - их нехватка.)

.....

Анализируя свою жизнь, Владик понимал, что на самом деле он все еще неудовлетворен жизнью. Ее моральной составляющей.

И иногда у Владика болела душа.

Но он упорно ни с кем на эту тему не разговаривал. Может даже просто было не с кем.

.....

На самом деле Владик Киндинов был не так прост. А случилось, и Владислав Георгиевич был очень даже сложен. И тогда он крушил и сметал все и всех на своем пути. Помимо роста, он был также и достаточно крупного сложения. И если что-то хотел - добивался.

Правда своеобразные приступы были у Владислава нечасто. Да и умел он себя, по сути, контролировать. Давно уже взяв за правило игру в обществе. Когда он старался соответствовать той роли, которую отводил сам для себя. И согласно которой его знали другие.

"Другие" различались на близких, и не очень. К тем, которые были "не очень" -- относились новые клиенты. А близкими - являлись все остальные. То есть - давнишние клиенты, родственники, какие-то знакомые.

Впрочем, все знакомства помимо работы, для Владика были, большей частью, поверхностны, и не очень важны. Окружающий мир для него сводился на тех, кто был нужен ему, -- и кому был необходим он. Опять же, не для личного общения, а все сводилось почти исключительно к обговариванию рабочих моментов.

--Сучья жизнь,--как-то вскричал Владик, напившись в хлам, и бегая по комнате.

Впрочем, пил он не часто. Не позволял себе. Считая, что всегда и везде (при любых, то есть, условиях) обязан себя контролировать. Не спускаясь до уровня обыденности, от которой всегда стремился дистанцироваться.

Как-то Владик влюбился. И, несмотря на то, что от тут же приказал себе разлюбить женщину, все равно тянулся к ней. Внутри него словно бы что-то восставало против обычного сценария общения. Обычный сценарий сводился к сексу. Поэтому большинство женщин Владика были женщинами легкого поведения. То есть,-- без всяких обязательств к продолжению знакомства. Секс, в общем.

А тут не получилось...

.....

Ксению Петровну Владик встретил в казино. Он оформлял очередной заказ, когда к нему подошла только что подошедшая заместитель директора. И Владик потерял все.

Он потерял сон, спокойствие, и даже деньги. Согласившись выполнить заказ намного ниже цен, на которые рассчитывал выполнить работу.

Да и ни о каких деньгах думать не хотелось. Сейчас он мог признаться, что впервые встретил женщину, с которой ему хотелось бы встретиться еще.

И они встречались. Поручив выполнение заказа своим работникам (у Владика была сеть дизайнерских агентств -- в Москве и Санкт-Петербурге) он стал кутить напропалую. Совсем забыв про все, что только выходило за рамки общения с этой женщиной, с Ксенией Петровной.

А она отвечала ему взаимностью.

И все было бы хорошо, если бы из длительной международной командировки не вернулся муж Ксении Петровны.

В криминальных кругах ее муж был известен под именем... Впрочем, это было в прошлом. Теперь, в начале нового тысячелетия, это был уважаемый бизнесмен. Который по своим финансовым возможностям мог купить Владика, продать, и снова купить. Ему было под силу действительно многое.

Но Ксения неожиданно заняла выжидательную позицию. Ей, быть может, и хотелось быть с Владиком. Но в то же время она знала, на что был способен муж. И видимо пока решила не рисковать. Так понял Киндинов. Который решился на разговор с мужем. Он уже понял, что не сможет без Ксении. И даже почти десятилетняя разница в возрасте (Ксении Петровне было сорок два) Владика не смущала. Он был готов на все. Быть может впервые в жизни. И фактически лелеял это свое состояние.

А муж Ксении, когда Владик к нему пришел (пройдя через тройной кордон из охраны-секретарей-заместителей) рассмеялся, и сказал, что он может ее забирать. Добавив - если она сама согласится.

У Владика, было, промелькнуло сомнение,-- да какие могут быть сомнения, когда на кон поставлена любовь.

И он принял вызов. Поставив на карту все. Потому как, если она не согласится (вспомнил Киндинов предупреждение мужа Ксении) Владик обязан будет прекратить свою деятельность дизайнером, распустить персонал, и на год поступить на работу к мужу Ксении в качестве мойщика машин (помимо ресторанов, казино, автозаправок и проч., муж Ксении владел еще сетью автомоек. Поговаривали, начинал он когда-то мойщиком машин. И купил этот бизнес в память о детстве).

.....

А потом для Владислава Киндинова началось странное время. Казалось, о нем внезапно все забыли.

Прежде всего, каким-то образом исчезли заказы. Резко и бесповоротно. Потом куда-то пропала Ксения. Все звонки на ее телефон - оставались без ответа.

И не возможно было договориться о встрече с мужем Ксении. Ведь тот, хорошо помнил Владик, поставил условие. А значит, как понял Владислав, в присутствии и его и мужа - Ксения Петровна должна была дать ответ.

Но вот какой?.. Если еще недавно Киндинов был уверен в ответе Ксении, то после недавних событий (когда вокруг него образовалась пустота и какая-то загадочная блокада) готов был

задуматься в своем недавнем стремлении заполучить любимую женщину. В том плане, что какая может быть любовь, если тебя не любят. Да еще и предстоит, судя по всему...

Владик пока боялся проговаривать даже в своем сознании то, что предстоит. И вскоре фактически смирился с происходящим. Точнее - с тем, что его ожидало.

И может быть долго ему еще предстояло мучиться (разыгрывая в своем воображении самые страшные подробности разыгравшейся драмы между Ксенией и ее мужем), если бы Киндинов случайно не узнал, что о нем попросту забыли. Один из знакомых Владика (его давнишний клиент), вернувшись из Испании (где отдыхал), и, столкнувшись с Владиком в ресторане Питера, в котором Киндинов сидел один за столиком и пил, не зная как начать разговор (все знали, что по природе Киндинов был нелюдим и избегал общения) словно бы в шутку рассказал об одном известном питерском бизнесмене, которого встретил в компании двух одинаковых женщин. Причем схожесть их была такая, что, находясь они рядом в одной одежде ("или без оной", --осклабился знакомый) тех нельзя было бы отличить друг от друга.

Мутными от вливаемого в течение недели алкоголя Киндинов посмотрел на знакомого.

--Я говорю,--улыбался тот,--совершенно не отличишь. Одно лицо.

Неуверенными движениями (пьяными, излишними, и сумбурными) Владислав Георгиевич извлек из внутреннего кармана портмоне, в одном из отсеков которого хранилась фотография Ксении.

--Ну я же и говорю,--весело произнес знакомый, взглядываясь в фото.--Одно лицо.

Киндинов потерял сознание.

.....

А потом из отпуска вернулась Ксения Петровна с мужем. Вернее, сестра Ксении Петровны возвратилась с мужем. А Ксения Петровна приехала вместе с ними.

И они все вместе пришли навестить Владика Киндинова в больницу.

А потом состоялась свадьба между Ксенией и Владиславом. И если бы не свадебное платье Ксении, глядя на двух сестер действительно можно было бы сказать: одно лицо.

А еще позже, муж сестры Ксении подарил Владиду и свояченице (впервые за десять лет, минувших после гибели друга и покойного мужа Ксении, одоблив кандидатуру на роль ее нового мужа) небольшую нефтяную скважинку. На счастье.

А Владислав и Ксения ведь и действительно были счастливы. И главное их счастье заключалось в том, что они встретили друг друга.

Но больше всего, все же должно быть, был счастлив Владик. Ведь он добился гораздо большего, чем мог и хотел. И большего, чем даже наверное мечтал.

Потому что впервые за последние годы Владислав Георгиевич Киндинов мог признаться, что обрел гармонию в собственной душе.

А это, по истине - бесценно.

21.07.2007 г.

рассказ

Границы реальности

Он смотрел на нее, видел ее природную силу, проступающую из всех складочек ее тела, распластанного перед ним, и искренне верил что она - именно то, что ему необходимо.

В обычных своих состояниях Семен Ковригин не верил ни во что.

Он быть может и желал поверить, да словно бы нарочно все складывалось таким образом, что веры у него не было. Как не было и желания каким-то чудодейственным образом проверить эту веру. Потому как все это и действительно было если не ошибочно (как он считал), то что уж точно - совсем не так, как, по его мнению, должно было быть.

И все потому, что Ковригин вообще верил во что-то непонятное, и не относящееся к моменту его нахождения в настоящем, а отчасти и в прошлом. Притом что в прошлом Ковригин бывал с недавних пор часто. И только поначалу мог сказать, что испытывал от этого дискомфорт. На самом деле все казалось иначе. А если что и хотелось - радости. Может даже потаенной радости. Но ведь и ее,-- рассудил он,-- хватило бы на какой-то период времени. Чтобы после началось уже что-то иное. Может даже повторилось нечто забавное, что не раз уже случалось с ним.

Но и даже если предположить, что это может быть так, то совершенно точно, что к этому он отнесется весьма поверхностно. Беззлобно, конечно, но не заинтересовано. Хотя и где она - заинтересованность? В чем выражалась она в жизни Ковригина? Был ли он весел больше, чем печален? Нет. А в печали всегда приходит много меньше положительных эмоций, чем, может быть, где-то еще.

То, чего добивался Ковригин, он не смог бы изложить.

Но что наверняка, хотел он всегда чего-то поистине замечательного и отличного от других. Ведь верил он себе, готовясь подчиниться, если будет на то необходимость.

И не вызвала такая вера в нем каких эмоциональных сбоев. Хотя и плату за то платил Семен особую. Не разрешая себе общаться с другими людьми. Или же общаться, но делать это исключительно избирательно. И фактически сложно было сказать, в чем заключалось такое общение. Потому как все равно в итоге оказывалось, что Ковригин добивался чего-то такого, чего ранее у него не было. То ли знаниями какими дополнительными запасался, то ли избавлялся от

негатива, проговаривая тот, и добиваясь, чтобы уходила грусть из его души. А на какое-то время ее место заполняла радость от предчувствия чего-то замечательного и давно ожидаемого.

То, что это в большинстве случаев была иллюзия, открывалось позже. Но уже к тому времени находилось нечто новое, что способно было предоставить Семену возможность по иному взглянуть на жизнь. А он и смотрел на нее открытыми глазами. Предпочитая не откладывать в долгий ящик то, что можно было сделать сразу. Сразу и навсегда. Казалось, навсегда. Хотя вечного почти не существует. И Ковригин, зная это, оставался тем самым, сам себе на уме. Понимая, что это, быть может, и есть путь выживания. Ну, или как минимум, один из путей.

Когда Семен Ковригин был еще сравнительно молод (двадцать лет назад ему было тридцать), он стремился все больше достигнуть какой-то особой справедливости в отношении с жизнью, и с теми, кто окружал его в этой жизни. Тогда как сейчас он был уже не столь наивен. И даже можно предположить, что как будто только что-то недавнее изменилось в его сознании. Ну, или же только недавно он стал отдавать в том отчет.

И уже как бы то ни было, но сейчас Ковригин вдруг понял, что от каких-либо стремлений даже в его недалеком прошлом уже ничего не осталось. Что перед ним словно бы неожиданно открылась запретная дверь, а он умудрился в нее нырнуть, да еще и захлопнуть ее за собой.

И что должно было произойти теперь, он не знал. Как и не ведал, что вообще происходит сейчас.

И словно бы стал жить в ожидании этой неизвестности. Когда перед ним или могла вновь приоткрыться какая лазейка, а могло все как минимум - остаться по-прежнему. Причем сам Ковригин пока затруднился бы ответить на вопрос, чего бы он на самом деле больше желал. И это притом, что желал он всегда максимально многого. Но как-то путался в границах этого многого. Принимая, иной раз, за многое то ничтожно малое, что было и так отмерено ему. А то уже как бы и наоборот, путаясь в простейших вычислениях и после, отмахиваясь от того, что может и было ему необходимо.

Но вот было ли?

Вопрос.

Вечный вопрос, на который, как назло, находились все время ответы, противоречивый характер которых Ковригин, конечно, угадывал, да не всегда. Не всегда.

В своих отношениях с женщинами Семен Ковригин совсем скоро нашел то, что, как ему казалось, было больше всего и нужно. Ну, то есть, общение само собой сводилось к общению половому, которому давал Ковригин самую высокую оценку, потому как эффекта, извлекаемого от подобного общения, ему хватало на достаточно длительный срок. Но вот сама прелюдия Ковригиным иной раз вполне сознательно затягивалась. И только для того, чтобы после извлечь

максимальную выгоду от такого общения. Ведь для него всегда было важно не просто обладать женщиной, а обставить все таким образом, чтобы женщина трепетала от возможности общения с ним. Притом что внешне Ковригин не был особо примечателен, мал ростом, даже немного страшноват. Но вот подкупал он чем-то, исходящим изнутри него. И излучение это оказывалось столь сильным, что на того, на кого было направлено оно, действовало беспробитно. И даже не то, что вступала в действия какая магия. Нет. Все происходило всегда по добровольному согласию, и исключительному желанию самих женщин. С которыми экспериментировал Семен Рустамович иной раз совсем невообразимым образом. Проникая в них столько раз, сколько, казалось, никто до этого...

--Может он был маг да чародей?-- задавался вопросом кто-то, анализируя тот эффект, который демонстрировал Ковригин. Но Ковригин почти всегда мог найти такие слова, от которых у этого "кого-то" тотчас же исчезало желание думать во вред Ковригину. Потому как просыпалось внезапное уважение к Семену Рустамовичу. И если это был мужчина - предпочитал он удалиться. А если таким вопросом задавалась женщина - то ей уже ничего не оставалось, как остаться, в полной мере испытывая на себе чары Ковригина.

Ковригин иногда путался со своим возрастом. Считалось, что ему около пятидесяти. При этом он откликался на середину сорока. И немного путано смотрел на вас (но смотрел), когда вы предполагали, что ему за пятьдесят.

Загадки не было. Семену Рустамовичу отчего-то нравилась цифра пятьдесят. И уже можно было предположить, что в ближайшие годы ему будет всегда ровно столько. После чего, быть может, найдет на него новая блажь. И захочет он изменить биологический возраст. Хотя и это все всегда условно. Потому как характеризует не истинное положение дел, а только мнение об этом окружающих. А известно, что любое мнение как раз и создано для того, чтобы при какой-либо необходимости изменять его в нужном направлении. Причем желание самого респондента уже ни в коем случае не учитывается. Да и не надо этого. Зачем. Все ведь и так ясно. А даже если не ясно, так видимо и вопросами такими задавались не многие из общавшихся с Семеном Ковригиным. Да он и располагал к себе почти всегда. Наверное, все же всегда, когда хотел. Потому как иной раз можно было посмотреть на Ковригина, и уже совсем не общаться с ним. Словно бы даже и не заметить его. А заметив,-- удавалось иной раз не оборачиваться вслед ему еще раз. Что при виде его длинного носа, брежневских бровей, громоподобного голоса, слишком маленького для мужчины роста, и схожести по уплотненности тела с пришельцами из мультфильма "тайна третьей планеты" - было сродни геройству, или совсем уж безразличию. Да и таких находилось немного. В основном и смотрели, и шутили вслед Ковригину. И не находили в этом ничего зазорного. Да и сам Ковригин не обращал на то никакого внимания. Привыкнув, наверное. А может, убедив себя, что так должно

быть. Ну, или быть может, посчитав, что нечто подобное должно с ним происходить. Как бы в той реальности, в которой он находился. Тем более что, находясь там, он отчего-то верил, что это все ненадолго. Не навсегда. В том плане, что он всегда ожидал, что подобное может измениться. Иной раз даже настолько, что через какой-то период времени Ковригин будет не помнить ничего из того, что было с ним ранее. И даже это "ранее" будет относиться совсем даже не к нему. А к чему-то нереально-загадочному. И может быть не существующему даже.

И ведь не сказать, что Ковригин та-то уж был какой-то странный? А вот находило на него иной раз и вовсе необъяснимое. Отчего на какое-то время становился он неадекватным проходящей мимо действительности. И тогда он мог совершать поступки, которые ранее ему были не свойственны. Не свойственны его состоянию. Но вот кто сказал бы, какое состояние на самом деле было Семену Рустамовичу ближе всего? Да он и сам бы не сказал. А подумав немного - так и вовсе бы замолчал, опасаясь запутать себя. Ведь не любил он бродить по беспутью какому, уходя вдаль по бездорожью судьбы. А саму судьбу...

Саму судьбу старался Ковригин все время задабривать. Словно опасаясь, что при случае может выкинуть она какую шутку. Так что станет ему от всего этого и вовсе худо. Тогда как сейчас - худо-бедно, но он продолжал и жить и надеяться достигнуть в этой жизни чего-то такого замечательного, отчего не будет стыдно и в старости. Тем более что приближалась та. Хоть Ковригин крепился да молодился иной раз. Он даже пить и курить бросил, надеясь, что будет выглядеть получше. Притом что становясь старше - Семен Рустамович действительно становился лучше. Ухаживал он за собой наилучшей косметикой. Одевался в одежды известных фирм. Посещал салоны красоты, да и вообще, вскоре и действительно решил стать моложе.

Вот только действительно ли ему это было надо - спросил бы он себя.

Да ведь не спрашивал...

И можно было бы признать, что через какое-то время Семен Рустамович Ковригин готов был совсем запутаться от оценки реальности собственной жизни. Потому как представала она ему достаточно загадочной. И могла, по сути, действительно быть и так, и этак. Разве что действительная жизнь большей частью зависит от того, как мы видим ее, а не какая она на самом деле есть. Да и есть ли - вопрос.

И тогда уже, все у Семена стало на свои места. Потому как он и действительно теперь замечал в жизни только то, что ему было необходимо.

Не обращая внимание на все остальное...

04.12.2007 год.

рассказ

Ребенок

Вася стоял перед выключателем, и щелкал.

Стоял он уже полчаса. И видимо процесс ему очень нравился. Свет в ванной комнате то загорался, то гаснул. И все зависело от желания (и совсем нехитрых манипуляций) Васи. Именно он был главным. И видимо от него все зависело. Хотя, и конечно же, от него. Ведь рядом никого не было. Разве что мама. Но мама звенела посудой на кухне. И потому в прихожей, где находился Вася, он был действительно один.

Зазвонил телефон.

Вася продолжал заниматься тем, что и раньше.

Телефон зазвонил вновь. И уже не так как раньше – а с каким-то надрывом. Как будто тот, кто дозванивался – сердился за то, что никто не снимает трубку.

--Алле? – Вася вопросительно уставился в трубку.—Говорите! Говорите, черт возьми,-- начал он выходить из себя.

--Вася? – ответили на другом конце провода.—Это Регина. Твоя сестра.

--Чего тебе?—отчего-то недовольно буркнул Вася.

--Мама дома?—осторожно спросила Регина.

--Дома,--ответил Вася.—...И что?—решил спросить он, в ответ на молчание.

--Как что?—видимо удивилась Регина.—Позови ее пожалуйста.

--Хорошо,--согласился Вася, и положил трубку, собираясь идти на кухню, звать мать. И только тут он понял, что произошло.

Осознание какой-то страшной катастрофы повисло над Васей. Он совершил такой проступок, от которого теперь, быть может, и вообще будет зависеть его, Васина, жизнь.

Страх парализовал Васю. Уже если бы и хотел он что-то сделать – не мог. А в голове пронеслось предположение, что мама ждет этого звонка. Да и сестра теперь волнуется, переживает, и быть может даже плачет, что ей не удалось поговорить с мамой.

--Вася, кто это был?—в дверном проеме показалась голова Васиной мамы. Пожилая женщина устало смотрела на сына.

Телефон зазвонил вновь. Вася снял и тут же положил трубку, опустив ее на рычаг. А потом неожиданно рванул с места, и закрылся в ванной комнате. После чего включил воду, и стал петь. Громко и с надрывом. Периодически смешивая слова песни с вырвавшимися из него ругательствами.

Получалось весьма забавно. И... вполне привычно для матери Васи. Ведь он ее ребенок. И для нее будет всегда оставаться ребенком. Независимо от того, что было Васе уже сорок лет. И у него давно могли быть свои дети.

Своих детей у Васи не было. Их не могло быть «по факту». Да и вследствие, конечно же, Васиного принципа. Который не позволял ему вступать в сексуальные отношения с женщиной, если это была не его жена. Или он заранее не знал,-- что она будет его женой. Ну или невестой, уж на крайний случай.

И у Васи до сих пор еще никогда не было ни жены, ни невесты. И вообще, у Васи еще никогда не было женщины. И даже никакая девушка (кроме, быть может, родственников) не держала его за руку. Не клала свою ладошку на его член. Не обхватывала этот член губами. И вообще, с Васей еще никогда не происходило того, что показывали в фильмах, которые Вася смотрел.

Вася смотрел фильмы порнографического содержания. Почти исключительно. Потому как простая эротика (где главное заключалось в домысливании, а не лицеизрении самого факта извращения) Васе уже была неинтересна. Чем-то на вроде эротики были сны Васи. Хотя ему еще ни разу не удавалось сделать «это» даже во сне. Во сне он вел себя так же, как и в жизни. Только если в жизни перед ним еще ни разу не было обнаженной женщины,-- в снах они мелькали сплошь и рядом. И должно быть очень хотели, чтоб Вася сделал с ними что-то такое.

Но на провокации Вася не поддавался. Еще бы! Ведь он на самом деле знал, что от него хотели эти лживые и грязные создания. Знал, что, по сути, хотели они только одного. А потому Вася всяческим образом увиливал от выполнения того, что давно уже прочитывалось в глазах этих женщин. И на что (в глубине души Вася это понимал), он никогда не решится.

И Вася держался до последнего. И даже тогда, когда его, связанного, уже вроде как и разложили на столе; а потом развязали веревки, развели руки и ноги в стороны, а по его обнаженному телу уже начали скользить руки, губы, языки, волосы... мечущихся над ним обнаженных девушек – и тогда Вася не поддался, считая все это провокацией.

И даже когда почувствовал как что-то мягкое и теплое обхватывает его – давно уже эрегированный -- орган любви, даже тогда Вася еще держался. А когда – девушки знали свое дело – волна страсти все-таки накатила на Васю, и он уже был не в силах сдерживаться и готов был выплеснуть все так долго накапливающееся в нем – Вася проснулся. И еще долго из его комнаты раздавался отборный мат.

А потом Вася чем-то несколько раз ударил по шкафу, потом разбил окно, потом, высунувшись из того – стал кричать на какого-то прохожего, обзывая его самыми нехорошими словами.

И успокоившись только через час (еще хорошо, что через час; в иные моменты доходило до приезда милиции), Вася вышел на кухню, и смущенно поздоровался с мамой.

Мама Васи, как ни в чем не бывало, сказала что-то на вроде того, что давай завтракать. Ну или еще что-нибудь. Значения это уже не имело. Потому что ничего в жизни мамы не менялось. С тех пор как проблемы сына, которые раньше казались ей еще вроде как не проблемами, а чем-то на вроде шуток сына или его индивидуальных особенностей, в полной мере проявили себя.

И после. Когда мама поняла, что ее сын психически болен. И уже никогда не выздоровеет.

И поначалу она еще, было, боролась, бегала по врачам, радовалась, когда диагноз не подтвердился; потом, оказалось, что диагноз подтвердился. Но она еще надеялась что это не будет так серьезно.

Пока не поняла что все слишком серьезно.

И никакого улучшения уже никогда не произойдет. И остается только смириться. Продолжая жить той жизнью, которой она и жила. Жизнью, которая была до сих пор. Смириться...

А потом мама неожиданно успокоилась. И стала принимать жизнь такой, какой та и была. Устав искать в этой что-то как хорошее так и плохое. Убедив себя что главным было то, что ее сын был жив. Ну а то что нездоров? Так опять же, внешне был не калека. А то что у сына болела душа... Так мало ли она у кого не болит. Просто быть может выражается это по разному...

--Да и много ли нормальных?—решила женщина.—Да и что могут-то, эти нормальные?..

--Хотя нет,--осекалась женщина. Уже осознав, что не о том она говорит.

--Проклятая жизни,--тут же запричитала женщина.

А потом успокоилась. Словно бы и действительно смирившись. И решив во что бы то ни стало принимать жизнь такой, какой эта самая жизнь и была. Принимать без всяких там завихрений. Ведь ей и без того хватало завихрений. Ее сына. Который...

Вася еще был в ванной. Но уже перестал петь. И выключил воду. И наверное вслушивался, что происходит за дверью. Не ругают ли его? Не хотят ли изловить?

И Васина мама уже знала, что ничего, собственно, и не происходит. Что-то подобное с Васей происходило всегда. И тревогу бить не стоило.

И прошло еще какое-то время, и Вася осторожно открыл дверь. Высунул сначала голову, потом ногу, потом вылез сам. И виновато подошел к маме. И она его конечно же не будет ругать. Ведь он еще ребенок. Ее – ребенок. А дочь... А дочь перезвонит.

И телефон действительно зазвонил.

18 апреля 2006 года.

рассказ

Мой брат

На самом деле у меня несколько братьев. Одного из них зовут Александр. Внешне этот суровый мужчина на самом деле является добрым и нежным. И хотя доброта и нежность его прочно спрятаны за маской суровости, я его люблю как раз за его нежность, ибо проявление нежности у мужчины это ничто иное, как свидетельство душевной ранимости, чувственности, и... понимания окружающих.

Александр и на самом деле всех понимал. Пусть он не стремился этим окружающим о том рассказать (видимо отсюда и представление о его суровости), но то что он шел всем всегда на встречу – это факт.

Стал писать о брате, и понял, что на самом деле как будто многое о нем и не знаю. Почти всю сознательную жизнь моя брат прожил в Забайкалье (уехал после окончания летного военного училища), женился, родил сына. Когда был в звании подполковника – получил приглашение от крупной строительной компании (заинтересованной видимо его лидерскими качествами) возглавить службу собственной безопасности с зарплатой ровно в 15 раз выше его армейской.

О предложении Александр доложил жене, подумал, и... отказался.

Жена не вынесла такого, как она считала непродуманного поступка (наложившегося на общее безденежье семьи офицера российской армии) и уехала в Саратов к маме. Навсегда. Сын к тому времени уже уехал в Москву, поступать в театральную академию.

Александр уходу жены поначалу очень сильно опечалился, а после подумал, что может в этом есть свой резон. Ведь уход ее как минимум означал, что он теперь ничем не связан, а значит может исполнить свою давнишнюю мечту – стать генералом. Он подал рапорт на поступление в Москву в академию генерального штаба, получил разрешение, уехал поступать, поступил, закончил, тут же получил новое назначение, и через несколько лет стал генерал-майором. Почти тут же в его жизни стали происходить изменения, о которых скажи ему кто еще год-два назад (тем более раньше) и не поверил бы сам Александр, да еще может и посмотрел бы нехорошо на того кто ему сказал об этом.

А еще к Александру попросилась обратно жена. Но он ей отказал. Почувствовав вкус к власти, Александр постепенно избавился от своей душевной ранимости. Ну а суровость его проявилась в новом качестве, ибо суров он был теперь всегда, стал получать одно за другим новые назначения, к 47 годам стал генерал-полковником, когда ушел в отставку разом открыл несколько строительных фирм, к пятидесяти собрал свой первый миллион евро, потом стал вкладывать деньги в спорт (когда-то Александр был неплохим голкипером, входил в молодежную сборную РСФСР), потом.... А потом Александр женился. Его избраннице было 27 лет, звали ее Оксаной, занимала она пост директора консалтинговой фирмы, и не только первая влюбилась в Александра, но и предложила ему отбросить все условности и сомнения и жить вместе.

Александр, было, задумался, да потом разом отмел все сомнения и женился.

А потом у них родилась дочь. Моя племянница. Назвали они ее Вероникой, к моменту написания этого рассказа она уже заканчивает школу.

12 декабря 2009 г.

рассказ

Бывшая любовь

Не думаю, что я мог ошибаться?.. Я рассматривал фотографию девушки моего друга, и понимал что это именно она. Моя бывшая девушка.

Она теперь изменилась. Когда я с ней встречался (два года продолжались наши встречи), Лилии было восемнадцать. Мне – двадцать четыре. Прошло пятнадцать лет. Сейчас, судя по фотографии, это был уже другой человек. Она стала носить очки. Перекрасила волосы. Поправилась.

Мне она теперь не понравилась. Изменилось лицо. Во взгляде появилось какое-то безразличие. А ведь когда-то она была красива. Вслед этой девушки невольно оборачивались мужчины. Она не скрывала свои длинные ноги, и носила только мини-юбки. Грудь у нее была высокая, и она тоже всячески старалась ее подчеркивать. За сексапильной внешностью скрывалась тонкая и ранимая душа. И страстность.

Мне было неудобно спросить Влада (друга) о нынешней страстности Лилии. Я даже не признался ему, что знаком с его девушкой. Когда он хотел познакомить меня с ней – я отказался. Вежливо, но настойчиво.

Влад, было, удивился, но видимо списал это на свойственную мне не любовь к обществу. Люди действительно меня раздражали. Хотя что-то всегда помогало сдерживаться, дабы не послать того или иного идиота на хуй. Мне почему-то казалось, что к общению со мной стремятся глупцы и

неудачники. Словно намеренно. Быть может я сам такой? И они видят во мне родственную душу? Но, если честно, я и сам иногда запутываюсь, какую мне стоит надеть маску. В зависимости от настроения я могу показаться добрым и общительным. Или злым и похуестичным. Хотя и в большинстве случаев я все-таки стараюсь понять человека. Понять проблемы его. Чем, возможно, на какое-то время отдаляю свои. Искусственно пытаюсь заглушить их новыми эмоциональными переживаниями.

Лилия нашла меня сама. В один из дней раздался телефонный звонок, и, сняв трубку, я услышал знакомый голос. Ее голос я узнал сразу. Но ради приличия поинтересовался, кто меня спрашивает? Спрашивала она. В этом сомнений не было. Хотя и Лилия, почему-то, тотчас после моего вопроса, положила трубку. Обиделась? Вряд ли. Чего ей обижаться? Хотя иногда я знал, что совсем незаслуженно обижаю людей. То есть, я что-то отвечал, думая что это обычный ответ, а оказывалось что люди находили в подобном ответе что-то обидное и грустное. Как же меня достали эти глупцы! Волей-неволей мне приходилось жить в социуме. А значит общаться с людьми. Дай мне волю, я бы не подпустил их на шаг.

Но я был лишен подобной возможности. «Ебанная жизнь», – хотелось всегда воскликнуть мне в таких ситуациях. Но я сдерживался. А что еще оставалось? Решиться высветить свои маргинальные замашки? Не мог я этого сделать. Просто пока был не готов к тому, чтобы общество от меня отвернулось. Хотя и подозревал, что отвернется одна часть – повернется другая. Просто произойдет смена приоритетов.

«Может и надо было что-то изменить»? – задумался я.

Звонок Лилии оторвал меня от дальнейших размышлений. Теперь она мне предлагала встретиться. Без Влада.

Без Влада встречаться я не согласился. Но и встречаться когда он рядом, я тоже не хотел. Я вообще не собирался с ней встречаться. Зачем? Ничего возвращать я не стремился. Влюблять ее в себя заново? Так я и раньше-то с трудом от нее отвязался (так считал я; на самом деле мне пришлось подвести девушку к мысли, что это именно она меня бросила; я вообще предпочитал бороться с муками совести намеренным обманом; так мне – для меня – спокойнее). И возвращать былую любовь у меня не было никакого желания.

Влад с Лилией сами пришли ко мне. Без приглашения. Я хотел не открывать. Я вообще редко открывал дверь, если приходили без предварительного звонка. Но тут бессознательно потянулся к замку.

Лилия выглядела лучше, чем показалась мне на фото. Грудь ее стала еще больше (мне сразу бросилась в глаза ее грудь). Ростом тоже оказалась выше (или с возрастом стал меньше я). И губы... Ее губы вслед за объемной грудью тоже бросились мне в глаза. Я не сдержался и представил, как в эти губы вкладываю член...

Вы правы. Мне захотелось выебать Лилию. Выебать ее так, как я ебал ее раньше. Когда, через несколько часов секс-марафона, еще нисколько не устал. А она, в маниакальной страсти, шептала, что хочет еще. И я давал ей это «еще». Так, как это получалось с ней – с другими не выходило. У других на уме всегда была какая-то хуйня. А Лилия думала только о сексе. И не заботилась ни о чем другом, как только доставить удовольствие себе и партнеру. Она хотела и умела ебаться. И мне это нравилось.

Притом, что в случае с Лилией, собрались в единую гамму множество факторов. Пусть любовь и возвышалась над этой пирамидой из сексуальной совместимости, сексуального голода, садо-мазохистских порывов, и еще черт знает чего. Любовь... А может быть, во главу угла был поставлен только секс. Секс без ограничений и с реализацией любых сексуальных безумств, сдабриваемых доброй толикой сексуального неистовства.

Почему-то мне казалось, что это именно со мной Лилия открыла, что ей нравилось ебаться. До меня у нее был парень-одноклассник, но не было сексуального опыта. Мальчишка только раз залез на нее, проткнув членом, ей стало больно, и она его скинула. Да он, видимо, и сам испугался не меньше. Я же открыл Лилии настоящие отношения между мужчиной и женщиной. Физиологически Лили давно уже была женщиной. И чтобы почувствовать это, ей не хватало только хорошего хуя.

Со мной Лилия испытала все степени наслаждения. Со мной Лилия впервые открыла оргазм. Со мной Лилия узнала о своей чувственности. И сексуальной притягательности. Тогда у нее все было впервые. И я думаю, она была мне признательна за то, что тогда ей встретился я. Ведь вполне возможно, с кем-то другим Лили вообще бы отвернулась от секса. От первого мужчины (пусть я и считал себя первым только наполовину) многое зависит.

После Лилии мне понравилось учить молоденьких девочек ебле. Правда, через какое-то время после таких «учений» я переключился почти только на зрелых дам. Мне вдруг захотелось секса без всяких прелюдий и условностей. Тридцати – сорока – пятидесятилетним женщинам от меня нужно было только одного. И я давал им это. И врываясь в их тела, ебал без предисловий. Я не ласкал, а мял их груди. Я не дробил, подготавливая, свой член, а сразу всовывал им в рот, чтобы они губами привели его в нужную готовность. И, без промедлений, ебал их, врываясь в их тела словно кавалерист, с шашкой наголо и с криком «ура!» добивавшийся своего.

Победы. Мне нужны были только победы. В условных списках памяти мои победы множилось. Какой-то период жизни я подчинил только сексу. Секс был моим допингом. Секс был необходимой гарантией того, что я вообще живу. Я и жил. Хотя иногда понимал, что, быть может, и не должен был.

.....

Лилию я отъебал, что уж скрывать. Влад выскочил за водкой в магазин (ту, которую они принесли, мы выпили), а я повалил девушку на пол и выебал. В конце я все же сунул член в ее рот. Она засосала губами пенис, а я подумал, что он давно так себя уютно не чувствовал. Мне оставалось только извиниться перед Лилией за спонтанность. Пообещав, что в следующий раз все будет иначе. И уже отъебу ее основательно.

«Следующий раз» состоялся через день. Влада срочно вызвали на работу (он работал инженером на производстве и у них случилась то ли проверка то ли аврал, что наверное для него было одно и то же), а Лилия пришла ко мне. Предварительно она позвонила по телефону. Хотя подсознательно ожидая ее, я и так реагировал на каждый звонок, готовый в любую секунду переметнуться от телефонного аппарата к входной двери.

Теперь между нами произошло то же самое, но значительно дольше.

.....

Насколько я знал, Лилия должна была пробыть в городе неделю. В том городе, откуда приехала она, и где когда-то с ней жил я, ее ждала работа. Правда здесь Лилия тоже планировала устроиться на работу. Сразу после того, как зарегистрирует брак с Владом. Влад обожал Лилию. До случайной встречи со мной (откуда она могла знать, что ее жених окажется другом бывшего любовника?) она любила его безумно. Теперь я заметил, что Лилия готова была впасть в раздумье. По крайней мере, в меня она еще до безумия не влюбилась, но и Влада уже не любила так, как раньше.

Что ей было делать? Я посоветовал выйти замуж за Влада. Я бы все равно на ней не женился. А сколько продлится наша связь? Ну, даже если и несколько месяцев, если и год, я знал, что Лилия все равно мне надоест. И достанется Владу. Так почему бы им сразу не жить вместе? Притом, что мне бы надоела не только Лилия. Мне периодически надоедали все люди, с которыми я общался. В разное время, помимо Лилии, мне надоели десятки мужчин, женщин, девушек... С собой ничего поделаться я не мог. Природа... Природа, которая наградила меня слишком большим сексуальным аппетитом. И слишком ранимой нервной системой. Реагирующей иной раз самым незавидным

образом. И я бежал от тех людей, которым до этого признавался в любви. Что я мог с собой поделаться? Ничего. Мне и не надо было ничего делать. Да я и смирился. Как только понял, что я именно такой. Ведь по сути, то к чему бессознательно стремиться каждый из нас – это к внутренней гармонии. Так почему же я должен был отчего-то отказываться, если моя внутренняя гармония достигалась при соблюдении конкретных условий, которые я к тому же знал. Ни к чему мне было отказываться. И я отказался только от Лилии.

Но Лилия не обиделась. Она уже стала другой. Это раньше она, помнится, названивала мне даже через год после того, как мы расстались. Теперь же переживала разлуку стойко. И хоть я чувствовал, что она была бы не прочь продолжить наши отношения (Лилия все же вышла за Влада замуж) – был против я. Влад был мой друг. И одно дело «вспомнить молодость» с бывшей любовницей. И совсем другое, трахаться с женой друга. На это я был не способен.

11 октября 2006год

рассказ

Вор

Нет. Наверное, трудно было что-то рассказать так, как это бы сделал Валентин.

Но Валентин сейчас находился в таком состоянии, когда говорить он, собственно, не мог. И не потому, что его как-то уж излишне сильно избили в милиции. Нет. Он не мог говорить, потому что очень трудно (да еще и пока невозможно) ему было осознать, что вот он сейчас стал вором. И его считают так, потому что застали в чужой квартире одного. Да еще среди ночи. Да еще и – голого. И почему он был голый?

.....

Валентин совсем не помнил тот день. Сначала у него, наверное, все же были какие-то планы (где Валентин работал, ведь он, конечно же, не был профессиональным вором – Валентин пока вспомнить не мог). Да и наверняка ведь какие-то планы быть должны. Ну хотя бы самые простенькие. Без заглядывания, как говорится, в будущее.

Но Валентин действительно не помнил. Не помнил. Ничего не помнил. И самое печальное было то, что он не помнил, как оказался в той квартире. И почему там никого не было. Ведь не решился же он и на самом деле ее обворовать? Но зачем? Не было денег? Были. Он только недавно проверял сберегательную книжку. Там еще осталось десять тысяч. Значит, какие-то деньги у него все-таки были.

Но... Но зачем же тогда?..

Валентин обреченно опустил голову на грудь. Ему захотелось заплакать от отчаяния, что он ничего не мог вспомнить. И совсем ничего не понимал. И вообще, наверное, от всего, что с ним происходило, и что произошло, готов был зарыдать от отчаяния.

Но было у него также и желание во всем непременно разобраться. Чтобы не допустить повторения подобного. Чего-то подобного. В будущем. Ведь у него же еще могло быть какое-то будущее. Или нет?

Валентин на миг задумался об этом, а потом вновь разрыдался. Уже от отчаяния. Ведь он стал понимать, что, сколько он не пытайся сейчас что-то понять – на самом деле понять-то ничего не сможет. Да и то, что недавно случилось,--произошло с ним как будто во сне.

--Словно во сне...--Валентин внезапно даже обрадовался такому повороту (новому в его измышлениях). По всему выходило, что он не мог ничего понять от того, что измерение реальности, в котором он все время пытался это осмыслить (понять быть может вообще свою жизнь),-- уже как бы изначально ошибочно. Ложно. Наверное.

И вполне разумеется, все, что он бы сейчас не надумал таким вот образом... Ну, этого как будто бы и не было.

И можно предположить, что не стоило ему об этом даже думать. И уж тем более расстраиваться. Да и вообще, наверное, настраивать таким вот (изначально уже получается негативным) образом себя. И к чему тогда были все эти раздумья да страдания. И слезы отчаяния. И вообще...

Валентин встал, и сделал несколько шагов по камере. Зек, сидящий напротив, удивительно на него посмотрел. («Ничего, ничего»,--тоже посмотрев на того, подумал Валентин).

Нет. Но уже получалось действительно. Он попал сюда. Что-то якобы (Валентин вспомнил ухмылку следователя, подсунувшего бумажку дела для подписи Валентину) совершил. И ему наверняка грозит теперь какой-то срок...

--...Послушайте,--Валентин обратился к сидящему на нарах зеку, который продолжал с любопытством поглядывать на него.—Вот скажите. Если я что-то украл.

--???

--Ну, не украл даже... Ну, предположим, если меня арестовали в чужой квартире. Ну... Ну вот...--неуверенно мямлил Валентин. Его мысли двигались столь хаотично, что он никак не мог собрать их в одну фразу.

--Да чего ты паришься, земля,-- подошел к нему другой зек, спрыгнувший для этого с нар, и скалящийся в предвкушении какой-то для него радости.—Скажи что произошло. И получишь совет – как этого избежать.

--Видите ли,--решился Валентин.—Меня нашли ночью. В чужой квартире. Обнаженного.

--Бабу что ли ебал?—по-своему все понял зек, и расхохотался, оглядываясь на остальных, словно приглашая их включиться в игру.

--Да нет, что Вы,--почти не обиделся Валентин. Хотя его музыкальный слух (когда-то Валентин закончил консерваторию) и резануло слово «баба».—Я не знаю что я там делал,--обескуражено произнес Валентин.

--Ну понятно, что не тырить что-то пришел,--понимающе улыбался зек.—А как спалился-то? Хозяева проснулись и вызвали ментов?

--Да нет же! Я же говорю вам,--Валентин недоуменно посмотрел на зека.—Я сам не понял, как там оказался.

--Подожди, подожди,--недоверчиво переспросил зек.—Ты хочешь сказать, что залез в чужую хату и не знаешь зачем?

Валентин кивнул.

--И совсем не помнишь... нет, что-то тут не то,--недоуменно покачал головой зек.

Валентин, подняв брови, смотрел на него, словно от ответа того зависла его, Валентина, дальнейшая жизнь.

--Пьяный был?

--Нет,--не дал ему завершить очередное предположение Валентин.

--Обкуренный?

--Да нет же,--замотал головой Валентин.—Я вообще не употребляю. Просто случайно оказался в чужой квартире...--смущенно ответил Валентин.

--Ну... под вышку за это не подведут,--неожиданно серьезно задумавшись, протянул зек.—А вот пару-тройку лет впаяют. Ты что собирался украсть-то?—посмотрел он на Валентина.

--Да я же вам говорю...--начал было оправдываться Валентин.

--Ах, да,--вспомнил зек.

--Станный подход,--философски заметил другой зек, подошедший к Валентину.—Решил подломить хату, а потом раздеться.

В камере раздался дружный хохот.

--Или ты уже на дело пошел голым?—сквозь смех Валентин услышал очередное предположение.

--Голый, да! Я бы был голый!—Валентина неожиданно перекосило от злости.—А что...

Договорить он не успел. Моментально изменившийся в лице зек, с которым Валентин заговорил первым, неожиданно ткнул его кулаком в живот. А потом обрушил сложенные вместе руки на спину согнувшегося от боли Валентина.

--Ну ты, гнида!—жестко произнес прекративший смеяться зек обращаясь к Валентину и видимо раздумывая ударить ли валявшегося на полу камеры Валентина носком кроссовка по ребрам или не надо.

--Кончай беспредел!—сквозь разливавшуюся по телу боль (зек все же ударил) до Валентина донесся старческий голос.—Развели бакланство.

Зеки расступились. Рядом с Валентином присел какой-то старик.

--Пойдемте ко мне,--обратился он к Валентину.—Расскажите свою историю. Если смогу – помогу.

Валентин поднялся, и озираясь по сторонам, испуганно направился вслед за стариком.

--...Значит, говоришь, ничего не помнишь?—переспросил старик, усевшись на нарах, и кивком приглашая Валентина устраиваться рядом. Тот осторожно присел у изножья.

--Ничего,--ответил Валентин, заметив, что старик терпеливо дожидается ответа.

--А раньше такое с тобой было?

--Нет,--почти сразу же ответил Валентин.—Вернее – не помню,--уже заметно медленнее, добавил он.

Старик покачал головой, и закурил.

--Что думаешь делать?—поинтересовался он.

Валентин в нерешительности пожал плечами.—Ждать, наверное,-- ответил он через время, видя что старик молчит.

Старик действительно молчал.

А Валентину вдруг вообще расхотелось с кем-то о чем-то разговаривать. И он вдруг вспомнил, почему оказался в той (ненавистой) квартире.

И самое печальное было то, что это была его собственная квартира. И никто его на самом деле не арестовывал. А он сам пришел и сдался. Точнее – позвонил в милицию и сказал там что-то такое, отчего те приехали уже через несколько минут. Позвонили в дверь. Он открыл. Представ перед одетыми в камуфляжи с автоматами на перевес группе быстрого реагирования голым. И когда их увидел – зачем-то побежал вглубь квартиры. А они догнали его и стали бить. А потом привезли в отделение и били еще. Уже, наверное, для порядка. Или вымещая на Валентине какое-то свое зло.

--Ганыкин! На выход!—прокричал надзиратель, открыв дверь камеры.

Валентин, услышав свою фамилию, понуро поплелся к выходу.

--С вещами,-- улыбнулся обо всем догадавшийся старик. А может Валентин, сам того не подозревая, вспоминал обо всем вслух. И когда за Валентином захлопнулась железная дверь, раздался раскат смеха.

Но Валентин этого уже не услышал. Он понял, что его сейчас освободят. И на душе стало спокойно.

19 апреля 2006 год.

рассказ

Одно из воспоминаний

Мне хотелось выпить. В хлам. Так, чтобы после уже ничего не понимать. Но при этом зацепить ту фазу, когда алкоголь, растекаясь по телу, только начинает вызывать алкогольное опьянение; и, вследствие обострения мозговой деятельности, вам становятся понятны сложные механизмы взаимодействия индивидов. Вы ощущаете, что перед вами на миг приоткрываются тайны вселенной.

«Ну и пусть на миг, – подумал я. – Мне бы хватило...»

Кто-то скажет, что серьезно я никогда не пил.

Ошибаетесь. Я не только пил, но и напивался в хлам, вдрызг, вдрабадан, до чертиков. Причем в отличие от тех, кто считал употребление алкоголя трагедией – я был уверен, что мне это приносит пользу. В России вообще тяжело жить тому, кто никогда не напивался, не пил в компаниях, не пил один, вообще не пил. Алкоголь – некая архетипическая составляющая жизни индивида на постсоветском пространстве. И отказаться от употребления алкоголя можно лишь по причине или болезни, или малодушия, или внутренней какой-то придурковатости.

Придурком я считать себя не хотел. Да и пил-то может потому, что начал подозревать, что начинаю им становиться. Но сейчас я не хочу петь оды пьянству. Алкоголь для меня интимная тема. И мне легче говорить о сексе, чем объяснять что-то об употреблении алкоголесодержащих напитков. Объяснить необходимость вряд ли удастся, а заниматься демагогией?.. Да я сейчас и не об этом.

Мне хотелось выпить. Я уже неделю не пил. К концу подходила вторая. Во мне стала развиваться тревожность. Могли вообще наступить какие-нибудь фобийные зависимости.

Я этого не хотел. Поэтому понял, что просто обязан выпить. Хотя бы пива (литров этак пять-шесть).

– Ну что, бухнуть хочешь? – понял меня без слов продавец. Когда он открывал ларек, я стоял рядом.

– Угу, – кивнул я.

– Ну, надеюсь, тебе уже есть восемнадцать? – зачем-то спросил он. Раньше я всегда брал и пиво, и водку, и меня никто не спрашивал о возрасте. В семь мне давали девять. В шестнадцать я выглядел на двадцать. Тогда когда он задал вопрос – мне было двадцать четыре. Вопрос вроде бы неуместный.

Я с некоторым вызовом посмотрел на него: мол, объясни, что имел в виду. Раннее утро. Настроение поганое. Хотелось выпить. Потом я знал, мне захочется познакомиться с какой-нибудь девушкой и отьебать ее. Но это будет потом. Сейчас мне хотелось выпить.

Продавец ушел от ответа. Да и на хуя я ему был нужен. В тот утренний час.

Вообще-то, наверное, таким уж алкоголиком я не был. Хотя пил каждый день. Курил тоже много. Курить я начал лет с четырнадцати. Потом несколько раз бросал. Начинал опять. Пока не понял, что, собственно, хватит выебываться. Ну, куришь ты – и кури. Пьешь – и пей. Занимайся своим делом, в общем.

Подобная философия мне понравилась. С тех пор я не обращаю внимания на всякую хуйню типа оправданности собственных желаний.

После того как я выпил, мне захотелось общения. Причем вроде как, было без разницы, кто будет собеседником. Еще через время я понял, что мне хочется женщину. Но где же ее найдешь? Я взглянул на часы. Десять утра. Все нормальные люди уже на работе. Ненормальные занимаются своими ненормальными делами. Спят, например. Или любят друг друга в теплых постелях.

Мне тоже захотелось любви. Но знакомиться на улице было неудобно. Если... если только какая-нибудь девушка сама не шла на явный контакт.

Я вышел на тротуар, и стал всматриваться в прохожих. То ли настроение было поганим, то ли мимо проходили не те прохожие, но мне стало грустно. От рож, которые я наблюдал, захотелось куда-нибудь спрятаться.

Я стал перебирать в памяти телефонные номера знакомых девушек. Ничего путного на ум не приходило. Да у меня было и не так много девушек, номера которых я бы помнил. Десяток номеров, как я знал, записаны в записной книжке. Книжка дома. Я решил идти домой.

Взяв еще бутылку пива, я закурил, и неспешно пошел по направлению к дому, лениво всматриваясь в лица прохожих. Среди прохожих не было никого, кто бы мог мне помочь в моей ситуации. Мне хотелось половых отношений с женщиной. Подходящих женщин не было.

В подъезде я столкнулся с некоторыми соседями, с которыми всегда здоровался. Были и те, которые делали вид, что не замечали меня. Наплевать.

Лифт не работал. Я стал подниматься на десятый этаж.

Где-то на четвертом этаже я заметил писающую девушку. Я, было, смутился (природная интеллигентность; смутится по всему должна была она), но что-то пересилило мое желание побыстрее пройти лестничный проем, и чуть замедлив движение, я посмотрел на девушку. Она уже доделала свое дело, встала, поправила юбку, и тут заметила меня.

Скажу сразу, что девушка была пьяна. Она с трудом стояла на ногах. На вид ей было около двадцати. Черные стриженные волосы. Короткая кожаная куртка. Черная мини-юбка. Девушка была симпатичная. Но пьяная. Я хотел подниматься дальше.

«Извините, у вас не будет сигареты?» – спросила она. Судя по всему ей было абсолютно безразлично за каким занятием я ее застал.

Я дал девушке сигарету. Она наклонилась и взяла ее из моих рук губами. Это меня заинтриговало. Девушка явно хотела большего. Я все понял. И предложил ей подняться ко мне. Выпить.

«Да я уже как будто готова», – предположила она, но стала подниматься. Зайдя в квартиру, я предложил девушке принять душ. Мне как-то подсознательно хотелось, чтобы она пошла в душ после того занятия, за которым я ее застал. Хотя, что она, грязная что ли? Так, пописала только.

Вопрос только, что писала она в подъезде. И я это видел. В моей голове проносилась подобная цепочка размышлений, когда девушка стала раздеваться прямо в прихожей. Стянула свитер. Из-под него вывалились достаточно внушительные груди. Ни лифчик, ни футболку, блузку, рубашку или что там девушки еще носят под свитером, эта девушка не носила. Грудь колыхались в такт телодвижениям: девушка освобождалась от юбки.

Я еще раз взглянул на груди. Они действительно были большие и слегка провисали от веса. Я почувствовал, что мой член уже, в общем-то, готов. Это решило исход дела. Я готов был выебать стоящую передо мной девушку даже грязную. Для меня уже не имело значения, какая она.

Девушка, видимо, заметила исходившее от меня возбуждение. «Мне надо в душ», – чуть оправдываясь, сказала она.

«Хорошо, – быстро ответил я. – Я тебя сам вымою».

Девушка пыталась возразить что-то типа того, что она привыкла мыться сама, ну или еще что-нибудь навроде этого, только я ей договорить не дал. Я прижал ее к себе, повернул спиной, наклонил, и, вытащив давно уже набухший пенис, стал вставлять его в ее щель.

Пенис вошел как по маслу.

Девушка, уперевшись руками в стену между ванной комнатой и туалетом, сдерживала мой натиск. Я, обхватив руками ее бока, вколачивал в ее пизду свое орудие любви. Орудие было большое и разгоряченное. Вот-вот ожидался салют по случаю нашего знакомства. Девушка изготовилась, выгнула спину, еще больше выпятила попку, – смотреть на нее было удовольствие. Еще большее удовольствие получал я, трахая ее. Иногда одна из моих рук скользила по ее телу, останавливаясь на груди, которая как гроздь винограда заключалась в мою ладошку. Иногда один из моих пальцев гладил ей клитор и створки полового органа. По всему девушка испытывала удовольствие.

Я кончил прямо в нее. Сначала я подумал было, все же вытащить член и излить семя, например, в ее рот. В целях безопасности, так сказать. Но все как-то произошло очень быстро. Да и мозг мой был к тому же ослеплен алкоголем. И девушка до конца распалила меня своими стонами. Да и, если честно, моему члену было так уютно, что желание испытать сиюминутный оргазм перевесило здравый смысл. Я кончил в нее, а она, почувствовав изливавшуюся в нее горячую жидкость, издала протяжный стон, и, сжав мой член сокращающимися мышцами влагалища, тоже кончила.

Так мы познакомились.

Илоне (у нее было красивое имя Илона) было двадцать три года. Жила она в Петербурге с родителями. Хотя родители, видимо, давно уже махнули на дочь рукой, потому что жила Илона какой-то своей, немного непонятной для меня жизнью. Ночью девушка тусовалась в каких-то клубах, на дискотеках, еще черт знает где. Днем, немного поспав, тоже исчезала. Звонить ей было бесполезно. Она сама звонила когда хотела меня или когда – я подозреваю – ей надо было выспаться.

Впрочем, так просто выспаться я ей не давал. И перед тем, как она засыпала ебал ее. Иногда не мог удержаться и ебал ее часами. Но потом все же входил в ее «положение» (обычно она начинала умолять меня остановиться, побыстрее кончить, и дать ей все же поспать), и, излив в девушку накопившиеся потоки спермы, уходил заниматься своими делами. Читать, например. Или продумывать дальше концепцию журнала (тогда я занимался проектом журнала, собираясь после найти под него деньги и стать главным редактором). Быть может, я писал какие-то статьи в газеты (я работал внешкорром – внештатным корреспондентом – в ряде изданий Санкт-Петербурга).

Таким образом, мы прожили с Илоной почти год. Иногда я шел с ней на ночные тусовки. Но обычно уходил с них раньше нее. У нее было много знакомых парней. Пусть, как она говорила, они и были «друзьями», но вела она себя с ним слишком фривольно, и я уходил, чтобы от ревности не начать бить все эти слащавые придурковатые рожи. Илону не ревновал я только к пидарасам. На

удивление у нее оказалось очень много знакомых парней нетрадиционной ориентации. Когда она уходила к ним или с ними (например, говорила что идет в Катькин сад, а оттуда в клуб «69»), я был спокоен. Голубым женщины были не нужны. Они сами были женщины.

Как-то Илона вернулась с клуба с одним из своих знакомых. Худенький мальчик, по виду ее одногодок, скромно переступив порог, жался к входной двери, пока мы обменивались с Илоной традиционными приветствиями. Мальчик мне показался действительно слишком скромным. Когда ночью я проснулся, ощутив, что мой пенис массируют губы «мальчика» (мы с Илоной положили его в другой комнате, но он видимо прокрался к нам), я сделал вид что сплю. «Пусть порадуется», – подумал я. Но когда «мальчик» попросил остаться еще на одну ночь – я запротестовал. «Это было уже слишком, – подумал я. – Так можно стать пидарасом».

Илона, которая в ту ночь спала пьяная и ничего не заметила, готова была обвинить меня в дискриминации.

«Ну, у нас же не проходной двор», – пробовал я успокоить готовую биться в истерике девушку (ночной образ жизни и употребление алкоголя способствовали развитию истерии). «Но он же просто спит», – отстаивала свою точку зрения Илона. У меня промелькнула мысль, что она была бы не против сделать из меня бисексуала.

Но, настояв на своем тогда, я пребывал в замешательстве, когда как-то открыл дверь, и заметил Илону с необычайно красивым юношей. Я люблю красоту. Мне совсем безразлично женская это красота или мужская. Я не гей. Я поэт. Я могу себе позволить восхищаться красотой без опасения быть обвиненным в голубизне. Голубые мне безразличны. Но от этого мальчика я не мог отвести глаз. Лет ему было не больше двадцати. Чуть выше среднего роста, худощавый, или очень гладко выбрит или какая-то мужская растительность еще не росла на его лице.

Пока мальчик курил на балконе, Илона призналась, что решила взять над юношей шефство. Отвадить его от голубизны. И для этого, по ее мнению, она должна была показать ему преимущества любви между мужчиной и женщиной.

Илона предложила взять мальчика к нам в постель. Мол, пусть полежит, посмотрит.

На удивление я согласился. Мне было любопытно, что из этого произойдет.

Что предшествовало тому, после чего мы легли в постель сейчас уже толком не помню. Скорей всего как обычно выпили, закусили, посмотрели телевизор, может быть, послушали музыку, приняли душ и легли. Вернее, когда я пришел из душа, они уже лежали. Я лег слева от Илоны. Справа от нее лежал Петя (так звали мальчика). Чуть скосив глаза, я заметил, что Илона держит в руке эрегированный член Пети. Петя лежал неподвижно, на спине, выпрямив руки и ноги. Илона пыталась положить его руку себе то на грудь, то на бедра, Петя руку убирал и стеснялся.

Тогда девушка предложила мне войти в нее, и стала на четвереньки. Я пристроился сзади. Когда мой член вошел в девушку я встретился глазами с Петей. Мне показалось, что в его взгляде промелькнуло удовлетворение. Но, может быть, я ошибался.

Обхватив девушку за бедра, я стал насаживать ее на член, стараясь полностью загонять его в вагину. Голова девушки сотрясалась в такт движениям. Перед ее лицом маячил эрегированный хуй Пети. Илона о чем-то попросила Петю. Он отрицательно покачал головой. Через время она попросила еще. Я прислушался. Илона хотела, чтобы он вставил свой член ей в рот. Я встретился глазами с Петей и кивнул. Губы Илоны обхватили набухший от желания пенис мальчика. Чтобы и ему и ей было легче, я подсказал Пете слегка поддерживать свой хуй рукой. Илона в благодарность засосала чуть быстрее. Ну, а может, это я ускорил движения от увиденной картины. Высунув член из влагалища, я вставил его девушке в анус. Судя по тому, что он вошел туда сразу и без заминки, я понял что Илона давно уже возбудилась от всего происходящего. А может, она всегда мечтала, чтобы я оттрахал ее на пару с кем-нибудь. Причем тут видимо добавилось и то, что она сосала (Илона вообще любила пососать мужской член, лелея и подолгу облизывая-обсасывая его). К тому же голубой мальчик на ее глазах (и при ее непосредственном участии) становился как минимум бисексуалом. Правда, наблюдая за тем, как он тащился, когда ему сосали член, я мог и засомневаться в его такой уж голубизне. «Может, он еще не определился и делал выбор, решив попробовать и то и другое», – подумал я. Хотя, вполне может быть, эти двое просто развели меня. Пospорив, например, что она отсосет у него в присутствии своего бой-френда, то есть в присутствии меня.

Думать о том, что меня откровенно наебывают, не хотелось. Да я, вообще-то, всегда доверял людям. «Но, даже если и стал участником инсинуации, – подумал я, – да и хуй с ним!» То, что я испытывал сейчас, мне нравилось. И это было главное.

Кончили мы почти одновременно с Петей. Вернее, кто-то из нас заметил, что кончает другой (это было еще и заметно по стонам девушки; когда в нее разряжались оргазмом она включала уж очень протяжную сирену) и кончил тоже. Получилось почти одновременно.

Илона забилась в оргазмостическом припадке. Она способна была кончить, если сосала ваш член, если вы ебали ее в пизду, если ваш хуй оказывался в ее попе, да и вообще, я думаю, только при одном виде вашего члена, она способна была кончить. Очень сексуальная девушка. Только что она ощущала в себе сразу два члена. Поэтому и оргазм испытала как минимум двойной. Хотя я насчитал пять-шесть микрооргазмов, испытываемых девушкой. Она получала удовольствие. Все ей очень и очень нравилось.

Понравилось и Пете. Петя вообще готов был остаться у нас жить. Но к тому времени я встретил другую девушку. Тихую, милую, и спокойную. С Илоной у нас было что-то навроде прощальной ночи. Я устал. Мне хотелось тишины и покоя. Я подумал, что долгожданный покой мне обеспечит Лида. И наутро обо всем признался Илоне. Мне показалось, она не поняла. Она подумала, что это из-за Пети. Она ошибалась. Но что-то доказывать у меня уже не было сил. Я действительно хотел спокойной жизни. Лида работала библиотекарем, и сама профессия ее обязывала к тишине и покою. Илона фыркнула, обозвала меня каким-то нехорошим словом, и ушла. Следом за ней ушел Петя. После их ухода мне стало грустно. Но грустил я недолго. Вспомнив, что меня ждет Лида (у нее была отдельная двухкомнатная квартира, и она предложила мне жить у нее), я забросил какие-то, необходимые мне на первое время, вещи в спортивную сумку, перекинул ту через плечо, и пошел ловить такси. Судя по времени, Лида уже действительно ждала меня. А опаздывать я не любил.

7 октября 2006 год.

рассказ

Разговор с собой

Конечно, ему хотелось теплоты и ласки.

Но ведь с другой стороны, чего-то подобного, как знал Михаил, хотелось большинству мужчин и не меньшему числу женщин. А значит, было бы глупо, как он посчитал, показывать всем и вся свои истинные чувства. Разве что намеками...

--Намеками тоже нельзя,--вмешался он сам в свой ход размышлений, достаточно быстро убедив себя, что и действительно, даже намекать не стоило, потому как если что-то происходит на границе с любовью, со временем все становится более чем замечено, и потому так уж обстоит дело, что попросту можно попасть в щекотливую ситуацию.

--А то и в какую историю,--выдохнул Михаил, и посмотрел с таким видом вокруг, словно он только что открыл важный закон жизни, и ему было интересно, заметил ли это кто-нибудь.

Не заметил. Как не замечал и вообще никто Михаила Головина, который уже как неделю не выходил на работу, пил, и под действием алкоголя у него рождались такие вот пертурбации в сознании...

--Послушай,--сказал он себе, вставая.—А не желаешь ли взяться за ум?..

Спросив у себя подобное, Михаил почти тут же усомнился: действительно ли ему необходимо было это спрашивать? Другими словами, не слишком ли он начал в последнее время запутывать себя? Тем более что внутренне на самом деле вроде как стремился совсем к другому. И

если что и по настоящему хотел, то выходило что совсем не того, что намечалось как итог подобных размышлений...

Стоило ему произнести что-то подобное, как Михаилу стало стыдно. Стыдно за свою жизнь, которую он проживал как-то уж очень по обыденному. Стыдно за те утехи, которые он осуществлял с разными женщинами, знакомясь с ними через сайты интернет-знакомств, и фактически не давая ни одной из них того, о чем они надеялись, приходя к Михаилу на встречу.

--Ну, ты здесь не прав,--сказал Михаил сам себе.—Учитывая, что встречи женщинам ты назначал в вечернее время у себя дома, я думаю они знали куда шли.

--Много ты знаешь,--буркнул, было, Головин, да подумал, что как минимум в чем-то это правда. Да и знакомства были как бы изначально не просто так, а с намерением вступить в связь... И Михаил успокоился.

--Если не веришь мне, позвони по любому оставшемуся у тебя телефону и спроси...

Михаил не дослушал себя, подумав, что все это действительно так. И какие-либо муки совести как раз по этому вопросу попросту неуместны... Да и как минимум – несвоевременны,-- улыбнулся он.

У него восстановилось настроение. Он понял, что, по сути, все не так-то плохо. А если он еще какое-то время подумает над этим, сопоставив то и другое, так получится и вовсе что это есть самое то. То, что нужно.

Пребывая в некоем воодушевленном состоянии духа, Михаил Васильевич Головин решил прогуляться по улице. Был полдень, весна, и его просто выталкивало на воздух.

Однако стоило Михаилу выйти на воздух – пошел дождь. Пока считая это совпадением, Михаил вернулся, взял зонт, и вышел вновь. Как бы то ни было, так просто отступить он не собирался. Может еще и потому что знал, что стоит ему дать себе поблажку в малом, как тут же захлестнет его сознание негатив. И психика будет после этого еще долго адаптироваться к реальности, пока не переборет всю гадость, свалившуюся в душу, и все вновь не станет прекрасным и удивительным.

--Что до удивительного,--подумал Михаил,--так жизнь часто ему преподносила секреты, разгадка которых приносила то благо то боль. Чаще всего боль до тех пор, пока он не научился как бы не замечать негатив души; словно бы отбрасывая его прямым в подсознание, и улавливая то нечто прекрасное, что скрывалось почти абсолютно за всем, что происходило или могло еще произойти.

Но так было не всегда. Первоначально Михаилу потребовалось затратить достаточно времени, чтобы придти к тому, что позже он разумел за наиболее оптимальное, что могло быть.

Причем о том, что это действительно так, он поначалу тоже не догадывался. Но потом, сопоставив одно с другим, понял, что вероятно интуитивно нащупал как раз то, что ему по большому счету и необходимо.

--И если рассудить,--сказал он тогда себе,--это может быть вообще самое прекрасное, что только могло...

--Не обольщайся,--перебил его тот, который уже, признаться, порядком надоел Михаилу. Он даже может быть хотел бы от него избавиться. Вернее, если раньше гнал подобные мысли прочь, сейчас решил: а почему бы и нет? А решив, стал, было, искать варианты осуществления подобного, как внезапно усомнился как в характере предполагаемых действий, так и в необходимости их.

А еще ему стало очень-очень стыдно. Стыдно... Причем причина стыда была как будто необъяснима. Но ощущение было такое, словно он обидел ребенка.

Михаил прошел к бару, налил полный бокал коньяка, залпом осушил его, закурил и вышел на балкон.

--По всему,--подумал он,--просто замотался. Надо дать себе отдыха. Слишком много за последнее время случилось того, отчего вполне разумно, что в душе такая гадость...

Он задумался. Уже не раз Михаил замечал, что он как бы думает не совсем о том, о чем было как бы необходимо в конкретном случае. То есть можно было, конечно, думать и об этом, но все это как бы казалось не совсем важным, что ли... Хотя и попытки думать о другом – заканчивались безрезультатно.

--А что, у тебя есть варианты?—услышал Михаил, и в тайне даже обрадовался. Обрадовался тому, что на него не обиделись. Обрадовался, что все, в общем-то, идет так, как он это и предполагал. Обрадовался... Ну, в общем, обрадовался. Обрадовался, быть может даже, тому, чему сам до конца не знал.

--Я всегда буду с тобой,--сказали ему.—Даже если ты того не очень хочешь...

--Хочу,--быстро ответил Михаил, перебивая.—Очень даже хочу.

--Ну... Я может и не считаю, что это на самом деле так... Но, признаюсь, приятно.

--Еще бы,--подумал Михаил, и тут же понял, что может фактически ничего не произносить вслух, потому как...

--Да... Я все слышу и понимаю и так...

--Ну вот и я о том же,--подумал Головин.

В последующие дни он привел в полный порядок свои мысли. Теперь он в полной мере ощутил, что не один. Что рядом с ним все время присутствует некто, у кого...

--У кого даже можно попросить совета,--удивился Михаил своей мысли.--Скажи,--спросил он.—Ведь я могу...

--Можешь,--ответили ему.

--А если... Если это покажется... ну, как бы, не совсем корректным, ты...

--Пойму,--вновь опередили его.—Пойму и сделаю вид, что не обращаю внимания.

--Я тоже...

--Что?

--Ну, я говорю, что тоже не обращаю внимание, если...

--Понял,--Михаил почувствовал усмешку, но, в общем-то, он мог признать, что благодарен за то, что все разрешилось именно так.

И он стал жить своей обычной жизнью. Жизнью, которую еще должен был прожить. Прожить, несмотря на те трудности, которые будут возникать на его пути.

И он был счастлив, в принципе... Разве что иногда ему казалось, что нечто подобное происходит не с ним. Но это было уже и не важно. Какой-никакой порядок в душе был восстановлен. Согласие (с собой) получено. А большего пока и не требовалось.

11. 02. 2008 г.

рассказ

Голос

1

Я внезапно проснулся среди ночи. За окном кто-то нещадно, с какой-то маниакальной настойчивостью, и в тоже время, словно боясь казаться излишне шумным, (но, все же, достаточно нетерпеливо, чтобы можно было усомниться в его слишком добрых намерениях) – бил по стеклу. Я, в затаившемся желании не отпустить остатки сна, натянул на голову одеяло, пытаюсь спрятаться под него, – но, какой оно защитник? И вскоре уже наоборот, резко его откинул и встал с кровати.

Силы земного притяжения, вероятно, не ожидали такого резкого подъема, и потому не успели еще до конца влиться в мое тело – как входит мифический «Джин из бутылки» обратно в бутылку – и потому, то ли некогда ровная поверхность пола отказала мне, то ли ноги еще спали (а, быть может, обидевшись на что-то прошлым днем центральная система затащила «с командой»), – но я здорово покачнулся, и уже практически падая, устоял, судорожно уцепившись за висевшую рядом штору; но это было лишь на миг, – потому как пусть мои семьдесят килограммов это и не очень «много», но, вполне достаточно, чтобы не выдержала штора моего веса, и не упали мы уже вместе.

Уже лежа на полу – я прислушался. За тишину в квартире можно было не беспокоиться: жил один, и потому, вроде как, и будить некого. Да и думал я сейчас о другом: мне показалось, что прекратился шум на улице.

Уцепившись руками за подоконник, я как гимнаст, сделав стойку на руках, приподнял свое тело и устался в стекло. Так вот в чем причина! Там разгоралась настоящая буря. Ураган. А причиной всех этих ночных стуков, был дождь – капли которого, собрав в кучу, ветер нещадно бросал в стекло – да ветка огромного дерева, которая, изломившись так, что внезапно оказалась на уровне моих окон – была в последнем излете по ним.

Успокоившись – причина страха всегда: неизвестность – я лег обратно в постель, и уже собиравшись, было, уснуть – по крайней мере, честно попытался это сделать – как вспомнил, что меня ожидает завтра. Тотчас же где-то внутри, в области груди, водоворотом щемящей тоски, расходившейся по телу тревоги, моментально обострившегося чувства опасности – меня начало, чуть ли, не трясти; и уже не пытался я спать; одеяло было отброшено к изножью, а я, забравшись на кровать с ногами, обхватил колени, (уткнув в них голову), словно могло это спасти меня, или словно я сам – спасался в этом.

Еще я пытался рассредоточить свои мысли, – чтобы не думать «ни о чем». И на миг, как будто, у меня получилось. Потому как уже начал проходить этот страх – что это было, как ни страх?! – и мог я отпустить от себя затекшие ноги, и готов был уже встать – ну, заварить там чаю, или, быть может, хотя бы просто пройти по комнате; но когда я готов был я сделать это – страх вернуться обратно; и создавалось впечатление, что, оставаясь, какое-то время «вне моего сознания», – он успел «нагулять силы»; или объединиться с себе подобным; потому как теперь – только «вошел» он в меня, как уже моментально заполнил всего без остатка; так, что я боялся даже громко вздохнуть; но главное – и что печальнее всего для меня – каким-то образом проник он в мозг; да еще и захватил там полное руководство; так что, теперь, я не мог уже и надеяться ни на что; потому как вообще должен был забыть про что-либо собственное, личное, индивидуальное, – и полностью подчиниться – власти его. Власти страха.

2

Страх съедал меня всего без остатка. Судорожно пытаюсь уцепиться за что-то положительное (радостное и светлое), мысли терпели неизменный крах; и уже думал – и совсем не мог не думать – я ни о чем больше, как о ожидании неизбежно прогнозируемого несчастья (не какого-то конкретного – на деталях я тоже не мог сосредоточиться – а вполне реально существующего, но пока еще не видимого мной), так что совсем не знал я, как поступить «мне сейчас»; и как поступать

«завтра»; и не знал я, что необходимо было еще предпринять; потому как – мог я «предпринять» абсолютно все; и – не мог ничего.

Я трясся «в неведении», – больше чем от страха; и, вероятно, потому как этот страх расценивался мной, не иначе, как страх неведения – мне было намного тревожней, печальней, опасней...

Но что было у меня завтра? Чего я на самом деле страшился так? От чего «пробирает» – от ужаса меня всего без остатка?.. Слишком поздно... Если и задавать вопросы – так делать бы это чуть раньше, а теперь... Теперь, страх уже почти полностью заполнил меня; я сросся с ним; мое я (и первое, и второе) живет под воздействием навязанной им силы влияния, и кажется... Хотя, что там кажется, когда именно так все и есть – уже не возможно мне не подчиниться ему, и теперь стало для меня удивительным – как это возможно было делать раньше.

Быть может потому, и заранее неудачны все предпринимаемые попытки, да... впрочем... уже и предпринимаемые – из-за бессмысленности – вовсе.

Страх живет в нас от неизвестности, – в который уж раз повторял я для себя известное правило. Правило чего?.. Должно быть, – «избавления от страха»?.. Но сейчас испытанное средство не действовало... Что это могло означать?.. На какие выводы – и свершаемые вследствие этого решения – должны были для меня наталкивать?.. Что необходимо было предпринять, дабы навсегда – хотя и несклонен я в таком своем сегодняшнем положении замахиваться на столь нереальный срок – но хотя бы избавиться на время, да что там «на время» – для меня желательнее было, что бы меня отпустило сейчас... А дальше – разберемся.

...Но не отпускало. Наоборот становилось все хуже и хуже; и готов уже был я кричать от ужаса (ужаса чего?), но с трудом себя сдерживал; ибо никогда не любил выносить (бушевавшие во мне) эмоции, – за рамки личности (тем самым, проецируя это на других); потому как считал, что ничего не может быть хуже, чем, то, что кто-то посторонний – должен был страдать, отдуваться, да, даже просто терпеть – хоть незначительные – неудобства за нас; ибо на то – личная жизнь и называется личной, что не требует вмешательства извне; в ином случае, – нарушаемые (нашим ненужным выплеском энергии) мысли других людей, неизменно заставляют их пытаться искать пути спасения от нас; а это... это – не хорошо...

3

На утро страх прошел. Прошел сам. Неожиданно и впервые. Потому как насколько я помнил себя, – а прожитые сорок лет не оставляют сомнений – такого быстрого избавления, ранее не случалось.

Я осторожно открыл глаза, окончательно просыпаясь. Нет. Страх не проходил. Я ошибся. Но как только я поднялся с постели – внезапно и необычно ярко, встала передо мной вся картина (а где-то в ней таилась и причина ночного кошмара) запланированных на день – но как будто уже свершенных – действий.

У меня сегодня были похороны. И хоронить должны были меня...

26 марта 2004 г.

рассказ

Это жизнь

Она то отдалялась от него, то приближалась вновь. Красивая и добрая, Майя вполне могла бы стать мечтой любого мужчины. Да она в какой-то мере и была такой мечтой. Хотя, по сути, и любила только своего мужа.

Стоп. Майя на самом деле все же любила разных мужчин. Но принадлежала она только своему мужу. От которого ни за что не хотела уходить, несмотря на то, что брак, по всей видимости, уже давно изжил себя. Ну, или изжил себя лишь с недавних пор. Сути это не меняло. Потому как жила Майя с мужем совсем даже не счастливо. А то и, бывало, иногда очень даже грустила. Хотя и ничего не меняла.

.....

Когда Владимир Семенович встретил Майю, ей было уже за сорок. Красивая умная женщина. Владимиру Семеновичу было тоже за сорок. Самое начало нового, очередного, десятилетия.

Владимир Семенович занимался профессионально музыкой, был звукорежиссером. Работы было много. Но работа не приносила того морального удовлетворения, какое наступало после общения с Майей.

Майя действительно была красивая женщина. А еще умная. Ум и красота достались Майе от родителей. Родители Майи были еще живы. И даже еще работали (обоим было слегка за семьдесят). Папа Майи был академик. Мама тоже работала в академии наук. Хотя к науке большого отношения и не имела.

Сама Майя работала в школе. Учителем. Преподавала русский язык и литературу.

.....

Когда Владимир Семенович встретил Майю, он даже как-то преобразился. Так получалось,-- поймал он себя на мысли,--что у него никогда и не было такой красивой женщины. А потому к

своему ухаживанию Владимир Семенович подступил весьма ответственно. Вернее, решил подступить. Но на первом же свидании пригласил Майю к себе домой.

--И что мы будем там делать?—попыталась пошутить Майя.

--Спать,--Владимир Семенович вполне мог удивиться сам себе. Раньше он бы смутился просто от взгляда на себя женщины. А тут вдруг вырвалось такое.

А Майя... До встречи с Владимиром Семеновичем, видимо, ни один из поклонников Майи не выражал столь прямолинейно свои мысли. Поэтому Майя пошла с Владимиром Семеновичем уже хотя бы из любопытства. Ей стало интересно посмотреть, что будет дальше.

Владимир же Семенович, смутившись как от своих мыслей, так и еще в большей мере от согласия Майи, медленно шел с ней рядом, мучительно обдумывая, что он должен делать дальше.

Когда они вошли в квартиру Владимира Семеновича, на удивление самой себе (это была правда: до этого Майя вести себе так не позволяла) женщина как-то быстро оказалась в постели с мужчиной. Причем, сам процесс грозил, было, закончиться не начавшись, в виду неожиданных проблем наступивших с Владимиром Семеновичем (и секс у него до этого был нерегулярный, и сильное эмоциональное возбуждение испытывал он сейчас), но Майя (она могла бы вновь удивиться себе, но не стала) взяла процесс в свои руки. А через какое-то время Владимир Семенович уже чуть ли не чувствовал себя секс-гигантом. Мог бы почувствовать. Если бы Майя неожиданно не прервала акт любви, заплакала, быстро оделась и ушла.

Теперь Владимир Семенович готов был начать (медленно, пока медленно) сходить с ума.

Но к счастью, через какое-то время Майя вернулась. Извинилась, и легла к Владимиру Семеновичу в постель. После чего сделала ему такое, о чем он смотрел только в фильмах эротического содержания. Да и то -- там такое (самое интересное) было за кадром.

Теперь же Владимир Семенович, скашивая глаза со скособоченной головы, пытался всмотреться в профиль женщины, которая ему делала «это».

.....

На следующий день Майя, оставив своего мужа, переехала к Владимиру Семеновичу. Ему, конечно, было интересно узнать, почему она тогда ушла. Но Владимир Семенович стеснялся. Стеснялся услышать что-то такое, что омрачит его нынешнюю радость от нахождения рядом с ним такой женщины. Он ведь и на самом деле был счастлив, что она была рядом. Даже (пока в этом не признался, но готовился) хотелось Владимиру Семеновичу петь. Что он никогда не позволял себе ранее. А тут вдруг понял, что о подобном (о пении) мечтал всю жизнь. И сейчас даже предположил,

что и сам выбор его профессии уже так или иначе был связан с собственным желанием петь. И даже удивился, отчего это раньше он не решался начать. Петь. И только записывал музыку.

.....

Начавшая семейная жизнь между Владимиром Семеновичем и Майей выявила удивительную противоречивость этих людей. Оказалось, что это только в своих фантазиях они вообразили удивительную схожесть. А на самом деле, как оказалось, ничего такого и не наблюдалось. Даже можно сказать, между этими двумя людьми было явное противоречие.

Поэтому Майя вернулась к мужу. А Владимир Семенович... Владимир Семенович все же запел. Причем у него оказался на удивление сильный голос. А вскоре и начались концерты.

Да, на Владимира Семеновича обратил внимание... брат мужа Майи. Который оказался музыкальным продюсером.

И напрасно говорили, что это специально муж Майи упросил брата вложить средства во Владимира Семеновича, чтобы тот стал петь и отстал от Майи. Это было не так. Да и Майя ушла от Владимира Семеновича сама. И не потому что так-то уж любила мужа. Хотя быть может и любила. Раз ушла. Ну и еще ей только показалось, что Владимир Семенович мужчина ее мечты. А на самом деле...

Хотя, кто по настоящему знает, что происходит на самом деле. Это только сегодня мы можем знать (или догадываться) как должно было бы быть в прошлом. А завтра... завтра уже вполне может быть и все по-другому.

Потому что ничего нельзя предугадать. Это жизнь.

04. 07. 2007 г.

рассказ

Удивление Степана

Он удивлялся самому себе.

Удивлялся, как многие считали, намеренно. В то время как мало кто знал, что был этот человек всегда искренен.

Степану было около тридцати. Чуть повыше среднего роста, он из-за чрезмерной худобы казался высоким.

Одевался Степан всегда немного вычурно, явно что-то подчеркивая, но вот что – мало кто понимал. Черты лица Степан имел почти обычные. И быть может как раз в манере одеваться -- и скрывалось нечто, что могло позволить ему выйти за рамки этой обычности.

Притом что на самом деле это был весьма забавный человек. И забавность его часто проявлялась в исключительном желании подчеркнуть собственное отличие от других. Хотя он и мало чем, на самом деле, отличался, если рассматривать его портрет в спектре психики. Тогда как именно в психике у Степана иной раз замечался такой разброд, что он бросал всех, все и вся – и... исчезал.

Появлялся Степан всегда как бы в неподходящий момент. То есть нельзя сказать, чтобы его не ждали, но видеть особенно никому не хотелось.

Жил он один, его никогда не видели в компании с какой-нибудь девушкой или женщиной, да и вообще – Степан вполне мог бы произвести впечатление гея, если бы не ряд резко отрицательных его высказываний в адрес представителей секс-меньшинств.

И если попытаться развить тему дальше, то вы, лишь немного понаблюдав за этим человеком, начинали замечать, что он вообще к теме секса относится весьма оригинальным образом. То есть, в зависимости от собственного настроения, он мог эту тему или резко высмеять, или наоборот – проникнуться к ней таким уважением, что вам могло показаться, что перед вами, по меньшей мере, сексуально озабоченный тип.

Но это было не так. Это была лишь одна из черт характера Степана. И на самом деле мало кто знал, что тема секса была ему действительно безразлична. И все что он хотел от женщин...

Впрочем, он ничего от них не хотел. Ни от женщин, ни от мужчин.

Он вообще старался меньше вступать в контакт с кем-либо. Предпочитая находиться большую часть времени наедине с собой. И даже профессию выбрал похожую своему настроению – Степан был музыкант.

Сочинял он музыку дома, общаясь с внешним миром посредством интернета.

При этом, если бы кто-то захотел сказать что-то плохое о Степане, то наверняка бы не смог. Уж слишком хороший (добрый и правильный) это был человек. И оставалось только предполагать, что с возрастом эти качества в Степане будут еще более развиваться. Так что в итоге окажется, что перед нами вообще ангел. Хотя, говорить так, было бы не совсем правильно, потому что сам Степан уже сейчас начинал удивляться тому, что его воспринимают совсем не так, какой он есть на самом деле. И это было еще более странным оттого, что он не вел себя наигранно, и вообще не давал повода к тому, чтобы люди ошибочно подменили его истинный облик другим. Это еще больше становилось загадочно, потому как, случалось, Степан вел себя и вовсе некогерентно (слово Степану понравилось, и он попросил его вставить в текст) в отношении других. Тогда как можно было предположить, что такое поведение было сродни некоему эксперименту. И если допустить что все действительно так, то после становилось понятно, почему он всегда возвращался в прошлое

в своей проекции видения мира. Возвращался к себе такому, каким он был на самом деле. А люди... Да ведь может так получиться, что люди и не очень внимательно наблюдали за ним. Ведь то, что думает о себе каждый человек – еще не есть то, что есть на самом деле.

При этом Степан иной раз относился к себе очень даже скептически.

После чего корил себя, всякий раз убеждая больше подобного не делать, и вообще – стараться любить себя всегда. Он и любил. И даже очень хотел научиться любить кого-то еще. Да стеснялся.

И очень удивлялся уже от этого. То есть можно сказать, что Степан Шмеерсон намеренно делал поступки, после которых удивлялся, как он мог их совершить. При этом, совсем как будто не раскаиваясь, он совершал такие поступки вновь. Отчего уже в зависимости от обстоятельств, или удивлялся еще больше, или же совсем не удивлялся, считая подобное что-то на вроде порядка вещей.

И при этом Степан как никогда в последнее время стремился найти смысл жизни. Он искал этот смысл и раньше; и даже считал (про себя), что такой смысл неким таинственным образом всякий раз от него удаляется. Удаляется от его понимания. Но Степан совсем не собирался из-за этого менять собственный взгляд на мир. Быть может потому, что этот мир и так был странен, в представлении Степана? А может потому, что Степан лишний раз решил не задумываться над тем, что все равно не имело последовательного разрешения. И если допустить, что в какие-то разы все могло ему казаться совсем не так, как это было на самом деле, то следовало предположить, что подход Степана к жизни был в его представлении вполне оправданным. Причем до конца невозможно было сказать, как было на самом деле. Разве что допустить существование мифа о некой (или полной) фееричности бытия. Бытия как того, что окружало Степана на протяжении жизни.

И считая так, этот, в общем-то, неплохой человек, почти кардинально ошибался,--по словам ряда его друзей, которые, конечно же, никакими друзьями Степана не были. Потому как он и раньше замечал за ними слишком спорные (на его взгляд) высказывания в свой адрес. А после того, как взял да сопоставил все и вся – понял, что это скорее враги, чем друзья. И осознав что это так, разом разорвал отношения со всеми.

И при этом Степан переживал (и даже немного расстраивался) что так произошло. Пока не понял, что может именно в этом и есть, большей частью, подарок судьбы. Потому как судьба сама помогала ему расчищать дорогу. Дорогу на пути чего-то нового, и наверняка лучшего,-- как полагал Степан Шмеерсон.

--Да и разве может быть еще хуже?— вопрошал, бывало, он себя, после чего ему становилось немного стыдно уже за подобное отношение к жизни. Ибо он знал, что по настоящему плохо ему не было никогда. Так, случались какие-то наметки чего-то такого, что должно было случиться что-то

не то, но ведь до конца оно действительно никогда не случилось. И даже если предположить самое худшее,--как размышлял иногда Степан,--то даже и тогда этого худшего еще не было.

-- Не было, и быть не могло,--повторил Степан, и зашагал дальше по жизни.

Шагал он долго и с высоко поднятой головой. И в конце концов мог бы таким образом куда-то дойти. И что уж точно – верил в это. Причем, в иной раз Степан верил так, как никто другой. Верил – и подобная вера всегда благотворно сказывалась на нем. Придавая силы, которые нужны любому человеку. А Степану особенно. Потому как считал он себя не совсем обычным человеком.

Удивлялся, конечно, этой необычности. И даже большей частью удивлялся тому, что так считал. Но с другой стороны,--рассуждал Степан,--ведь и не могло быть иначе.

--Иначе быть не должно,--говорил себе Степан, и продолжал идти по жизненной дороге. Твердо веря, что дорога когда-нибудь выведет его на тот путь, который приведет к счастью.

Удивлялся, конечно, что считал так. Но не мог с собой ничего поделаться. И шел дальше.

А удивление... Так за годы жизни Степан к такому удивлению привык. И даже немного удивлялся подобному привыканию...

13 апреля 2008 года.

рассказ

Неприкасаемая

Роза любила преподнести себя!

Это у нее было в крови. Еще от бабки-актрисы. И теперь Роза, в свои сорок два, наконец-то могла себе позволить делать все что угодно. С мужчинами. Которых она любила искренне и страстно. И разрешала делать с собой все, что им захочется.

Хотя больше всего, конечно, хотелось ей. И она, заполучив в свои сети какого-нибудь несмышлениша (такowymi она называла маменьких сынков, под которые подпадала, в ее представлении, определенная категории мужчин независимо от возраста), искренне наслаждалась, отдаваясь моменту.

Таких мужчин Роза действительно любила. Любила больше всего. Она как-то быстро (и достаточно умело) приближала их к себе. Влюбляла. И только когда замечала, что мужчина принадлежит ей полностью (ждать, впрочем, долго не приходилось) – крутила и вертела им, как ей того хотелось.

А он канючил, умоляя только об одном. Вернее, у такого объекта ее любовной связи обычно было два желания: не бросать его, и – «дать» ему.

Все. Ничего больше им было не нужно.

Нет, конечно, все было очень даже удивительно. И повстречай таких мужчин кто другой, -- и мысли не возникло бы, что они способны на подобное. А даже вроде как и наоборот, -- то, что касалось сексуальных отношений – для таких мужчин было равносильно табу. И под строжайшим запретом (пресекается тем, что избегается) любое упоминание не то что о сексе, а и о том, что есть еще какой другой пол, кроме мужского. А если рядом с такими мужчинами и находились женщины, то это бывали, в основном, только коллеги. Да и то, большей частью, мужикоподобные. Ну, или – откровенные лесбиянки.

Тогда как что-то иное -- рядом с такими мужчинами, как будто, и возникнуть не могло. Не должно было. Испугало бы их, как минимум. И при этом, конечно, стоит отметить на их бессознательное желание увидеть рядом с собой шикарную, раскрепощенную, и страстную женщину. Блядь, в общем.

Но уже от одного такого желания бросало мужчин (мужчин, подпадавших под типаж, любимый Розой) в дрожь. А их тело в одночасье деревенело. И, наверное, окажись с ними, действительно женщина их неосознаваемых фантазий – и вообще кого-нибудь из них хватил Кондратий. Ибо находятся обычно подобные мужчины на определенной параллели восприятия ими действительности. И саму действительность, конечно же, видят в совсем уж искаженном варианте. И что уж почти наверняка – создают эту самую реальность уже как бы под себя. Словно бы отбрасывая (исключая из осознания своим «Я») ненужный им факт жизни. И подменяя жизненный эпизод – какой-либо иной картинкой. Такой, какая удобна будет им. И стараясь не замечать, что в реальности все выглядит, как минимум, значительно иначе.

Но они ведь и не видят эту самую реальность. Не наблюдают ее. И что еще вернее, – попросту не замечают.

Но вот Розу они замечали.

Роза вообще считала себя специалистом именно по таким мужчинам. Тихим, забитым, старавшимся выглядеть незаметными. И как бы уже заранее избегавшим каких-нибудь жизненных ситуаций и конфликтов. Словно бы и надеясь, что те и в этот раз пройдут стороной. Минуют -- их.

Но как бы не так. И ничего не выходило у них только потому, что Роза-то этого не хотела. И как-то незаметно подчиняя такого мужчину (безошибочно «выделяя» его из сотен других), -- «давала» ему – вдруг как-то сразу и в неограниченных количествах – именно то, чего он избегал. И чего ему, на самом деле, как раз больше всего и хотелось.

А потому привязывался такой мужчина к Розе самым, как будто бы, и ненавязчивым образом. Попадая в зависимость. И уже ничего не мог с собой поделать. И вынужденный как раз из-за этой зависимости (как же, случалось, иной раз он проклинал себя за подобную слабость) уже не принадлежать самому себе.

А Роза – стоило ей только убедиться, что все это действительно так -- еще какое-то время забавлялась с таким мужчиной, постепенно превращая его в тряпку,-- после чего безжалостно отшвыривала. Как нечто использованное, и уже совсем ненужное.

Для Розы был важен сам процесс. И процесс подчинения, и процесс – охоты.

А как только все удавалось – становилось неинтересно.

Ее мозг требовал чего-то нового. А тело послушно отзывалось на ласку новых мужчин. Которые сначала сходили с ума от осознания обладания такой женщиной. А потом начинали мучиться от того, что уже ничего не могут с собой поделать.

А когда выгнать их не получалось (не получалось сразу) -- Роза начинала изменять им в их присутствии. А те лишь жалобно скулили и терпеливо дожидались очереди, когда им будет позволено удовлетворить свою страсть. Накопившуюся и от ожидания, и от увиденного действия. (А Роза умела выбирать нужный ракурс, что бы тот, кто наблюдал за ней – видел, куда и как входит тот, другой, кто «любил» ее. А тот кто «любил», чтобы, в свою очередь, тоже дополнительно возбуждался от того, что на него смотрит кто-то еще, когда он делает «это».)

И ни у кого не было сомнений, что сама Роза испытывала от всего этого высочайшее наслаждение. А если бы партнеров было в несколько раз больше,-- все равно бы сумела всех удовлетворить. Потому что в любви она была ненасытна. И никогда не останавливалась ни перед какими трудностями. А тем более, если эти «трудности» представляли перед ней в образах мужчин.

Ведь тогда это уже были и никакие не трудности. Потому что мужчин она любила. Но не всех, а тех, кого знала, что может подчинить.

А вот других -- избегала. Опасаясь даже, чтобы они касались ее. Хоть рукой, хоть членом. Подчинять и властвовать должна была только она. Ни больше, ни меньше.

15 апреля 2006 год.

рассказ

Деньги для счастья

Могло бы показаться удивительным, но Роман Ибрагимов никогда до конца не верил никому.

При этом очень хотел. И даже, быть может, по-своему к этому стремился.

Внешне была всегда заметна доброжелательность Романа к людям. Быть может даже он людей любил. По крайней мере, к своим годам он научился не зависеть от них. Папа Романа был крупный предприниматель. Деньгами Роман был обеспечен. И вполне мог строить дальнейшую жизнь с наличием в ней определенной суммы денег, необходимых для счастья.

Какой-то определенной суммы, конечно же, не было.

А еще вернее - эта сумма всякий раз различалась. Сдвигаясь то в одну сторону, то в другую.

Причем папа периодически просил сына определиться, сколько ему необходимо денег для счастья. А сын не знал. И даже не от того, что он так привык к папиным деньгам, что не замечал их количества. Скорее нет. Просто мальчик (Роману было двадцать два) периодически находил себе новые занятия. Занятия требовали денег. А нужного количества денег нельзя было предположить даже примерно, потому что через время Роман забрасывал старое занятие (занятие становившееся старым), находя новое. Замкнутый круг.

Как-то папа Романа уехал в длительную командировку. Откуда уже не вернулся. Написав письмо, чтобы в ближайшие несколько лет его не ждали. Роман предположил, что папу посадили работники правоохранительных органов. И хотел, было, его найти и выкупить (мальчик с детства уяснил истину, что все можно купить), да папа прислал второе письмо, где просил этого не делать.

Жена папы (мачеха Романа) тоже повела себя несколько странно. Вместо того, чтобы ждать папу, горевать, и быть может все же искать пути его спасения - вышла замуж. Причем новым мужем ее стал двоюродный брат. И Роман, рассудив, что мир стал сходить с ума - уехал в Сан-Ремо, покупаться в Лигурийском море, позагорать, отдохнуть, и прочее. Тем более папиных денег, которые остались после суда и конфискации имущества,-- все равно оставалось более чем достаточным (мальчик оказался прав. Папу посадили).

Из-за границы Роман решил не возвращаться. Тем более денег хватило бы на долгую и счастливую жизнь в любой стране мира. Причем, хватило бы даже на несколько поколений, если предположить что Роман бы женился, и семья со временем разрослась бы до невероятных размеров (включая внуков и правнуков с их семьями).

Но вот в чем дело. Роман вдруг стал испытывать некоторую тревогу. Даже, можно сказать, страх.

Причем, первоначально страх произошел по совсем смехотворному поводу. Роман вдруг подумал, что деньги могут у него украсть. И не абы кто - а сами работники банков (Роман знал

некоторые номера счета папиных вкладов в ряде зарубежных банков, откуда периодически снимал деньги).

Но вскоре эта проблема сменилась другой. Роману стало казаться, что именно те банки, в которых хранятся его средства - непременно рухнут. Причем, почему это может произойти - он, наверное, не смог бы сказать никому. Просто появилось такое предположение. А после появления - стало преследовать его своей навязчивостью.

И Роман, быть может, и вовсе бы потерял покой и сон (а еще аппетит. Мальчик был крупный, и всегда любил хорошо покушать), да тут случилась новая напасть. Которую с долей условности можно было бы отнести и к счастью. Роман встретил свою первую любовь.

Да. Это у кого-то в двадцать два любовь уже энная по счету. А у Романа -- первая.

И влюбившись первый раз в жизни, молодой человек достаточно быстро потерял голову. Став грезить о любимой наяву. И фактически забрасывать невесту (а он искренне верил, что она его невеста; он так всем и сказал, когда представлял Виолетту - это моя невеста) огромными суммами денег. Потакая ее слабостям и желаниям.

Вскоре девушка призналась, что тоже его любит. И сдерживавшийся доселе Роман - тут же доверил ей семейную тайну. Что папа его очень богат. Что теперь папа сидит в тюрьме. И что Роман имеет счета в международных банках. А значит они с Виолой будут обеспечены. (Ну, вернее, Роман-то и так был обеспечен; а теперь еще станет обеспеченной и Виола).

Тогда-то девушка и показала в первый раз свое негодование (показное, конечно же; но расцененное юношей как натуральное). А Роман тут же принялся ее успокаивать, и просить прощение. За что? Он тогда и не думал об этом. Ему казалось, что Виолетта готова исполнить угрозу уйти. А потому всеми имеющимися в его распоряжении способами стремился девушку удержать. Обычно таким способом у Романа были деньги. Сейчас к ним еще добавился и секс. Однако девушка, негодуя, отвергла сексуальные ухаживания Романа. Заявив, что она готова его простить - но в наказание устанавливает плату: месяц без секса (что для молодого человека, впервые открывшего тайнство любви, было сродни катастрофе). Радостный что Виола готова его простить, Роман был готов принять любые условия. И тут же закивал головой, сказав что он на все согласен. На все - но только чтобы она осталась.

Все. С этих пор он был на крючке.

Но Виола умело пользовалась любовью. Стараясь излишне не форсировать события, и держа новоиспеченного жениха в кулаке (сама Виола была маленькая и худенькая; да и внутренне была слаба. Но как любая земная тварь, осознав наличие более слабого начинает доминировать и издеваться над ним, так и эта девушка, получив в свою собственность Романа, стала выдергивать из собственной души всякую мерзопакость).

Постепенно, с каждым прожитым днем, неделей, месяцем Роман попадал во все большую зависимость к этой женщине (в свои двадцать три Виолетта была вполне сформировавшейся женщиной. Деньги Романа досформировали ее).

И казалось, не было пути назад. Потому что случилось так, что со временем молодой человек все-таки осознал всю пагубность подобной "любви". Хотя и уже было поздно. Он не только женился на девушке, но и теперь, по закону, ей могла отойти половина его имущества. То есть квартиры, записанные на Романа в Москве и Санкт-Петербурге. Ряд крупнейших предприятий, где у Романа был блокирующий пакет акций (папа Романа, начиная с его восемнадцатилетия, дарил сыну акции предприятий на день рождения, а потом и на другие праздники). Ну и еще много чего. Папа ведь не знал, что сядет в тюрьму. Да и Роман не знал, что встретит такую алчную особу. Впрочем, наконец-то осознав свое богатство и могущество, Виола несколько усмирила свои властные амбиции. Правда "давала" она молодому человеку теперь только во время крайне положительного настроения. И даже не потому, что забавлялась на стороне. Просто девушке всегда был безразличен секс. Он был для нее лишь поводом манипулирования мужчинами. Ведь еще до Романа у некогда так обожаемой им Виолетты уже было два гражданских мужа. С которыми она разошлась по причине их финансовой несостоятельности (высосав все что можно). У Романа же денег было действительно много. И они закончиться просто не могли. Сколько их не бери. Ведь невозможно же взять столько, сколько уже будет ненужно. Да и заметно станет слишком. Ведь нет-нет, да мама Романа выказывала свое недовольство невестке. А та искусственно плакалась Роману, прося защитить ее от несправедного гнева его матери. Роман защищал. Его мама до поры до времени терпела. А потом написала папе.

Папа и так уже знал, что его сын попал в беду. Но до поры до времени решил не вмешиваться, наблюдая за развитием ситуации со стороны. К тому же у папы близился срок досрочного освобождения. И во всем разобраться он решил уже на воле (оставшиеся на свободе люди папы предлагали ему по своему закрыть вопрос с зарвавшейся невесткой. Да папа пока отказывался, не давая команды к бою).

А потом папа вышел из лагеря общего режима, и вернулся к бизнесу. А сыну поставил условия - или он бросает свою стерву, или должен показать ей документы, где ранее выданные Роману акции не имели никакой стоимости (папа попросту сделал эмиссию, обесценив имеющиеся у Романа и Виолетты средства), а квартиры и всю записанную ранее на Рому недвижимость папа отписал обратно задним числом. Таким образом, Роман разом потерял все свои деньги (папа всегда знал, что все может ему вернуть. Когда сын разведется с мегерой).

Роман задумался. С одной стороны, издевательства и унижения со стороны Виолетты его давно уже вымотали. Но с другой, только Роман знал как Виола на самом деле беззащитна. Она

ведь не раз, в момент надвигавшейся катастрофы или после (катастрофа - скандал с родственниками, пытавшимися спасти сына) плакалась Роману. А он ее утешал. А она успокаивалась. А после всегда делала ему такой королевский минет, за который Роман готов был простить супруге все что угодно. До очередного, правда, ее завихрения. Когда она вновь начинала издеваться над молодым человеком. А он терпел и страдал. Душевно и физически. Давно уже исхудав (за время брака Роман потерял более тридцати килограмм веса) и, осознав, что нервы его расшатаны вконец.

Пока Роман делал выбор, его папа, через управляющего, по секрету «доверившему» девушке "семейную тайну", поставил Виолетту в известность, что у Романа нет никаких сбережений. И фактически со следующего месяца (сейчас были последние дни месяца уходящего) им надо обоим искать средства пропитания.

Девушка готова была впасть в истерику. Этим же вечером она закатила Роману скандал, попросив показать ей все имеющиеся у него документы, подтверждавшие его статус миллионера.

Роман растерялся, и признался, что он нищ. Она ударила его по щеке и расплакалась.

Когда она плакала, то становилась беззащитной. С ней тот час же исчезала вся спесь и властность. И Роман никогда не мог удержаться в такие моменты, что не начать утешать девушку. Утешения обычно заканчивались сексом. Причем в отличие от секса при других ситуациях, в такие разы доминировал всегда Роман. И насиловал девушку в разных формах и с разными долями изобретательности входя в нее под разными углами и в разные места.

Сейчас уже почти готово было начаться то же самое, да только в последнюю минуту, уже было разомлевшая от ласк, Виолетта оттолкнула голову Романа,двигающуюся между ее разведенных в разные стороны ног и вскочила. Обозвав Романа козлом и пидарасом и собравшись, было, гордо уйти,-- да в этот раз не сдержался уже сам Роман (всегда терпевший до этого ее выходки). Он хлестко ударил фурию по щеке, а когда та отлетела в угол комнаты, подошел к ней, перевернул на живот, и стал насиловать. Сейчас, в этом насилии, Роман вымещал все, что накопилось у него за время его брака с этой стервой. Теперь они были квиты. Закончив, он встал, и, переступив через тело содрогавшейся в плаче бессилия женщины, подошел к бару, налил полный бокал виски, осушил его разом, достал сигарету, закурил, и, усевшись в кресло, стал набирать по мобильному телефону номер папы.

Роман уже знал, что будет делать. Перед ним начиналась новая жизнь. И в этой жизни ему никто из женщин пока будет не нужен. По крайней мере, в той роли, в которой была доселе его жена. Бывшая жена. В кармане пиджака Романа уже лежал его новый паспорт. В котором поскуливавшая неподалеку женщина просто не значилась. Роман снова был холост. А по документам - и не был никогда женат.

--Новая жизнь,--радостно подумал он, затянувшись сигаретой.--И теперь он ее проживет без ошибок. По крайней мере, былых ошибок не допустит.

22.07.2007 г.

рассказ

Сделка

Что касается теперешних воспоминаний (а по определению – воспоминания, – это все то, что остается в прошлом), передо мной всплывают два огромных пласта, по времени затрагивающие промежутки между совсем детством (7-8-9 и 13-15 годами), и уже в некоторой степени достаточно взрослой жизни (18-20 и 26-27 лет), (подспудно догадываясь, что между ними, – как и до сих пор, – «жизнь» была, но она не оставила – быть может пока – в моей жизни того характерного отпечатка, который характеризуется внезапной тревогой, щемящей тоской, иной раз так некстати появившейся слезой, а то и вовсе – чувством чего-то навек утраченного, которое – уже никогда не возвратится).

Если брать то время, то можно было сказать что и жил-то я только тогда. Потому как – что моя нынешняя жизнь? Не иначе как очередной водевиль жизни, который быть может и принесет какое наслаждение, но случится это не иначе как через какое-нибудь N-ное количество (свершившихся) лет, и уже видимо только тогда – пройденные дни не будут казаться столь безрадостными (и безвозвратно потерянными), и хоть как-то разомкнется грань между прошлым... и настоящим...

По своему статусу наша семья занимала одну из верхних границ достатка, доступности каких-то ресурсов, а значит и положения. Того положения, что вполне позволяет не обращать внимания на большинство «трудностей» жизни; не замечая их, и живя в каком-то ином мире.

Все мои братья и сестры получили идеальное образование, и быть может удивительно, что только для меня – одного института оказалось мало, и к моменту написания этих строк я уже успел закончить три.

Да, мы не успели познакомиться. Но вы не много упустили. Мое имя вам абсолютно ничего не скажет, хотя, если изволите – пожалуйста: Август Карлович Розенталь. Если зашел разговор об имени, то по традиции за ним неминуемо следует возраст. Ну что ж. Мне 27 лет. Чтоб было можно меня хоть как-то представить – слегка набросаю мою внешность: высокий, худощавый, волосы черные, длинные (что-то около плеч), лицо скорее женственное, чем мужественное. Каких-либо отличительных черт, быть может, за исключением усов – не имею). Любопытно, что сейчас впервые поймал себя на мысли о том, что мой внешний образ мало соответствует имени. Наверное, в соответствии с последним, – я больше должен походить на какого-нибудь старого да сгорбленного из сынов Моисея. Но тогда уже спешу вас уверить, что в нашем роду схожих

субъектов – которых, быть может, рисует чье-то воображение – никогда не было. А все были под стать мне. Или, – если хотя бы казаться справедливой, – я им).

Что касается моей профессии, то она необычайно мирная (и, как говорится, на все времена). Я – литератор. Причем тот мир, в который я постоянно погружаюсь (мир моих героев) – на каком-то этапе уже вытеснил все вокруг. И сейчас мне иной раз трудно понять, – где я нахожусь больше. (Удивительно, что совершаемыми действиями я, быть может, еще больше способствую размыванию этой грани. Например, работая над книгой, где действие романа проходило в психиатрической лечебнице – я сам поместил себя туда. И как-то не заметил – действие одного романа плавно переходило в другое – что пробыл там несколько лет. Решив написать цикл деревенских рассказов – тема, по большому счету, – испившая себя, ну, по крайней мере, достаточно исписанная – оказался в глухой деревеньке, где должно быть мой ноутбук, да спутниковый телефон – казались для местных жителей очередным чудом света.

Ну, да ладно. Все было бы не так плохо, – если бы в желании вам о чем-то поведать – мы не удалялись в сторону. Но ведь, на самом деле, – все, что в итоге со мной произошло – это некий конгломерат удивительных (и ничем не объяснимых) событий, начало которым, положила моя встреча с неким... назовем его – господином N.

Что касается его, то я всегда представлял его так: небольшого роста, с толстой костью, массивной головой, гривой седых волос (вполне напоминающих при определенном ракурсе голову льва). Из одежды господин N. предпочитал костюм-тройку, носил трость (с красивым, и достаточно крупным набалдашником), очки в золотой (хотя, вероятно, всего лишь в позолоченной) оправе, да аккуратную бородку, именующуюся как профессорская, хотя таким он когда-то и был, хотя теперь занимался – и об этом я знал наверняка (от него же) – бизнесом; но каким – так и осталось для меня загадкой.

Да, г-на N. всегда сопровождал один человек, внешне выглядевший всего на несколько лет старше меня, и который заметно добавлял (наверное, своим присутствием) солидности, примерно 60-летнему, г-ну N. (Причем, вероятно, этот человек и не был телохранителем. Или, – если быть точнее, – был не только им. Сам г-н N. – всего раз, – да и то, как-то вскользь, представив того, упомянул слово: «поверенный». Так что, по крайней мере, можно было сделать вывод о весьма широких полномочиях того человека, ибо помимо всего прочего – он еще водил большой красивый джип – «Тайота-Ландкрузер». Внедорожник г-на N., разумеется.

Однако, вся эта история была бы столь интересна – если бы не оказалась такая печальная. И тогда уже произошло все как-то удивительно неожиданно, так что лишь в последний миг я заметил как настоящее – быстро и незаметно стирает границы прошлого, подчищая память, и оставляя вместо себя какой-то не до конца осязаемый туман как бы и нелепости происходящего. И тогда

всего лишь в один миг, – я ощутил, что у меня не стало своего «Я» (хотя оно должно быть еще было, – но мне уже стало его не найти...).

А дело все в том, что после нашего – довольно-таки случайного (хотя случайное, вероятно, оно было для меня) знакомства (когда господин N. пришел ко мне – с моими недавно выпущенными двумя романами и сборником рассказов – прося автографы; я еще несколько раз удивительнейшим, – по своей неожиданности, – образом с ним встречался), – я с тех пор самым непонятным для меня образом – даже когда знал, что наверняка г-на N. нет рядом – все равно ощущал его незримое присутствие...

Сейчас, – когда прошлое было подвергнуто мной достаточно тщательному анализу, – я понял, что было это вовсе не случайно (а ведь только мысль о случайности возникало у меня тогда, когда я наталкивался на г-на N. то на художественной выставке, то в музее, то на книжной ярмарке...). По всей видимости, г-н N. присматривался ко мне. Не знаю, что вынес он с подобного «наблюдения» (ну или – что позволило ему решить, что наблюдение закончено, – а, именно, подобный вывод, по всей видимости, и подвигнул его на дальнейшие действия), но только в один из дней ко мне явился тот самый «поверенный» (если тому, на кого он работал, так угодно, – почему бы и нам его не называть именно так), с предложением (буквы были выведены весьма каллиграфическим почерком на чуть ли не надушенной бумаге) встретиться. Место встречи – круизный (на пару дней) теплоход «Виктория». В случае моего согласия – прилагались билеты.

Очутившись в каюте теплохода, – (почти не сомневаясь – а, быть может, ожидая чего-то подобного я согласился), я впервые поймал себя на мысли: к чему то что я делаю? Но, должно быть, любопытство взяло вверх – и уже через час, за ужином в ресторане, г-н N. озвучил то предложение, я котором я до сих пор вспоминаю (хотя прошло почти десятилетие после описываемых событий), и о котором, должно быть, помнить буду всегда (если память не сотрет эту информацию, посчитав ее излишней, из своего архива).

«Я хочу Вам предложить потрясающую сделку», – наконец-то – после, должно быть, обязательных в таких случаях (должен же он был меня подготовить) комплиментах (большой частью касавшихся моего литературного таланта, хотя, как бы вскользь, была не обойдена вниманием и моя внешность), г-н N. приступил к главному.

В течении этого получаса, я удивленно слушал господина N., и, быть может, даже несколько раз мысленно щипал себя – не сон ли все это?! И действительно – услышанное мной «предложение» от господина N. – казалось столь неординарным (и давно уже выходящим за рамку всего, что я, быть может, предполагал услышать), что я вынужден был задать себе вопрос: не есть ли все это очередной вымысел чьего-нибудь воспаленного воображения (хоть моего, хоть г-на N.)? А если нет, – то не плод ли это уже моих галлюцинаций? Ну, или, каких-нибудь наших совместных

(с г-ном N.) фантазий? (ведь на каком-то этапе общения – проецируемое из сознания желание, – например, – желание равного ощущения действительности, впрочем, как и желание выдавания какого-то еще не свершившегося факта за реальный и действительный, – сливается у двух различных людей в некое одно целое)

Однако, как заверил меня господин N. (догадавшийся о моих сомнениях) – это не так. Ну а раз не так, то попробую – конечно, весьма схематично – поведать о предложении, услышанном мной.

Суть такова. Господин N. (намекая на принадлежность к неким тайным силам, по его словам, решающим все и вся на этой земле, но которые, к сожалению, совсем ненадолго появляются в состоянии «видимости» (?!)), – предложил весьма необычную сделку. «Вы можете стать известным, весьма известным. Вашим талантом будут восторгаться все. Он пройдет вместе с Вами через годы и десятилетия. Даже после Вашей смерти, потомки будут ощущать незримое присутствие Вас с ними, потому как будут пользоваться – у истинных поклонников литературы – спросом оставшиеся после Вас книги.

– А что в обмен?

– Вы сойдете с ума...

– ?!

– Нет, нет, быть может, вы меня не совсем правильно поняли..., – видя мою реакцию, спохватился г-н N. – Все дело в том, что для вас мир останется почти в том же самом восприятии, как и сейчас. Ну, быть может, слегка изменятся границы... мироздания... Да и вас будут воспринимать несколько иначе. Хотя, быть может кто-то, – позволил себе задуматься г-н N., – и, – по-прежнему...

Но вот только все будет на самом деле «иначе». Хотя и спешу вас заверить, – что для вас это новое состояние – будет даже, более приемлемее... да, да, ... не качайте головой... оно вам станет ближе... но только подумайте, что взамен – мировая – и прижизненная слава!.. И все это только за то, что для кого-то, когда-то вы покажетесь... немного странным...

– А какая выгода от этого Вам? – решил я на не совсем корректный вопрос, который давно уже порывался задать.

– Никакого моего прямого «интереса» здесь нет, – удивил меня г-н N. – Просто в сегодняшнем времени, – я являюсь продолжателем традиций начатых еще задолго до меня. Это – если всем угодно – в некотором роде моя и работа, и почетная обязанность. По крайней мере, она досталась мне, почти что, по наследству; и, быть может, – точно так же перейдет к моим детям, внукам и правнукам (пусть и не по прямому наследству, но ведь не всегда наши дети несут в себе наш талант, – подмигнул он мне).

– И в чем заключается, эта ваша... работа? – немного смущенный услышанным, спросил я.

– Мы находим людей, обладающих неким литературным... дарованием, – немного тщательней обычного подбирая слова, заметил г-н N. – И делаем из них гениев.

– А в обмен..., – начал догадываться я.

– Да. А в обмен вступает в действие всего лишь одно – но обязательное – условие – эти люди начинают жить в несколько ином – чем был у них доселе – мире. Мире, быть может, – (чего уж теперь скрывать), – и непонятном основной массе окружающих... Но, ведь, и не должно быть никак иначе. Гении всегда должны отличаться от всех остальных, – немного с наигранным пафосом закончил г-н N.

– И у вас большой пример из прошлого, – догадался я.

– Да, – спокойно кивнул головой г-н N., – так что: если хотите войти в число всемирно признанных литераторов – милости прошу, – с какой-то появившейся усталостью, улыбнулся он. – Могу еще сказать, что такой шанс нами предоставляется лишь раз. Более того, – если уж у нас наступила такая откровенность, – скажу вам, что бывали случаи – весьма все же единичные – когда ваш «брат» (намекая, видимо, на коллег-литераторов) не соглашался, – г-н N. весьма характерным взглядом посмотрел на меня. – Но, в конце концов, они все равно оказывались в проигрыше. Конечно, справедливости ради стоит заметить, что кое-кто этой самой славы достигал и без нашего участия. Но случаи эти были весьма редки. Да и сама слава – через время – куда-то уходила. А быть может и сами люди – неожиданно быстро заканчивали свое земное существование.

– А все, что не на земле, – в очередной раз догадался я.

– Да. Это уже не наша епархия, – все так же спокойно ответил господин N.

Не стану описывать всего, что произошло со мной в дальнейшем. Скажу лишь, – что я не принял предложение г-на N. Хотя, быть может, теперь об этом и сожалею. Ибо как-то вдруг – стали происходить со мной какие-то нелепые (и, конечно же, неожиданные) «последствия», вполне почему-то схожие с теми, о которых предостерегал господина N. Но ведь по нему, – они должны были начаться в случае, если бы я – принял предложение его?!

И тогда уже, это навсегда для меня останется загадкой. Ведь, славы... «Славы» не было. Как не было и намек на нее... Так кто же из нас ошибся?..

12.03.2004.

рассказ

Сельские будни

Душевная боль совсем не то что физическая. Выросши без отца, Егор привык получать тумаки от старших товарищей, занимался дома, отжимаясь от пола да потягивая гантели, но никогда он не думал, что душевная боль настолько сильнее физической.

Когда он закончил школу, поступил в институт. Именно тогда он впервые почувствовал, что навсегда отвязался от деревни. И только сейчас, когда его бросила городская невеста, впервые за последние годы почувствовал он одиночество и решил вернуться в деревню.

В деревне его уже ждали. Мать наготовила пироги, дядька забил свинью, подружки-одноклассницы надели застиранные трусики и встречали его на пороге его дома.

--Как фашиста встречают,-- подумал Егор, вспомнив как белорусские крестьяне в начале войны встречали немцев.

--А вот и наш общий муж,--в голос закричала Светка, дочка председателя, которая давно уже, как понял Егор, положила на него глаз.—Но почему общий муж?

Мысль Егора не успела развиваться в конкретное предложение. Встречавшие его девушки затащили его сначала в сени, а после выебали по полной программе. Причем каждая, как понял Егор, реализовывала с ним все свои гнусные фантазии.

Когда он кончил, а случилось это перед Светкой, член Егора поник, сам Егор потянулся было к папиросе, но Светка заставила лизать. Кончив, она поцеловала его в губы и сказала, что теперь он ее муж.

--Я не согласен,--пробовал было возразить Егор, но судя по придвинувшимся к нему девушкам понял, что лучше ебать одну и быть охраняемым ею (женская ревность не имеет границ), нежели чем ебать каждую из девиц в отдельности. Девиц было пять, и Егор, соразмерив свои силы, понял, что ему вполне будет достаточно одной Светки.

Правда, ему еще нравилась Лизавета. Грудь у Лизы была как минимум седьмого несуществующего размера, половые губы (их он помнил еще по школьной юности) напоминали расколотый на две половины арбуз, клитор торчал хуем возбужденного мужика, в общем, Елизавета его вполне манила, хотя и она была не такая симпатичная на личико как Светка.

Светка была стройная, высокая, с пухлыми губами, узкими глазками, доставшимися от матери турчанки, и вообще по всему производила впечатление очень привлекательной девушки, которая к тому же, как помнил Егор, любит исключительно анальный секс.

Да он бы выебал их вместе, может даже и разом, поставив раком и переходя от одной к другой, но... Но Светка была очень ревнивой. И даже разговаривать с кем-то в ее присутствии было невозможно. Не то, что ебать.

Поэтому Егор ебал Светку. Задвинув до упора член между ее ягодиц, и подождав, пока прямая кишка девушки до конца примет его орган любви, Егор только тогда начинал фрикции,

приводившие девушку в неопиcуемый восторг. Ну или что-то наподобие восторга, сменяемого ужасом, ибо член Егоры был упруг, и растягивал анальное отверстие доверившейся ему девушки до физиологического максимума. Не зная при этом, впрочем, где он, этот максимум. Все-таки Егор был археолог, а не анатом.

В один из дней Егору повстречался отец девушки, Прохор Иванович.

--Ну как, обживаешься,--улыбнувшись в усы, поинтересовался Прохор Иванович.

Егор как-то неуверенно развел руками.

--Ну ладно-ладно, наслышан о твоих успехах.

--От дочки,--подумал Егор, и на миг сжался, словно его сейчас начнут бить.

Прохор Иванович больше ничего не сказал, и пошел своей дорогой. Дорогой проселочной, которую еще год назад, став председателем, обещал заасфальтировать, да судя по всему, до сих пор было не до этого.

Придя домой, Егор лег на кровать. Дома никого не было. Мать еще была на работе. Светка где-то шлялась. Егор достал свой член и стал его рассматривать.

--И что его так любят женщины?--не успел он подумать, как в дверь осторожно постучали.

Егор встал с кровати и пошел открывать. На пороге стояла Оксана, подруга Светы.

--А Света дома?—осторожно спросила девушка.

--Проходи,--зачем-то пригласил ее Егор.—Света скоро придет.

Девушка неуверенно прошла в комнату.

--Чем занимаешься?—видимо из вежливости спросила она.

Егору очень хотелось сказать, чем он на самом деле занимается, но он постеснялся.

--Выеби меня пожалуйста,--попросила Оксана.

Егор опешил. В голове у него пронеслось и то, что сейчас придет Светка, и то, что Оксана сама была замужем, и что вообще как-то непонятно все.

Он посмотрел на девушку. На вид Оксане было около тридцати лет. Невысокого роста, кряжистая, черноволосая, с развитой грудью и попой, Оксана вполне заслуживала того, чтобы ее выебали, а может и выебали хорошенько.

Егор задумался. Что-то его все-таки удерживало. Он медленно достал свой член и не успел его еще до конца извлечь, как подскочившая девушка обхватила его губами и принялась сосать.

Сосала она так, что Егор кончил почти сразу.

--Спасибо,--поблагодарила его Оксана.—Я тогда пойду.

--А Свету ждать не будешь?—спросил Егор.

--Нет, я лучше зайду в другой раз,--улыбнулась Оксана, и посмотрела на Егора таким взглядом, от которого у него сразу встал хуй.

--Подожди,-- попросил он. После чего подошел к девушке, одной рукой обнял ее, а другой вытащил свой член, который тут же лег в руку Оксаны, которая принялась тереть его своими пальчиками.

Егор подсадил девушку на стол, слегка развел ей ноги, и, введя хуй в раскрывшуюся и горячую от возбуждения пизду, принялся ебать Оксану. Вскоре Оксана застонала и кончила. Тогда Егор развернул девушку спиной к себе, и ввел член в ее анус. Как показалось Егору, Оксана застонала еще сильнее.

В этот момент вошла Светка. Изумлению девушки не было предела. Ее лучшую подругу ебал ее любимый человек.

Но Света умела сдерживать эмоции. Она подошла к кровати, сняла с себя трусики, легла и раздвинула ноги. Егор вытащил свой хуй из Оксаны и подошел к ней, намереваясь вогнать его в Свету между ее ног.

--Нет, ты не сюда,--распорядилась Света, открыв рот, и рукой махнув Оксане, чтобы она тоже подошла.

Егор вставил свой член в рот Свете, а Оксана, опустившись на колени, принялась вылизывать половую щель подруги.

Кончили они все втроем одновременно.

А потом решили жить все вместе. Тем более что, как оказалось, мужа у Оксаны не было. Егор ошибся, спутав ее с другой односельчанкой, которую, впрочем, тоже слегка поебывал, когда ни Светы, ни Оксаны не было рядом. А что до ревности, так Света к подругам не ревновала. Такой она была человек.

Август 2011

рассказ

Принцип реальности

1

Почти никогда еще Саше Андрееву не было так хорошо. Впервые за многие годы мучительнейших исканий он приблизился к квинтэссенции собственных размышлений: принципу реальности.

Открыл его он. Ну, быть может, не совсем он. Саша закончил немало учебных заведений, и знал, что над подобным проектом работали многие ученые (к категории ученых он причислял и себя). А некоторым из них даже удавалось изобрести нечто похожее.

Но вот что Саша знал наверняка, то, что удалось понять ему (тягостными размышлениями он шел к этому) – поистине заслуживало того, чтобы вписать его в ряды тех, у кого действительно получилось. Саша верил в свой успех. Ведь разработанный им принцип был и на самом деле интересный.

Ну, прежде всего, из чего он состоял. Когда Сашу спрашивали, он объяснял примерно так.

Каждый человек строит свою жизнь в рамках соответствующих стереотипов. Это так. Это первое. Второе: в результате действующих стереотипов такой человек («индивид»,-- поправлял себя всегда Саша) надевает на себя соответствующую маску («или вымышленный образ»,-- объяснял Саша), который отныне присущ ему, и с которым должны «считаться» окружающие. Это второе.

Третье. И вот тут-то как раз и имело место Сашино открытие. Ибо выявил он, что индивид, одевая на себя такую маску, уже как бы обрекает себя на существование в рамках ее. Тем самым – ограничивая себя. И не позволяя своему сознанию – выйти за рамки. («Мыслит и действует в рамках некоего приготовленного им же самим мотива поведения»,--усмехнулся Саша.—А ведь так быть не должно,--добавил он).

Саша, не в силах сдерживать распиравшие эмоции, вскочил и стал быстрыми шагами мерить свою комнату, которая служила для него кабинетом.

--И, получается, у него нет уже иного выхода...

--Вот-вот!—радостно потер ладошки Саша, и только тут оглянулся, отыскивая того, кто вмешался в ход его рассуждений.

--Нет-нет, вы продолжайте, пожалуйста,--услышал он голос невидимого собеседника.

--А, черт с тем что невидимый,--подумал Саша.—Ну так вот,--продолжил он.—По всему получается, что наш индивид оказывается действительно скован навязываемыми ему извне рамками приличий (Саша с трудом сдерживал улыбку, но заставил себя не отвлекаться),--и вынужден как бы строить свою жизнь уже в соответствии с выбранной – собой же (Саша акцентировал внимание) ошибкой.

--Так,--услышал Саша одобряющий голос своего невольного слушателя, и решил продолжить.

--...Нет, если можно, здесь хотелось бы поподробнее,--попытался прервать Сашу его слушатель, но это у него не получилось, и Саша Андреев сначала закончил свою мысль, а потом уже удивленно стал осматриваться в своем кабинете, словно бы припоминая, что тут ему только что возразили.

Видя, что больше ему никто не отвечает. Саша переспросил.

--Ах, да,--кивнул головой он, когда «собеседник» повторил вопрос.—Значит вас интересует, возможен ли самоличный выход нашего индивида из навязываемых им самим же рамок?—уточнил он.—Так отвечу вам, что нет,--Саша захохотал, про себя удивляясь комичности ситуации, в которую попал своим глупым вопросом его собеседник.

Видимо тот оказался удивлен, и даже произнес что-то наподобие того как: «не может быть» (ну или что-то подобное), потому как Саша принялся хохотать вновь, и уже его было не остановить.

Ну, или остановить очень трудно.

.....

Когда Саша закончил смеяться, была уже глубокая ночь. И словно бы ничто не говорило о том, что недавно у Саши вообще состоялся с кем-нибудь разговор.

Да и он, можно сказать, в это уже и не верил. Он лишь был уверен, что недавно совершил какое-то открытие.

Но самое печальное было то, что Саша напрочь забыл тему своего открытия. И сколько не пытался – вспомнить не мог.

А потом у него начались какие-то неожиданные погружения в прошлое. Когда события, произошедшие с ним пять – десять – пятнадцать лет назад, как бы заново переживались им. И от этого ему становилось очень и очень плохо.

Но наверное самое ужасное было то... Нет. самого ужасного как раз пока не было. Саша понимал, что все-таки он совершил какое-то очень важное открытие. И вспомнить в чем оно заключалось – теперь была для него наиглавнейшая задача. И он вспоминал...

2

Вспоминал он долго.

Иногда казалось, что как будто бы к чему-то он (в своих размышлениях) и приближался. Но при этом тут же и с такой невиданной силой Саша принимался возражать себе, что через время уже разом отбрасывал себя на былые позиции.

И Саша невероятно переживал подобное. Он даже заболел. По почти тут же поправился. Останавливаться было нельзя. И он это знал.

А потом он неожиданно умер.

И это, наверное, было самое печальное.

21 апреля 2006 год.

рассказ

За все надо платить

Вы думаете, я мог еще что-нибудь говорить? Ну, если так, вы явно преувеличиваете мои возможности. Да и в той ситуации что-то говорить было неуместно. А то и глупо. Скорей всего действительно глупо.

Но при всем при том, говорить было надо. Все-таки я стоял перед судом. И даже не только перед судом. Суд уже состоялся. Мне было положено последнее слово. И не воспользоваться им я не мог. Хотя и чувствовал, что глупо отрицать обвинения, которые с таким усердием собрали мои следователи. Да и за семь лет (с момента якобы первого совершенного мной преступления) что б их не собрать? Собрали. И разом вывалили на меня. А я должен был оправдываться.

Не буду. Не буду...

«Но ты должен, – противостояло мне мое «Я». – Ты просто обязан доказать, что ты не виновен. Тем более...»

«Что»? – с надеждой спросил я.

«Тем более, что ты отказался от адвоката».

Это действительно так. От адвоката я отказался. Так же как уже давно отказался от друзей, приятелей, знакомых и даже родственников. Я был один. И должен был отвечать.

«Вы берете последнее слово»? – спросила меня секретарь суда, удивленными глазками зыркнув в сторону лупоглазого и красномордого судьи.

«Беру», – кивнул я. И начал говорить.

Говорил я долго. Два раза гул в зале настолько возрастал, что мои слова тонули в потоке возмущения (хотя мне казалось, что больше там все-таки было недоумения), и судья объявлял перерыв. Кому были нужны эти передышки? Мне? Вряд ли. Когда я начинал говорить вновь, я говорил, словно никакого перерыва и не было. С жаром доказывая свою правоту. Ну и вероятно полагая, что за тридцать минут перерыва «зрители» ничего не забыли.

Я поймал себя на мысли, что моя речь в первую очередь предназначалась тем, кто собрался в зале суда. И словно бы до самого судьи мне не было дела. Это было не так. Мнение судьи для меня

было небезразлично. Тем более что именно он, фактически, и должен был выносить приговор. А от того поверит ли он мне или нет, зависело мое будущее.

.....

Это было первое слушание после тех четырех лет, которые я провел за решеткой. Первое слушание, благодаря кассационной жалобе, на которую наконец-то, впервые за долгие годы обратили внимание.

– Поздравляю, у тебя пересмотр дела, – провожали меня зека, которые сидели со мной в колонии, и все как один, конечно же, знали мою историю.

Об этом даже сняли фильм. И меня играл один знаменитый актер, фамилию которого я сейчас не помню.

– Значит хорошо играл, – сказал Рафик Мамедов (мошенник, с которым я познакомился в зоне).

– Почему? – не понял я.

– Ну как же? – удивился Рафик. – Ведь его настоящая фамилия ассоциируется с твоей.

Я кивнул.

Радостный Рафик развел руками, мол, вот тебе и ответ.

Я вынужден был согласиться.

Кстати, я не раз убеждался, что у зека развито логическое мышление. «Практика...» – подумал я. Понимая, что подобное нарабатывалось в частых спорах и было продиктовано исключительно желанием выжить. Выживал тот, кто мог логически обосновать свою правоту. И Рафик Мамедов был один из тех, кто славился подобным искусством.

Рафику было двадцать семь. Был он высокий и худой. На тот момент как мы познакомились, у него была уже его третья ходка. Первая случилось еще по малолетке, когда Рафик «взял на прокат» соседский мотоцикл. Вторая – когда он, отсидев, залез к тому же соседу домой. И был пойман с поличным, когда занимался любовью с его супругой.

Чтобы не позорить супругу (а заодно и себя), ни о каком сексе сосед решил не упоминать. И договорился с Рафиком, что тот пойдет на нары только за кражу. Вернее, за попытку кражи.

Интересно, что третий раз Рафик сел тоже за соседа. Сосед, правда, к тому времени уже развелся. Но решил коллекционировать антиквариат. И Рафик, через знакомого, несколько лет продавал ему копии картин известных художников, выдавая за подлинники.

Сначала сосед узнал, кто на самом деле продавец. А потом пригласил эксперта проверить картины.

Рафику дали пять лет. Когда я пришел в колонию, он уже сидел год. Сейчас он должен был выходить.

Кстати, уже много лет позже я узнал, что это фактически Рафик добился того, что мое дело вернули на доследование. А потом меня и отпустили. Спасибо, Рафик.

Я стоял перед судьей и ждал его решения.

Обо всем что помнил, я уже сказал. Слегка добавив и ряд подробностей, которые до этого держал при себе. Решив, что выскажу их в подходящий момент.

В моем деле только на первый взгляд было все ясно. Несколько изнасилований, попытка убийства, две кражи и хранение наркотиков.

Мой первый судья, решив, видимо, что улик достаточно (основным пунктом обвинения были показания свидетелей) вынес приговор: девять лет заключения. Три месяца к тому времени я уже провел в тюрьме.

У меня было такое состояние, что я не стал оправдываться. Особо не защищал меня и адвокат. Да и адвокат, как я знал (государственный адвокат, которого мне предоставил суд) был любовником одной из свидетельниц. Женщины, которую якобы я изнасиловал.

Почему якобы? Да потому что все обвинения в изнасилованиях – были обвинениями в изнасилованиях моих любовниц. На которых я не женился, и полагал, что именно в отместку они написали заявления.

Краж, кстати, тоже не было. Я забирал «свое». Первый раз – цветной телевизор, который когда-то купил на свои деньги, и, уходя от первой гражданской жены – оставил, предупредив, что заберу позже. Вторым эпизодом кражи шло изъятие видеомэгнитофона у второй гражданской жены. Мэгнитофон тоже когда-то покупал я. И уходя – сказал, что когда-нибудь его заберу.

У третьей жены (тоже гражданской) я ничего не «украл». Я только зашел к ней, снял куртку, прошел в кухню (дверь пришлось открыть своим ключом, на звонки в дверь никто не реагировал), как на меня набросился ее любовник. Набросился с ножом. Нож я отобрал. Он успокоился. Правда, для этого пришлось приставить нож к его горлу (этот эпизод в моем деле фигурировал как попытка убийства).

Что же до наркотиков, так в запарке (покидая недружелюбную квартиру) я перепутал куртки. А придя домой, стал пить. С горя.

Утром меня взяли мусора (за ночь мои бывшие любовницы, подстрекаемые любовником одной из них, адвокатом, написали заявления о кражах, неоднократных изнасилованиях и проч.) А в куртке (которую я бросил у входа) оказались наркотики. Анаша. Количества которой хватило для еще одного эпизода уголовного дела.

.....

Мне дали девять лет.

– Почему девять? – удивился Витя Татарин, бывалый сиделец (пять или шесть судимостей), который проникся ко мне неожиданным пониманием после того как я, разоткровенничавшись после чифира, поведал свою историю.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Цифры складывал не я.

Один из слушавших эту историю зека через несколько дней должен был выходить на свободу. А еще через месяц он прислал маляву, где писал, что выступает продюсером в фильме. И попросил разрешения отталкиваться от моей истории. Мне было все равно. Ну а может, в душе я понадеялся, что это мне поможет. Хотя бы морально. В фильме моего героя оправдывают.

Фильм я не посмотрел. Когда пришла кассета, я сидел в БУРе за то, что двинул в челюсть одному не в меру рьяному активисту. А когда вышел через десять суток – кассету уже изъяли во время шмона. И я продолжал отбывать наказание. И все время писал кассационные жалобы. Все четыре года. Пока дело не вернули на доследование.

Моим бывшим гражданским женам (сожительницам на языке протокола) к тому времени стало безразлично до моей судьбы. Хотя и признаться в том, что добровольный половой акт между мной и каждой из них они расценили как изнасилование – тоже не могли. Вроде как клевета получается. Понимая при этом, что в результате их сговора я уже несколько лет чалюсь на нарах. Неужели не мучила совесть?

Или мучила. А может, только начинала мучить. Ну, по крайней мере, мне хотелось бы, чтобы так было хотя бы в перспективе. Ведь, по сути, когда-то я этих женщин любил.

«Выходит, ты отсидел за любовь», – сказал мне Айзик Азимов, еще один из моих товарищей по нарам, который меня встретил у ворот тюрьмы (меня все-таки освободили; досрочно), и с которым мы сидели в ресторане, отмечая мое возвращение.

«Выходит что так, – согласился я. – За все надо платить».

«Это верно», – вздохнул Айзик, подумав верно о чем-то своем...

Сентябрь 2006 год

рассказ
Случай на гражданке

--И ведь не знаешь – где найдешь, где потеряешь,--задумался Владислав Петрович Шилкин, высокий сутулый мужчина сорока четырех лет, в прошлом военный-инженер, а ныне сотрудник загса.

В загсе Шилкин работать не хотел. Но так уже получалось, что после армейских будней, где сам себе не принадлежишь и выполняешь исключительно то, что приказано вышестоящим начальством, Шилкин как бы разучился думать.

Ну, то есть, не то чтобы он разом так взял и поглупел. Скорее всего и раньше все у него было не слава Богу. Но армейская жизнь как бы скрашивала будни. И вплоть до своего увольнения из армии – Шилкин как-то и не задумывался, куда катит жизнь. Он был попутчик. Да и, впрочем, не он один.

Сейчас Шилкину пришлось задумываться о жизни. Сама жизнь и радовала и не радовала его. Владислав Петрович вроде как и понимал, что обязан сделать какой-то выбор. В соответствии с которым будет жить на гражданке. Но вот в этом то и была проблема. Выбора было не сделать. Хотелось многого, и... ничего.

Шилкин поймал себя на мысли, что вполне был бы счастлив снова оказаться в армии. Но это было невозможно. Из армии Шилкина сократили. Да и на прощание начальник части сказал, что очень счастлив избавиться от такого долбоеба. Из песни, как говорится, слов не выкинешь.

На гражданке Шилкину поначалу пришлось нелегко. Но разобрался. И даже устроился на вполне приличную работу. В обязанности Шилкина входил поиск новобрачных. Новый заведующий загса решил резко повысить план заключенных браков в вверенном ему учреждении, а потому пошел на некий эксперимент, благодаря которому уже можно сказать Шилкин нашел работу.

--Вы должны проявить максимум конструктивизма,--говорил заведующий вновь принятому работнику, Владиславу Шилкину.—От вас требуется творческий подход. Можно даже сказать креатив...

Что такое креатив Шилкин не знал, и постеснялся спросить. Не очень он также понял все методы работы, к которым его сподвигал заведующий. Но Шилкин понял главное – чем больше будет новобрачных, тем больше будет его заработок. И Шилкин принялся за работу.

.....

Первое разочарование пришло через неделю. За неделю поисков Шилкин так и не смог найти желающих сочетаться друг с другом браком. Проблема ведь состояла в том, что нужно было найти как минимум две стороны. А Шилкин находил в лучшем случае одну. Да и то из категории тех, кому было все равно за кого выйти, главное выйти, замуж. Ну, или жениться. Попался Шилкину один чудик. Сосед Шилкина по коммунальной квартире. Стоило Шилкину заикнуться о браке, как тот уже был согласен. И готов был хоть завтра идти сочетаться законным браком.

Шилкин обрадовался, и даже набрался смелости, позвонил заведующему, сказав, что нашел первого клиента. Заведующий, которого Шилкин видимо застал в неподходящем месте, что-то буркнул и повесил трубку.

--Ничего,--кружил пол комнате радостный Шилкин.—Завтра все увидят что он хороший работник. А там, глядишь, и премию дадут,--мечтательно подумал Шилкин, не заметив, что кто-то стучит в его дверь.

Шилкин открыл. На пороге стоял сосед. Тоже, наверное, счастлив, что завтра брак,--подумал Шилкин.

--...я говорю,--видимо в который уже раз говорил сосед,--хорошо бы с невестой познакомиться до брака. Так сказать, узнать что да как,--донеслось до Шилкина.

--Как узнать?—не понял Владислав Петрович.

--Да нет-нет,--заулыбался сосед.—Я то понимаю, брачная ночь только после брака, но...

Шилкин немигающим взглядом уставился на соседа.

Тот силился объяснить. Вместо существительных, прилагательных и глаголов больше получалось междометий, наречий, и нецензурных выражений.

И тут Шилкин с ужасом стал понимать, о чем ему хочет сказать сосед...

--Подождите...--попридержал он соседа за локоть. Тот успокоился, замолчал, и стал с любопытством поглядывать на Шилкина.—Вы хотите сказать что не знакомы с невестой?

--Ну, еб...--дальше была довольно длительная цитата, из которой Шилкин понял, что сосед очень рад, даже можно сказать счастлив, что Шилкин его правильно понял.

--А когда вы говорили о браке, вы не имели в виду...--Шилкину уже можно было не уточнять. Его сосед, монтажник, уже неделю как пил. Шилкин подумал – «на радостях». Хотя и на радостях тоже. Женится человек. А тут оказалось что той, на ком он должен был жениться, нет.

--Как нет?—не понял сосед, и стал смотреть на Шилкину очень даже подозрительно. Сурово и подозрительно. Шилкин даже подумал, что сейчас его могут побить. И тут же у него промелькнула мысль, что завтра его наверняка выгонят с работы. Прошла неделя. Он никого не

нашел. А того кого нашел... В общем, по всему выходило что завтра будут им очень недовольны. И можно было просто не выходить на работу. Зачем? Чтобы получить...

--Я тебя спрашиваю!--закричал сосед, и Шилкин понял, что опять он попустил что-то важное. Причину гнева соседа, например. И предыдущие слова его. О смысле которых Шилкин догадался. И понял, что надо непременно искать невесту. Он даже подумал сейчас, что в случае чего может кого-нибудь уговорить на фиктивный брак. Главное ведь...

Что было главным, Шилкин знал.

Кое-как объяснив свой замысел соседу, Шилкин пустился на поиски «второй половины».

Приглянулась она ему сразу. Невысокого роста. Со слегка испитым лицом. По виду пьющая, но не бомжиха. Видимо возвращалась с работы и остановилась в парке пропустить по кружке... ну то есть – посидеть на пенечке и выпить бутылку пива.

--Скучаете?--подошел к ней Шилкин.--Не хотите завтра выйти замуж?

На лице женщины застыли весьма различные чувства. Можно даже было сказать, что она весьма смешалась, не зная, что же по настоящему ответить.

--Все очень просто,--улыбнулся Шилкин (хотя его колотило от беспокойства. В жизни с женщинами он общался мало. Если бы перед этим не выпивал – не общался бы вообще).--Если завтра бы вы сочетались браком с одним моим знакомым – то в этом случае всем было бы только лучше. Ну по крайней мере вы бы точно спасли меня. И быть может моего знакомого,--немного подумав, добавил Шилкин.--Ну как, согласны?

Женщина молчала. Она может и силилась что-то сказать, но видимо была слишком пьяна. Шилкин как-то не заметил этого сразу. Хотя может ее развезло от его слов,--подумал Владислав Петрович.

--Я прошу вас согласиться,--убежденно произнес Шилкин.--Если вы согласитесь, я... я... (Шилкин задумался, понимая что должен что-то предложить женщине в обмен на ее согласие) я вам отдам свою премию. И половину зарплаты за первый месяц,--решился Шилкин.

Женщина заинтересовано посмотрела на Шилкина. Может она была и не так пьяна,--неожиданно подумал Владислав Петрович.

--Вы согласны?--подгонял сам себя Шилкин. Ему не очень хотелось расставаться с премией и половиной зарплаты. Но он понимал, что на новой работе ему очень важно закрепиться. А для этого он обязательно должен показать результаты. Которые будут свидетельствовать, что он может работать. Может и хочет работать,--убежденно повторил Шилкин про себя. Вышло – вслух. Женщина, не отрываясь, смотрела на Шилкина. Потом она упала.

Шилкин огляделся по сторонам. Прохожих в парке было немного, но все были заняты исключительно собой. Шилкин приподнял женщину и усадил ее на пенек, на котором она до того сидела.

--Вы согласны?—с надеждой спросил он, обращаясь к даме. Даме было под сорок, и дама была пьяна.

--Надо было взять с собой жениха,--подумал Шилкин, пожалев, что не сделал этого.

.....

Кое-как доволочив женщину до парадной своего дома, Шилкин встретил «жениха», выходящим из подъезда.

--Невеста,--показал глазами Шилкин.

Жених ослабился.

Видимо прочитав в его глазах немного не то, что ожидал увидеть (если, конечно, что-то ожидал), Шилкин решил пока разместить еле стоявшую на ногах женщину у себя в комнате. А утром уже познакомить ее с соседом, и повести «молодых» в загс. Вместе с соседом они помогли женщине добраться до их коммунальной квартиры. Первой от входа была комната соседа. И Шилкин не сразу понял, что помог доставить женщину соседу.

--А...--пробовал, было, что-то сказать он, да только сосед неожиданно проявил решительность. И Шилкин не заметил, как оказался за дверью.

--А может и правильно,--внезапно подумал он.—Пока познакомятся... Чтобы завтра не вышло каких-нибудь неожиданностей.

Шилкину почти удалось убедить себя, что он сделал все правильно. Правда, чтобы уснуть, ему пришлось выпить почти два стакана коньяка. Он уснул, когда допивал второй.

.....

Проснувшись, когда уже был день, и из раскрытого окна доносился шум улицы, Шилкин сразу не вспомнил, что произошло накануне.

Об этом ему напомнил участковый.

В прихожей было много каких-то подозрительных лиц. Оказалось, найденная им вчера женщина был женой замначальника отделения милиции. Которая, поругавшись с мужем, напилась. И пока находилась в полубессознательном состоянии – ее подобрал Шилкин. Которому теперь грозило обвинение в похищении человека. А также в пособничестве к изнасилованию. Женщину сосед насиловал всю ночь. Правда соседи слышали женские стоны удовольствия, а сосед так и вовсе говорил, что она сама набросилась на него, но...

Ситуация принимала катастрофический порядок. В один момент могло разрушиться будущее Владислава Петровича Шилкина.

И, испугавшись, он...проснулся. Проснулся в своей комнате военного общежития. И тут же дал себе слово бросить пить. А то его и действительно могут сократить с военной службы. Ведь то, что с ним произойдет на гражданке, он уже знал. И увольняться из армии ему не хотелось.

5 мая 2007 год.

рассказ

Стремление к красоте

Могло получиться глупо, но Даниель Фейербах продолжал идти вперед.

Он остался один. Он проходил весь день. Пора было возвращаться домой. У него ведь был дом. И ждала в том доме жена. И старушка мама. И дочь мамы, его сестра, которая приехала в гости из соседнего города, где жила со своим мужем, монтажником-высотником, который так уставал на высоте, знал Фейербах, что собирался найти работу поспокойнее.

Сейчас получалось - его ждали действительно все.

--А ведь так было еще недавно,--вспомнил Даниель,--что он совсем не улавливал связь между собой и родственниками. То есть они были, но существовали как-то отдельно от него, от его интересов, вообще, быть может, от всего, что было ему близко.

И при этом Даниель чувствовал их заботу. Но забота эта казалась ему слишком поверхностной, как бы обязательной, не по велению сердца, чтобы он обращал на нее внимание.

Он и не обращал. Он, живя в семье, живя со всеми - жил все же больше своей жизнью.

И только раз заметил, что ошибался. Но этого раза более чем хватило. И Даниель Фейербах с тех пор каждый вечер шел домой. Заканчивал смену (он был учителем в вечерней школе, или как называл ее - в школе рабочей молодежи) и спешил домой.

Видимо, именно спешил. Ему все казалось, что происходит с ним что-то не по настоящему. Что вот он придет сейчас, и уже на пороге уловив нечто неопределенное, скользящее во взглядах близких людей, развернется и уйдет.

Он хотел уйти. Он мечтал уйти, и видимо это бессознательное желание периодически возникало в нем, и ему действительно хотелось...

Сейчас он задумался. Сказать, что он так-то уж мечтал куда-то уйти - было сказать неправду. Уйти он хотел, даже может быть и стремился бы куда уйти, да только это было что-то такое ненастоящее, не так, как должно быть; он понимал это, понимал что желание его слишком

загадочно даже для него самого. Что даже может это и не его желание. Может он внушил его себе, или оно само как-то странно вторглось в него, чтобы удивить его,--а после исчезнуть.

И исчезнуть оно могло столь первоклассно и внезапно, что он мог к тому времени только начать к такому желанию привыкать, а его уже как будто бы и не было. Было что-то, конечно, что могло бы, впрочем, существовать и так, да и существовало, наверное, совсем не обращая внимание на что-то, что должно существовать еще. Но это все как бы было не по настоящему. Да и сам Даниель, что уж точно, относился ко всему этому не серьезно. Ну, или - не настолько серьезно, чтобы было возможно ему сейчас, задумавшись об этом, как-то уж слишком серьезно переживать.

Он и не переживал. Переживая ровно настолько, насколько это требовалось чтобы показать свое сочувствие крушению чего-то,-- но совсем не настолько, чтобы пропустить подобное через сердце.

И он старался ничего не пропускать через сердце или душу. Потому что знал, что при ошибке - обернется это ему много хуже, чем могло быть раньше. Поэтому, иной раз, некоторая доля душевной черствости оказывала благоприятное отношение на будущее. Потому как это будущее приближало. Тогда как обернись иначе, будущего могло не быть вообще.

Даниель Фейербах шел по темным пустынным улицам родного города, и ему становилось постепенно страшно. Он вдруг представил, что, собственно, всю жизнь делает не то, что надо. Что если и начинает догонять какое - непременно уходящее - мгновение, то оказывается, в итоге, что он бежал не за ним. А того, за чем он начинал свой разбег - уже не существует.

Ну, или, не существовало раннее. Не было его в действительности. Ибо действительность, как понял Даниель, весьма и весьма обманчива. И ему даже допустить, что она существует, то это как бы все же и не так. Что это только кажется, что она существовала всегда, а на самом деле все это есть обман.

--Быть может даже и великий обман,--допускал он.

Тогда как ему в таком случае необходимо было повернуть жизнь на сто восемьдесят градусов, и быть может и просто бежать в ином направлении. Ну или - бежать ни туда, куда бы надо...

Даниелю Фейербаху было 37 лет. Всю жизнь он искал себя.

В поисках этих он с одной стороны преуспел, но казаться так можно было только с одной стороны. А с другой - он только запутывал себя. И до сих пор все еще бежал по кругу. Круг предусматривал периодическое возвращение туда, откуда человек начал когда-то движение. Но главное при этом, что было в мозгах Даниеля Фейербаха. А вот там была полная катастрофа. Потому как,-- там то было все спокойно,-- то вдруг вспыхивала какая идея. От которой начинал мучиться он самым невообразимым образом. Однако до того, как это действительно начиналось,--

успевал запутать мозги и себе и другим. И чтобы не прослыть совсем уж надоедливый субъектом - вынужден был приспособливаться к этой ужасающей действительности. Прятать куда-то вглубь то, о чем порывался сказать. И, получается, обманывать самого себя. Потому как он...

Он ведь на самом деле был совсем другой. Он мог бы, при случае (если бы возник такой случай) показать всем, на что он в действительности способен. Потому как то, на что он был способен... Да это, собственно, было для него и самого загадкой, откуда взялись все эти способности. Он только единожды открыв их - констатировал наличие в себе чего-то увлекательного. В чем еще предстоит, конечно, разобраться. Но что, по сути, было как бы и не по настоящему уже. Потому как уже тогда Даниель улавливал какую-то ложную сущность всего подобного. Когда он даже если и стремился к чему-то, то уже вскоре понимал, что это на самом деле не то. И хоть продолжал движение по-прежнему, уже знал, что на каком-то этапе совсем безболезненно прекратит свой бег. Повернет обратно, начнет бежать в другую сторону, а может и вовсе получится в итоге нечто невообразимое, загадочное, странное, быть может, даже...

И в то, что это будет так, Даниель Фейербах начинал верить в самый момент возникновения подобного в его мыслях-желаниях. Мыслях - не реализованных желаний. И фантазиях. Фантазиях, в которых в недавних пор научился он выделять суть. Не только отделяя главное от второстепенного, но и от того, что если и было необходимо, то только лишь на одном каком-то - чаще всего начальном - этапе. Тогда как после... после все обещало быть по другому. Да и, наверное, было. Самому Фейербаху это уже было не так интересно. Ему много важнее был процесс. Участие в чем-то таком, чтобы он еще до конца пока не понимал, но уже бы догадывался, что это нечто весьма и весьма примечательное. Что действительно необходимо ему. Что способно привести к чему-то поистине достопримечательному.

Ну, или прекрасному. Даниель ведь стремился к красоте. И то, что он пока еще бродил вокруг да около, как бы свидетельствовало, что он находился в поиске. Получалось - стремление - инсценировало поиск. А поиск должен был увенчаться победой.

А домой тогда Даниель так и не дошел. Повернув на полдороге, он забрел в бар, крепко напился, познакомился с официанткой, и в конце смены уехал к ней. Причем ему так понравилась внезапность совершенного им, что он впервые за долгие годы почувствовал, что его мысли пришли в удивительную упорядоченность. И просыпаясь - Даниелю больше не нужно куда-то бежать. Его, его Даниеля Фейербаха, которого до этого называли исключительно неудачником, вдруг стали принимать такого какой он был. Любили, заботились, носили буквально на руках. И подчинялись. Всецело и бесповоротно.

И вдруг понял он, что ему все жизнь как раз этого только и не хватало. Что ему теперь совсем не надо было что-то искать. Что он неожиданно нашел то, до чего шел пол жизни, и провел бы в поисках подобного оставшуюся половину. Действительно нашел...

Случайно,-- но именно сейчас он нашел все. И даже больше нашел, нашел то, о чем совсем пока не мог помыслить в своих размышлениях.

Сейчас, именно сейчас его сознание впервые за все годы озарилось улыбкой. А Даниель (или Даня - как его теперь называли) стал спокоен. Спокоен настолько, что окружающий мир, казалось, всецело подчинился ему. А он, Даня, стал в гармонии с природой.

И это для него сейчас было самое главное. Потому как о чем-то другом он как-то быстро забыл. Да и было ли что это другое, он уже не знал. Предполагая, что его и не было.

29.11.2007 год.

2004-2011 гг.

Сергей Зелинский

© С.А.Зелинский. Деньги для счастья. Сборник повестей и рассказов.